

A close-up portrait of a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is looking directly at the camera with a serious expression. His right hand is raised to his forehead, and he is wearing a large, ornate ring with a green rectangular stone and a diamond band.

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

ПЛЕННИЦА

Ворона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева

Пленница Ворона

<https://litres.ru/74675128>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ива, ты выбираешь не мужчину, а зверя! Он тебя погубит!». Мой отец пытался остановить меня. Но было слишком поздно — Ты сама ко мне пришла, девочка, — соблазнительно шипел Гордеев, и в его голосе звенела сталь и что-то ещё тёмное, манящее, от чего по спине одновременно пробежали и холод, и жар. — И ты горько об этом пожалеешь.

Ещё вчера я была обручена с наследником империи. Сегодня стала публичным позором клана «Воронов», где брак — это ход в игре, а женщина — покорное создание.

Мне подарили унижение, я отвечу войной.

Моим оружием стал Герман Гордеев — дикий, беспринципный, жестокий зверь, презирающий правила. Он — пламя, в котором я не разглядела страсть, силу, власть. Осталось лишь плеснуть в него немного масла

Главное — не сгореть в нём первой.

Содержание

От автора:	4
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	49
Глава 4	70
Глава 5	91
Глава 6	116
Глава 7	132
Глава 8	152
Глава 9	171
Глава 10	185
Глава 11	207
Глава 12	225
Глава 13	238
Глава 14	257
Глава 15	269
Конец ознакомительного фрагмента.	286

Евсения Медведева

Пленница Ворона

От автора:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ | СТРОГО 18+

Все герои и события вымышлены, совпадения случайны!
Книга может содержать сцены насилия, откровенные сексуальные описания и ненормативную лексику.

Персонажи далеки от идеала, но с идеальными было бы скучно!

Курение и употребление алкоголя вредят здоровью.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Приятного чтения!

Глава 1

Все знают, как звучит разбитое женское сердце...

Но никто не догадывается, как звенит уязвлённая гордость,

попавшая под каблук «мужского слова»!

Тяжелый бархат с глухим шуршанием впустил меня в зал совета клана «воронов».

Звучит красиво, выглядит помпезно, но это всего лишь обманный манёвр. Каждый раз, переступая порог «гнезда», каждый «ворон» гадает, удастся ли заключить мир в этом году? Или все семьи снова рассорятся и пойдут войной друг на друга?

Наверное, «война и мир» выглядит именно так? Вычурный шик позолоты, блеск бриллиантов, приглушенный свет многоярусных люстр и кучка кровожадных миллиардеров, сбившихся в стаю черных душою «воронов».

— Милая, ты снова заставила себя ждать? — из пугающих мыслей вырвал голос отца.

Его тень лишь на мгновение перекрыла свет, падающий на полумесяц стола, за которым уже пятьдесят лет крупнейшие магнаты нашего региона демонстрировали искусство компромиссов.

— Проходи к своему месту, — папа галантно протянул

мне руку и подвёл к креслу, на короне которого красовался камень нашей семьи.

Я оправила свой длинный шлейф, униженный ворохом чёрных перьев, и гордо расправила плечи, даже не пытаясь скрыть провокационный лиф платья. Как говорит моя бабуля, Кларисса Александровна: *«Красота — единственное оружие женщины, и нужно быть полной идиоткой, чтобы не метать им в мужчин при любом удобном случае».*

М-м-м-м... Как сладко и одновременно тошнотворно ощущаются на коже липкие мужские взгляды. Их внимание льстит, греет, подпитывает самооценку, но абсолютно бесполезно. Я и так знала, чего стою. Трудно не узнать, когда каждый год перед советом «воронов» к нашему дому стягивается косяк потенциальных женихов, желающих заключить союз с нашей семьёй.

Над нами давно уже кружили расчётливые стервятники. И мне удавалось держать оборону... до сегодняшнего дня.

Я брезгливо отдернула правую руку, на которую бабушка, в дань традициям, лично повязала шёлковую ленту цвета молодой крови. Лента – метка свободной невесты, готовой принять выгодное предложение о браке. Своего рода тендер. Где я и лот, и приз... Сомнительный, конечно... Но дерзость характера скрасит империя, идущая в придачу.

Мы не обычные люди, не простые бизнесмены... мы – «вороны». И женимся мы... своеобразным способом. Но что поделать? Это традиция... Бабушка была выдана замуж в

этом зале. Мою мать отец привёз в свой дом после очередного совета «воронов». И моя старшая сестра ушла окольцованной отсюда ровно десять лет назад. Но стоит признать, счастливей женщин я не встречала!

Нет, нам тоже читают сказки про злых драконов и доблестных принцев, готовых на всё, лишь бы спасти свою возлюбленную. И я тоже мечтала влюбиться и сбежать из родительского дома, лишь бы не стать одной из дур, что напяливают на себя ленту и идут в дом будущего мужа без любви...

Но реальность куда суровее, чем самый мрачный лес из дарк-фэнтези.

Я – наследница своей империи в четвёртом поколении... И звучит это сильно, если бы не одно «но» ... Я – женщина. А это в наших кругах принято считать фатальным недостатком.

«Идиоты», – пронеслось в голове.

Но... правда такова, что нашей империей всегда руководили женщины. А выросла она из аптечного ларька, которым владела моя прабабушка Агата. Но помог ей удержаться на вершине сильный «ворон», мой прадедущка. Именно женщина была сердцем и мозгом будущей фармакологической корпорации, несмотря на то, что по бумагам все лавры успеха доставались мужчине. А дальше бразды правления приняла моя бабуля, и схема повторилась. Опять она – основа, а «ворон» обеспечивает надежный тыл.

«Ива, ты у меня умница! Но скольких женщин ты знаешь»

во главе империй? Скольких? Тебе нужен свой «ворон»! Иди и без мужа не возвращайся...»— слова бабули стали последним аргументом, после которого я сдалась, доверившись выбору старших.

Кстати, о выборе... Я откинулась на спинку кресла, чтобы незаметно рассмотреть своего будущего жениха. Герольд Гордеев – старший сын и наследник нефтяной империи.

Недурно, папочка постарался... Высокий, статный, да и на лицо он очень даже ничего. Я невольно усмехнулась, рассматривая его генеральскую выправку, полную гордости сидеть в первой линии стола.

Какая глупость... Гордиться нужно своими успехами, а не наследством дряхлеющего отца, к которому ты не приложил ни грамма усилий.

— Что-то не так... — шепот отца прозвучал, как щелчок взведённого курка.

Я вырвалась из водоворота мыслей, когда глава клана, Тихон Тимирязев, уже хлопал ладонью по чёрному гляncу стола, знаменуя конец официальной части.

— Сегодня хороший день... Мы все в сборе, вопросы решены, мир установлен. А значит, пора переходить к торжеству! Дамы и господа, у меня для вас отличная новость, сегодня две старейших семьи решили скрепить союз обручением своих детей, — Тимирязев жадно потирал свои морщинистые ладони, а после скользнул взглядом в сторону семьи Гордеевых.

— Почему он сначала закончил собрание? — возмущенно шептал отец, буквально прожигая взглядом Гордеева-старшего. Мало того, что тот был бледнее снега, так ещё и не решился поднять головы! Лишь его перстень с зеленым камнем тускло поблескивал на фоне черного мрамора стола.

Я не сразу поняла, чем так возмущён отец. Сама-то я регулярно отлынивала от собраний, лишь бы случайно не стать предметом торга и переговоров.

— Герольд Гордеев, поднимись! — скомандовал Тимирязев, и с противоположного конца стола донёсся пронзительный скрип отодвигаемого кресла.

Я обернулась. Герольд медленно, почти театрально поднялся, одернул смокинг, машинально поправил бабочку и вытянулся струной. Каждый его жест выдавал торжественность, вот только взгляд его был направлен... не на меня!

Следом за старшим сыном, как безвольная марионетка, встал и старик Гордеев. Да по его лицу было видно, что он не то что устал от этих собраний, он жить устал... И ему глубоко фиолетово, на ком женить сына, лишь бы все от него отстали.

Но я снова перевела взгляд на Герольда, а в ушах пронеслось эхо его слов, сказанных сразу после встречи с моим отцом:

«Ива, я ищу не просто жену, я ищу верную спутницу по жизни, — обронил Герольд и аккуратно сжал мою руку, мельком проведя пальцем по внутренней стороне запя-

стья. А через мгновение кожу ошпарил холод бриллиантового браслета. — Взамен я предлагаю тебе своё сердце и обещание быть достойным мужем для столь шикарной женщины...»

Преданность, говоришь? Слово? Сердце?

И сколько теперь стоит этот твой набор субпродуктов? Сколько?

Я уже не скрывалась, пялилась на Герольда, пытаюсь привлечь его внимание! Но хоть он и подёргивался, явно чувствуя мой взгляд на своей тупой башке, но вида не подал. Гордеев смотрел прямо перед собой... На ту сторону, где сидели Огнев!

— Лизавета, поднимись, — снова грохнул Тимирязев, и скрип послышался слева от нас.

Вдох... лишь бы заткнуть свою стонущую обиду! Она вопила стаей взбешенных воронов, клокотала яростью, хрустела сталью. Но этот концерт слышала лишь я!

Подавив порыв вскочить и устроить конец света этим ублюдкам, я спокойно подцепила подаренный бриллиантовый браслет, сдернула его, позволяя рухнуть на пол, прямо к моим ногам... Там ему и место!

Не сердце моё стонало, а лопнувшая гордость, которой я пожертвовала в угоду традиций, крепости союзов, которых никто и никогда не нарушал! Но система сломалась... И именно на мне.

— Семён Огнев, отдашь дочь за моего сына? — голос Гор-

деева старшего был слабым, но в гробовой тишине зала звучал как свист плети.

— Отдаю! — торжественно воскликнул гордый Огнев, и его холёное лицо растянулось в победной ухмылке.

Этот придурок даже не сумел удержаться от победного взгляда в сторону моего отца!

И после слов согласия поднялась неприметная девушка. Как говорит моя бабуля: *«Маленькая собачка — всю жизнь щенок»*. Вот и Огнева была такой: глазки-пуговики, круглолицая, коренастая и до румяности смущенная. Она даже сейчас нервно теребила правую руку, на которой болталась точно такая же алая лента, как и у меня.

Естественно, Огнев рад... У него нет наследников, а его газодобывающий комплекс разваливался на глазах. Вот кому эта сделка нужна была как воздух! Вот кто воистину счастлив избавиться от своей дочери, на которую никто не покушался в силу неприметности и пугливости.

Я продолжала следить за фарсом, отлепила взгляд от Огневых и вновь вернулась к Гордеевым. Старик пошатывался, его ноги подгибались от слабости, а вот Герольд напоминал скалу: холодную, беспринципную и безжалостную...

Он в характерном и уж очень откровенно-повелительном жесте вскинул вверх свою правую руку. А белокурая девушка безропотно, словно получив приказ, засеменила прямо в центр «полумесяца».

Раздался грохот... Все восемь семей с треском опустили

руки на стол, готовые отдать дань традиции помолвки, для этого обнажили свои камни, символизирующие преемственность власти.

Восемь «воронов». Восемь камней... Тимирязев, Бесадзе, Бестужев, Гордеев, Баринов, Огнев, Ястреб и Майер!

Это восемь главных столпов нашего региона, союз большого бизнеса, инвестиций и опора для власти! И никому не выгодно, чтобы мы драли друг другу глотки.

Именно поэтому много лет назад дед Бесадзе, проявив смекалку, усадил всех за один стол и заставил обмениваться клятвами не проливать кровь. Через год он провернул эту же хитрость. Дальше и вовсе начал сватать одних наследников за других... И с тех пор мы шатко, но лавировали на краю пропасти, не срываясь в передел власти и обоюдные набег.

— Ублюдок, — яростно зашипел мой отец и сомкнул кулак.

А мне неожиданно захотелось рассмеяться...

Вот они — ваши договорённости!

Вот ваше «слово ворона», которое теперь ни черта не стоит!

И лишь робкая блондинка, стыдливо приклонив голову, по очереди обходила старших представителей семей. Они не то чтобы благословляли, скорее выражали отсутствие претензий к браку, даруя в знак своего согласия короткий кивок головы.

Но это было лишь начало... Я буквально мечтала, чтобы

она поскорее подошла к нам!

— Не сопротивляйся, папуля, — шепнула я и дернула отца за рукав, когда Лизавета, отойдя от Бесадзе, двинула в нашу сторону.

Блондинка согнулась в три погибели, пытаясь не встретиться со мной взглядом.

Сука... Она знает!

Я бегло обвела взглядом собравшихся. И кажется, искренне удивлённых лиц тут по пальцам можно было пересчитать. Они... Они все были в курсе?

Значит, это не подковерные игры?

На анализ у меня ушло несколько секунд, я даже не стала одергивать отца, когда он решил отомстить всем долгой паузой, прежде чем дать своё согласие. Но все знали, что отец обязан дать согласие.

До инициации, до официальной помолвки все договоренности – шепотки в углу школьной раздевалки. И если бы это было до объявления мира, то смысл бороться ещё был. А вот после – глупое растягивание акта унижения. А свою дозу мы уже сполна получили...

Можно уйти? Можно... Но тогда я навсегда останусь «непроданным товаром». Да и необходимость взять в мужья кого-то из «воронов» не отпадёт, и на следующий год всё повторится опять! А с каждым разом претенденты заканчиваются, но и рассматривать родственников второй линии я не намерена.

И тут, в массе серых лиц я споткнулась об искры серо-зеленых глаз!

Гнев? Досада? Нет... жажда мести! А это именно то, что мне было нужно.

Пользуясь тем, что Огнева отправилась дальше собирать одобрения, я начала изучать «носителя» зеленых глаз... Не может быть!

Черт... Он всегда был парадоксальным. Все на контрастах, на грани, по максимуму. И даже сейчас все его эмоции жили исключительно во взгляде этого мужчины. Сам же он вальяжно растекся по креслу, покачивая бокалом и даже не пытаясь скрывать искреннего любопытства, наблюдал за всем происходящим.

«Ива, остановись!» — кричал мой внутренний голос, но было слишком поздно.

Ярость уже подступала к горлу, формируя слова, а в голове мелькали шахматные партии, с помощью которых можно отомстить...

— Да придёт мир в наш новый дом! — хлопнул в ладоши Тимирязев, скрепляя союз.

Старик улыбался, считая, что сделка завершена, и уже ничего невозможно отменить или испортить, когда я вскочила на ноги.

— Ива, сядь! — попытался усмирить меня отец, но было поздно!

В знак веса своего голоса, в знак права говорить от всей

семьи Майер, я выставила руку с перстнем, украшенным бирюзовым камнем, и застучала ноготками, щекоча нервы «старших».

Липкие взгляды мужчин сменились холодом опасения и тревоги... А женщины и вовсе возмущённо охнули, не привыкшие к подобного рода выходкам. Но поздно... Стоп-кран сорван. Добро пожаловать на мой спектакль!

— А я думаю, чего это дядюшка Тимирязев отошёл от традиции? — я подняла свой недопитый бокал, махнув в сторону молодых, а после брякнула им о стол, наблюдая, как по руке скользят мелкие осколки...

— Ива... — снова зашептал отец, но я стряхнула крошки с пальцев и расправила плечи, в упор смотря на Герольда, что явно не был готов к такому повороту.

— Браки, союзы согласовываются до заключения мира... Разве не так? Разве не безусловному следованию непреложных правил вы нас учите с пелёнок? А сейчас, получается, вы заключили мир на год... А после преподнесли сюрприз в виде пощёчины моей семье? — на удивление мой голос звенел спокойствием, а на губах играла широкая улыбка, обнажающая белоснежный оскал.

Зал загудел ропотом возмущения. Слышала и шепотки, и возмущение, и даже осуждение за дерзость. Но больше всего я кайфовала от шока в глазах Герольда. Неужели это стыд?

Если «слово ворона» ничего не стоит... если с такой легкостью можно нарушить традиции, то, выходит, бабушка с

отцом правы? Этим заговорщикам ничего не стоит забрать у меня всё в случае неповиновения? Для этого нужен равный, сильный и из нашего круга? Для этого... нужен собственный «ворон», способный дать отпор этой своре!

Чёрт подери!

— Лизавета, значит? А ведь, Герольд, на её месте должна была быть я! Дамы и господа, чего же вы отворачиваетесь, отыгрывая изумление? Признаться, я в смятении... Радоваться мне или рыдать от неожиданного сюрприза? Не то чтобы я мечтала оказаться в твоей постели... Но сам понимаешь — наши непреложные правила, — я взмахнула рукой, брезгливо потряхивая лентой, которую хотелось отгрызть и спалить в пепел!

Но нельзя! Традиции... Хотите традиций? Тогда получайте...

— Ива... — начал было оправдываться старик Гордеев, но тут поднялся мой отец, взмахом руки обрывая поток лживых слов.

— Боже, какие вы все придурки! — выплюнула я и вскинула голову вверх, пытаясь договориться с самой собой.

Но внезапный залп хохота слева поставил окончательную точку...

Вкинула взгляд на Тимура Бесадзе, внука и единственного наследника основателя нашего клана. Он откровенно потешался над Тимирязевым, обнимая свою молодую и немного перепуганную жену не из нашего круга.

Но ему можно! Он — мужчина, он — хищник.

Это ему придется защищать свою территорию! Значит, мне тоже нужен хищник...

И желательно такой, чтобы вместе отомстить за моё унижение, которое я вынуждена проглотить.

Чего Герольд ждал? Что я сбегу и буду утирать слёзы? Что потом соглашусь на любого, которого мне подsunут, дабы откупиться?

Бесадзе снова рассмеялся, и я невольно проследила за его взглядом, устремленным к мужчине, на которого я пялилась минуту назад. Боже, какие зеленые глаза... а в них хаос, безудержное веселье и едкая ненависть.

— Вы мне обещали Гордеева? Тогда я требую сдержать слово «ворона»! Если оно, конечно, чего-то стоит! Или, быть может, все ваши договоры о мире тоже не более чем пустой звук и красивый фарс? — злость сорвалась с языка шипением ядовитой гадюки. — Чему верить? А, дядюшка Тихон?

Отец словно понял ход моих мыслей и зашептал на ухо:

— Не смей! Ива, он — зверь! Он — огонь, о который можно спалить крылья...

— Пап, а разве не это нам сейчас нужно, чтобы отпугнуть падальщиков? Они прилюдно обломали наши крылья, и пара ожогов ничего не изменят, — я посмотрела в глаза своему любимому папочке.

Так уж вышло, что на мне род Майеров должен закончиться... Не случилось у родителей сына, а значит, вся от-

ветственность за нашу империю, созданную тяжелым трудом бабушек и дедушек, лежит на моих плечах.

Мы долго с отцом смотрели друг другу в глаза. Тишина сгустилась... Я отчётливо слышала шепотки, нервный стук сердца и тяжелое предвкушение, с которым ожидали собравшиеся нашего вердикта.

Война? Мир? Или смиренность...

Если простить одну пощёчину, то завтра к тебе снова придут с требованием подставить другую щеку. Потом им станет мало... И меня поставят на колени!

Но это не про меня...

— А старший Баринов? — снова шепнул папа, не скрывая паники.

— Этот ублюдок? Он же слабак... Какой из него защитник? У нас больше нет вариантов, — тихо ответила я, когда отец прижался горячими губами к моему виску.

Я это знала... Он это знал... Да все собравшиеся это знали!

— Георгий Гордеев, ты готов отвечать за слово «ворона»? — отец грохнул кулаком по столу, и Гордеев-старший был вынужден подняться, чтобы ответить на вызов.

— Но Герольд уже обручён, — заблеял старик, смущенно смотря на старшего сына.

— А я не о старшем, а о нём... — нагло рассмеялась я и вскинула правую руку, алая лента ликующе всколыхнулась, указывая отнюдь не на старшего сына.

Лента танцевала, указывая в сторону серо-зеленых глаз, до сих пор таящих штормовые волны океана. И я смотрела в эту бурю, наслаждаясь рокотом её волн.

Понимала ли, что подставляю его? Понимала... Но ещё я успела осознать, что со мной у него шансов куда больше, чем без меня!

Младший сын... Герман Гордеев.

Знойный красавчик с обложки журнала для взрослых. Лощёный волчара в смокинге, знающий свою силу, лелеющий свою дерзость, отчетливо понимающий, что легальным способом ему не заменить Герольда. Как только старший брат займёт место отца, Герману останется лишь вечный статус «младшего»!

Но я его слишком хорошо знала, чтобы верить в его смирение судьбе. Нет... Эта неразлучная троица: Бесадзе, Гордеев и Баринов – вечные занозы в задницах «воронов».

Они-то мне и нужны!

Даже после моих слов Герман не шелохнулся.

Он вальяжно попивал коньяк, его длинные пальцы нежно сжимали ножку рюмки, покачивали янтарную жидкость, не позволяя той расплескаться. Он с каким-то пугающим холодом и достойным отпором принимал мой вызов... Его взгляд потемнел, веки сжимались в опасный, хищный прищур.

Герман молчал не для того, чтобы поиграть на нервах. Он тоже просчитывал ходы партии, в которую я его втягиваю против воли. И всё что мне оставалось – покорно ждать, по-

нимая, что заслужила эту тишину.

Герман дернул уголком губ, в машинальном жесте прошёлся рукой по вьющимся волосам. А после откинул голову, чтобы оценить реакцию своего отца и старшего брата...

Герольд рывком склонился к младшему брату и что-то яростно зашептал. Он буквально требовал хоть раз не вести себя, как скотина! Но что-то мне подсказывало, что лучшего случая уже не будет...

Герман отмахнулся от брата, как от назойливой мухи, даже не пытаясь скрыть пренебрежения к нему перед «старшими». Над столом вновь пролетел рокот возмущения, но и его Герман проигнорировал.

Он медленно перевёл взгляд на своих друзей... Сначала состоялась дуэль с младшим Бариновым, которому тоже не грозит статус наследника, потом с Бесадзе, уже сменившего на посту своих отца и деда. И последним раундом был наш с ним поединок.

Герман словно пытался понять, стоит ли ввязываться в эту бойню? Выдержу ли я её?

«Я отомщу! Я выдержу...».

Как только я безмолвно, одними губами произнесла эти слова, Гордеев лениво поднялся со своего трона, вальяжно толкнув бокал по столешнице прямо в руки старшего брата. Его движения были медленными, полными пружинящей силы хищника перед прыжком.

— Ну, иди... — и если его жесты были ленивыми, то го-

лос звенел, как лопнувшая струна, дребезжа не страхом, а принятым решением.

А это-то мне и было нужно...

— Хватит! — запоздало подал голос Тимирязев. — Ива, поверь, никто не хотел нанести оскорбление вашей семье! Всё это... недоразумение! Не стоит горячиться, мы виноваты и приносим извинения.

— Тимирязев, а может, ты в доле? Или, может, это все твоих рук дело? — гаркнул отец, обрывая жалкую попытку оправдаться. — Хватит! Вас мы уже послушали, теперь наша очередь. Этот союз не нарушает правил и традиций. И лично я не вижу причины для отказа, если только ты сам не выбрал за кого должна выйти моя дочь!

— Всё, встреча закончена. Расходимся! — попытался было навести порядок дядюшка Тихон, но его голос утонул в хаосе шума.

И как ни странно, слабый старик Гордеев сломался первым... Он покачнулся, вскинул подбородок и посмотрел на моего отца:

— Давид Майер... Отдашь в жены моему младшему сыну свою дочь?

— Отдаю! — с вызовом прохрипел папа, и «полумесяц» дрогнул от яростного удара кулака.

Мой дьявольский смех заскользил по помпезно украшенному залу. Он ударился в плотное полотно бархата, облетел головы собравшихся победным кличем и опустился у ног

Германа.

Я подхватила шлейф своего платья и вышла в центр внутреннего круга стола, но вместо того, чтобы сразу склониться и проявить покорность традициям, уважение «старшим», я начала кружиться.

Перья моего шлейфа переливались, блики свечей ласково бродили по ткани платья, я чувствовала, как прозрачная вуаль растирает кожу, ласково оглаживает грудь.

Но делала я это лишь для НЕГО! Для Германа, что не испугался схватки... Для мужчины, способного думать и принимать решения, а не уповать на волю родителей и правила «воронов», которые они и сами нарушают.

Я упивалась замешательством «старших», растерянностью Герольда, одобрением Бесадзе, Баринава...

И тут штормовая буря растворилась, выпуская восхищение. И Герман даже не пытался его скрыть! Он согревал меня, рассматривал, не играя роли сурового и холодного придурка. Он до сих пор держал руку, дожидаясь своей невесты... И я знала, что он не передумает, поэтому остановилась и двинулась первой к Тимуру Бесадзе.

Я впервые склонилась, как того требовали традиции. Тело сопротивлялось, возмущалось, желая вновь расправить плечи... Но Бесадзе я готова была выразить своё почтение, поэтому за шаг до его сектора я прогнулась в изящном реверансе.

— Ты уверена? — едва слышно шепнул Тимур, поднима-

ясь с кресла. — Ива, ты выбрала себе не игрушку, а непокорного зверя. Игрушка сломается, а этот хрен согнется.

— Заткнись и благослови меня, Бес! — огрызнулась я и смело посмотрела на его красивую, но уж очень перепуганную жену.

Ха-ха... Кажется, это её первое собрание?

Тимур не разочаровал меня... Он не просто наградил меня кивком, он вскинул руку и медленно опустил её на мой затылок — в жесте полного покровительства новой паре. А этого жеста, если верить бабушке, на балу не было уже больше двадцати лет.

— Спасибо, — еле слышно шепнула я, а после гордо расправила плечи и начала унижительное шествие вдоль стола.

Я вымученно склоняла голову, а уж реверанса и вовсе никто из собравшихся больше не заслуживал. А дойдя до Тимирязева, я чуть не прыснула смехом, заметив на его лице откровенное замешательство. Все шло не по сценарию, дядюшка словно пытался осмыслить сменившийся расклад сил.

Но у него не было выбора... Ведь это именно он первым нарушил ход церемонии.

Тимирязев кивнул, и я двинулась к столу Гордеевых, оставив за спиной гул неодобрения. Я прошла мимо отца Германа, не удостоив его взглядом, мимо бледного, сжавшего кулаки Герольда.

Мой путь лежал только к нему.

И когда наши взгляды встретились, я ощутила странный огонёк, что вспыхнул где-то под сердцем. А ещё я отчетливо услышала лязг замка от клетки, в которую входила добровольно. Знала, что это обитель зверя, знала, что там свои правила, но всё равно шла... И теперь в этой клетке нас двое!

Герман стоял твёрдо, уверенно, да и смотрел он на меня с интересом, лишь изредка щурясь, пытаюсь притушить пламя в глазах.

Я тряхнула лентой, и Герман ловко подхватил шелковую негодницу, крепко удерживая в своих длинных пальцах с еле заметными шрамами на побелевших от напряжения костяшках. Он намеренно коснулся моей кожи, и прикосновение это обожгло не жаром, а резким электрическим разрядом. Затем он медленно, с непередаваемой жестокостью обернул ленту вокруг своего собственного запястья. Шёлк шипел по шерсти смокинга.

Герман дёрнулся и намертво затянул узел.

Этот звук был громче выстрела. Громче любого обещания... Эти твёрдость, резкость, уверенность принесли покой в мое разъяренное сердце.

Сделка завершена... Обратного пути нет. Клетка закрыта.

— Да придёт мир в наш новый дом! — нехотя грохнул Тимирязев и дважды ударил в ладони.

Герман сделал шаг, остановился почти вплотную... При каждом вдохе моя грудь упиралась в его смокинг. Чувство-

вала напряжение его мышц, ровное биение сердца, ловила скольжение металлических пуговиц, ощущала их жуткий холод, от которого бежали мурашки.

Герман наклонился, и его губы не коснулись уха, они цапнули по воздуху в миллиметре от кожи, а пробирающий шёпот разрушил последние следы страха:

— Свой ход ты сделала... Кажется, теперь моя очередь, Ива Майер?

Я выдохнула, мысленно благодаря за то, что он не стал унижать и растаптывать окончательно, забирая мою фамилию, мою броню, мой щит! Он сделал это нарочно, признавая во мне не врага, а союзника...

Возможно, стоит отправить Герольду открытку с благодарностью? Если бы не его подлость, я бы сейчас была тенью Гордеева... а не Ивой Майер!

И у меня на поводке, пусть и алой шелковой лентой, оказался хищник. Не тот, которого я хотела. Тот, которого я заслужила.

И игра только начинается.

Глава 2

Время текло медленнее, чем таял свечной воск. Я смотрела в серо-зелёные озёра его глаз, ожидая, когда же Гордеев сдастся. Но он и не думал этого делать!

— Что? Вот так сходу? В гляделки? — Герман вновь склонился, но лишь для того, чтобы нас никто не услышал. — Не стоит со мной играть в детские игры... У меня есть одно отвратительное качество — ненавижу проигрывать.

— Только одно? Вот это мне повезло, Гордеев, — я вскинула бровь, но это стало фатальной ошибкой. Веки машинально дернулись и сомкнулись, стирая сухость. Мгновение слабости, и я проиграла...

— Проиграла... Но ничего, в следующий раз я позволю тебе взять реванш, — Гордеев победно улыбнулся, а услышав за нашими спинами шаги, молниеносно выпрямился.

Он расправил свои широченные плечи, что вблизи выглядели ещё более устрашающе, чем с другого конца стола. А после опустил ладонь на мою талию.

Движение было точным, словно он всю жизнь меня обнимал... Ни миллиметра непозволительной вольности, лишь демонстрация права собственности. Касание легкое, без давления и суеты.

Я все не отводила глаз, ждала, когда же он расколется? Когда набросится с вопросами, когда обвинит во всем случив-

шемся? Но нет... Его реакция казалась отложенным взрывом...

— Ива! — крикнул отец, расталкивая толпу желающих поздравить семью Гордеевых, что в один вечер обросла сразу двумя невестками из первого круга «воронов».

Но первыми к нам протиснулись Бесадзе. Тимур не скрывал веселья, громогласно хохотал, пока обнимал Германа. Я уже было развернулась к супруге Бесадзе, чтобы познакомиться и переброситься парой слов, как резкий удар заставил меня пошатнуться. Каблук запутался в шлейфе платья, я вскинула руки, уже представляя встречу моего лица и каменного пола...

Но тут крепкая рука буквально поднырнула под меня, удерживая на весу!

Герман... Широкая горячая ладонь прижалась к тончайшему лифу платья прямо на груди. Я почувствовала, как дрогнули его пальцы, видела, как в серо-зеленых глазах что-то вспыхнуло, но тут же было задавлено, спрятано за сизым предрассветным туманом.

Герман поднял меня с кошачьей грацией, а после резко выдернул шлейф моего платья... из-под туфли своего старшего брата!

— Ты что устроил, придурок? Я же тебе сказал сидеть тихо! — зашипел Герольд, и его ручищи, как щупальца осьминога, потянулись к вороту рубашки Германа.

Я зажмурилась, готовясь к потасовке... Но ничего не про-

исходило! Пока Герман не вынул мою ногу из плена перьев, пока не убедился, что я стою на своих двоих, и пока не завёл меня к себе за спину, он словно не замечал орущего старшего брата.

Лицо каменное, холодное, ни единого проблеска эмоций. И я было уже решила, что Герман проглотит эту непозволительную выходку, как меня оглушило грудным, каким-то животным рыком... Герман вспыхнул шаровой молнией, что всё это время копила смертоносный заряд концентрированной ярости!

— А ты кто такой, чтобы мне указывать?

Герман, очевидно, позёром не был, поэтому когда он выбросил руку вперед, то целился не в ворот рубашки своего старшего брата, а прямо в глотку!

Я ахнула, всматриваясь в его красивые длинные пальцы с еле заметными шрамами на костяшках, что сейчас сжимали не алую ленту, а горло Герольда. Он впивался в кадык, пока кожа брата не стала багровой. И даже в гомоне голосов я слышала жалостный хрип и бульканье, вырывающиеся из горла старшего Гордеева.

И чувство отмщения липким горячим мёдом разлилось по моей растрескавшейся душе...

Искоса посмотрела на старика Гордеева, ведь он не мог не видеть происходящего? И мне казалось, что больше разочаровать он меня уже не может, но нет... Он смог. Вместо того, чтобы вмешаться, он обессиленно рухнул в кресло, больше

не в силах видеть, как его дети готовы друг друга разорвать, как голодные волки.

Но мне его было не жаль...

Кто, если не отец виновен в этом? Что, если не его воспитание разъединило братьев? В наших кругах такая вражда — не новость... Отцы лелеют старших, передают мудрость, вводят в бизнес, забывая о младших детях, словно те и вовсе могли не родиться!

Ублюдок... Слабак и подлец! Я хотела было выплюнуть это в лицо старику, но сзади подошёл мой отец и тихонько похлопал меня по спине, призывая сдержаться.

Никто не пытался вмешаться и разнять братьев. Баринов с Тимуром и вовсе прикрыли их своими спинами, ограждая от посторонних глаз, чтобы дать время высказаться. А мне тоже было что сказать!

Но стоило мне занести ногу и сделать шаг, как Герман резко повернул голову... И его холодный взгляд выстрелил в меня остро заточенной стрелой!

Боже... Я невольно отшатнулась, застыла на месте, забыв о том, что намеревалась обрушить на Герольда ушат ярости. Но, кажется, моей там уже не было место.... Все пространство было отравлено ненавистью Германа. И от этой концентрации даже дышать стало невыносимо больно!

— Кто ты, Герольд? Надутое чмо? Папкин сын, целованный в задницу? Ты когда жену свою ублажать будешь, отца позвать не забудь, а то без него ты и член не поднимешь!

— Герман не говорил, он хрипел, вдальблывая каждое слово в сознание старшего брата. — Не смей мне говорить, что я должен делать... Не смей!

Он его не боялся... Нет, не делал вид, а демонстрировал это пренебрежение к статусу, к тому, что рано или поздно Герольд займёт место отца. Я неотрывно смотрела в лицо своего жениха, совершенно не находя тех лени, вальяжности и спокойствия, которым поразилась на заседании.

Мощная шея вздулась от синих вен, голос и вовсе походил на звук искореженного металла, глаза полыхали пламенем, он нависал над Герольдом, демонстрируя свою силу, бесстрашие и пренебрежение к рангу, правилам, традициям...

Боже! Я отшатнулась, на миг осознав пугающее сходство. Герман сейчас выглядел не как младший наследник нефтяной империи... А как зверь! Хищный, опасный, способный перевоплощаться по щелчку пальцев. Зверь, выпущенный мной из клетки!

Он контролировал воздух, приковывал взгляды, даже его собственный гнев был полностью подчинен лишь его воле. Стоит сделать неверный шаг, и его прорвёт, сорвав маску холодности, обнажая бушующее пламя.

— Свободен, братец... Мне ещё потанцевать с невестой нужно, — а после Герман резко разжал пальцы, и Герольд едва смог устоять на ногах, но это не всё... Герман брезгливо вытер свою руку о его пиджак и тихо рассмеялся. — И ещё... Сделаешь хоть шаг к Иве, я тебя выпотрошу. Попробуешь

позвонить — я снова сломаю тебе челюсть. Сунешься в дом её родителей — вырву кадык и подарю твоей жене, как оберег от глупостей. А если вздумаешь баламутить воду и поддерживать слухи, то твоя невеста получит и твои яйца. Герольд, братик... Ты же меня знаешь, мне жить — насрать... Лишь бы тебя, дурня старшего, хоть чему-нибудь научить!

Меня передёрнуло от унизости этой сцены. Внутри что-то вспыхнуло... Я невольно расправила плечи, чтобы стряхнуть липкость чужих взглядов, и потянула за алую ленту, которой мы с Германом до сих пор были связаны.

И он молниеносно откликнулся и... обернулся. Его глаза вновь лучились контролируемым штормом, мерным шелестом волн и мудростью океана...

Боже, кто ты, Герман Гордеев? Кто?

И пока ответа на этот вопрос у меня не было, всё, что оставалось — улыбаться... Всем им! Старику Гордееву, перекосенному от унижения Герольду, его растерянной невесте, ставшей свидетельницей слабости своего будущего мужа. Так им всем и надо!

— Боже, как я люблю эти сборища! — прорычал Бесадзе, а после начал проталкивать нас к выходу из зала собраний.

Герман как взял меня за руку, так и не отпускал, пока мы не вышли в центр зала, чтобы исполнить очередную традицию «старших», к которым с сегодняшнего дня, безусловно, были причислены.

Герман перехватил ленту, быстро накрутил её на запястье,

превратив символ моего унижения в поводок, в свой трофей, который теперь подчинялся лишь ему...

С каждым витком ленты дышать становилось труднее... Я подходила по миллиметру, а Гордеев терпеливо ждал... Он затягивал ленту, полосуюя кожу запястья белесыми стрелами, а когда моя грудь в очередной раз царапнула по холодному металлу пуговиц его донжуанского смокинга, Герман сделал последний шаг... Подарив иллюзию, что у меня ещё есть право самой выбирать дистанцию! Но это была ловушка. Игры разума, манипуляция зверя, что подошёл к жертве слишком близко.

Мой стон слился с громогласным ударом барабанов...

Перед танцем нас ждала ещё одна традиция – минута молчания в знак уважения ушедших «воронов». После сигнала зал утонул в обманчивой тишине... И эту тяжелую липкую субстанцию взорвало эхо метронома. С первым ударом каждый из собравшихся, невзирая на статус, ранг, низко склонял голову, вспоминая своих отцов, дедов, стоявших на страже наших традиций...

Мы с Германом, не сговариваясь, будто опутанные одним лопнувшим нервом, бросили взгляд на Тимирязева, ведь до него ещё никто не манипулировал протоколом собраний, никто не обращал «слово ворона» в фарс! Он с такой виртуозной лёгкостью все вымарал в грязи своей выгоды, что сейчас было особенно противно видеть его преклонение в память отцов-основателей...

Да, наши собрания были странными, пугающими и напыщенными, но ещё никого не унижали вот так... Прилюдно, хлётко и безжалостно!

Я смотрела и ждала, что исполинская многоярусная люстра, дрогнувшая яростью наших дедов, с грохотом раздавит Тимирязева, как букашку! Ведь он не имеет права стоять и чтить тех, кто основал наш клан, которым я в тайне всегда гордилась.

Молодая поросль «воронов», те, кто ещё час назад смеялся и пил шампанское, не ведая о подковёрных играх, сомкнулась в плотный круг и опустилась на колени. Молодые и наивные... Пока.

Но я ничего не слышала... Меня опутывала слабость, ноги подкашивались, в голове мелькали истеричные мысли и страх.... Но Герман почувствовал, тяжело вздохнул, едва заметно закатив глаза, а после приобнял меня чуть крепче, не дав прилюдно развалиться на части... Он тоже считал, что на сегодня с меня унижения уже хватит.

— Поздно. Ты сама ко мне пришла, девочка, — соблазнительно зашептал Герман, вновь мазнув губами в воздухе около моего уха.

Его голос звенел, как наточенная сталь, как вой моей гордости, как проклятья, направленные в сторону Герольда.

— И ты горько об этом пожалеешь, Ива, — в этот момент грохнула музыка, и от неожиданности я чуть было не подпрыгнула, но Герман сделал первый шаг и повёл меня в валь-

се...

Мураши носились по коже, норовя оставить крапинки ожогов. Я задыхалась, боролась с пульсом, смущением, паникой. Но как только Герман чуть опустил ладонь, уничтожая те крохи дистанции, что были между нами, я расслабилась... И приняла содеянное, как данность.

А ведь он прав... Уже ничего не изменить.

— Ты одним решением нажила себе добрую сотню врагов. За нами теперь будут следить, как под микроскопом. Как бы ты себя ни утешала мыслью о фиктивности нашего будущего брака, я должен тебя огорчить... — Герман прижался колючей щекой к моему лбу и чуть проскользил, усугубляя и без того нервное истощение царапинами. — Повернись, Ива...

Он специально кружился, чтобы я увидела все взгляды, направленные на нас. И не с целью напугать, а открыть глаза на реальность, в которой больше нет «я», «он» ... Есть теперь только «мы». И как только мы оступимся, нас сожрут...

— Ты знал, что он задумал? — шепнула я, упираясь лбом в его подбородок, потому что гордо держать голову сил уже не было.

— Я даже не знал, что ты настолько ополоумела, что решила заключить союз с моим братцем. Ива, черт подери, что с тобой случилось? — Герман яростно зашипел, обжигая мою макушку резкими выдохами. — Ты сдурела, что ли? Не знаешь, чем он занимается со старшим Бариновым? Это не бизнес, это грязь! Ну куда ты полезла?

— Герман, а вот что за парадокс вселенной? — я откинула голову, встречаясь с зеленой серостью его глаз. — Вы с детства разбились по парам. Ты, Серёга, Тимур — вроде воинов света, этакие диссиденты системы: непризнанные, обиженные, презирающие старые уклады. И ваши братья — вечные стражники тьмы и соблюдения традиций.

— Ну, во-первых, не все уклады мы презираем... Мы — «вороны», Ива! И я гордился этим, пока было живо старшее разумное поколение. Была система, были правила и иерархия, удерживающая нас всех в состоянии мира. Мы чтили друг друга, уважали... И слово «честь» хоть что-то да значило! Да, браки заключались не по любви, но они были среди равных! Мужчина уважал свою жену, а жена чтит мужа... Не мне тебе рассказывать, Ива, ведь наши с тобой бабушки были одними из первых дебютанток на этом балу. И что? Они плохо жили?

— Нет, — шепнула я и невольно улыбнулась, вспомнив трогательность отношений моих бабушки и дедушки... А когда дедуля умер два года назад, бабуля оплакивала его, как единственную любовь в своей жизни. Любовь, выросшую из уважения... Неужели это возможно в современном мире?

— А что до Альбертика Барина и Герольда, то не такие уж они и блюстители традиций... Они быстрее разрушат то, что строили «старшие»... Я вообще ни разу не слышал, чтобы помолвку обрывали вот так! Нет, были факты... Но все делалось тихо, без шума, — Герман улыбнулся, а потом

вырвался смешок. — Майер, чертовка! А ведь я планировал сдохнуть холостым бобылём... А теперь придется наследников ждать, памятник себе заказывать, эпитафию красивую придумывать. Ибо чада неблагодарные ни на что будут не способны...

— Слушай, Гордеев, я даже не знаю, с чем тебе повременить лучше? С эпитафией или с наследниками? — и тут... тут из груди вырвался смех. Этот звук стаей птиц промчался по горлу, оглаживая причиненные раны.

— Тогда отложу наследников. На тебя, Майер, нет никакой надежды. Херню какую-нибудь напишешь: «Герман Гордеев... Вот он был-был, а потом сдох!» — он резко крутанулся и в пижонской манере отбросил мой корпус назад... Его острый царапающий взгляд пробежался по прозрачной ткани платья. Грудь расправилась, будто он замер на вдохе, забыв испустить отравленный воздух...

— А чем тебе не эпитафия? — я приняла его правила и расслабилась, демонстрируя пластику своего тела. Изгибалась в его руках, скребя волосами по глянцу черного пола.

Герман вновь качнулся и мягко, даже бережно, поднял меня, но на этот раз ни о какой дистанции и речи не было... Он прижал меня так, словно хотел закрыть ото всех, кто мог видеть расправившиеся складки вуали, что бесстыже обнажала мою грудь.

— Согласен...

— Гордеев, а можно я тебе сразу скажу, чтобы потом не

было сюрпризов? — я не могла оторваться от его глаз, а Герман не отводил, давая понять, что готов слушать. — Я тебя давно знаю... О твоих трахательных марафонах и горячих романах в курсе весь город. Но ты просто знай, второй пощёчины от младшего Гордеева я просто не вынесу... Усёк?

— Ива, а не об этом ли я тебе говорил пару минут назад? Но обручение — это не только про меня... Ты сама-то понимаешь, на что решилась? Или ты думаешь, что с Герольдом было бы проще? Думаешь, он бы позволил тебе жить своей жизнью? Позволил спать в соседней комнате, игнорируя красоту молодой жены?

— Ты о сексе? — я подавила внутреннее возмущение, выжала улыбку, сделав вид, что совершенно не испугалась его мягкой угрозы. — Герман, я — дипломированный химик-технолог, я — фармацевт, в моей голове формулы и характеристики ядов. Думаешь, я не нашла бы таблеточку, чтобы придушить либидо твоего брата?

Герман дрогнул, произвольно дёрнув бёдрами, ярко представив, что его может настичь та же участь.

— Кстати, а почему ты встал? Ведь ты тоже добровольно откликнулся на мою провокацию. Чтобы спасти бедняжку от унижения? — бросила с вызовом, рассчитывая услышать правду.

— Нет, Ива... Жалость — не ко мне, — он отвёл взгляд, явно не желая здесь говорить об истинных мотивах своего поступка.

— Тогда зачем? Чтобы отомстить брату? — я окончательно расслабилась в сильных руках Германа.

— Боюсь, месть — твоя мотивация, Ива Майер, — Герман прищурился и начал рассматривать меня, словно до этого у него просто не было возможности. — А ты изменилась... Я тебя помню соплячкой с пирсингом в языке. А ну, покажи язык!

— Это приказ? Если да, то я ненавижу приказы, Гордеев!

— Тогда поцелуй, невеста, я сам пощупаю, — вдруг Герман подался вперед, да так резко, что я невольно откинулась назад... Но он подыграл и вновь склонился в па, опуская меня до самого пола!

— Щупать сначала буду я, Гордеев. Вдруг брак — это слишком громкое слово для нас? — шепнула, когда наши тела вновь сомкнулись глухим ударом, от которого сердце сбилось со своего ритма.

— Тогда поторопись с ощупыванием, Майер... На нас как раз все таращатся! Добей их замером моего хозяйства.

Я обернулась, заметив, что музыка давно стихла, а танцующие, не скрывая восхищения, и правда, смотрели на нас, как на парочку львов в брачный период. И лишь одна пара глаз переливалась яростью... Герольд отбросил руку своей невесты и покачивался, прожигая дыру не во лбу своего брата, а в моём...

— Идём, — Герман приобнял меня и бесстрашно выбрал точный курс мимо Герольда, словно почувствовал, что мне

есть что тому сказать.

Когда мы подошли ближе, я лениво повернула голову и, смело посмотрев ублюдку в глаза, выдавила:

— Твой браслет, Герольд, валяется под столом... Забери, что ли? Сэкономил на подарке своей невесте...

Герман подтолкнул меня, не позволяя задерживаться больше положенного. Но когда мы отошли на безопасное расстояние, он нагнулся и прошептал:

— Тебя, Ива, мои слова тоже касаются... Если узнаю, что ты с ним общаешься, видишься или откликаешься на провокации, я тебя накажу! Чтобы я его около тебя не видел... Никогда! Заметишь – беги, Ива... Беги!

— Боже, какие страсти... Гордеев, а это ещё секса не было...

— Спасибо за «ещё». Кажется, это лучшая новость за последние полчаса, — Герман провел меня к центральному круглому столу, к которому уже подтягивались Бесадзе и Ястребы.

Я вздрогнула, когда слева от меня оказался отец, он сделал шаг к Герману и тихо произнёс:

— Поговорим, зятёк? Думаю, нам есть что обсудить...

— Обсудим, но не здесь и не сейчас, — Гордеев сходу перехватил рюмку коньяка и осушил её. Вот только лицо его как было холодным и каменным, так и осталось.

— Ива не виновата, — тихо начал оправдываться отец, чуть склонив голову, чтобы никто из гостей не мог прочесть

по губам. — Герман... Ива не виновата!

— А кто говорит, что виновата она? — Гордеев закурил и, расправив руки по двум спинкам кресел, расслабился, вскидывая голову вверх. — Давайте так... Мне от вас, Давид, ничего не нужно. На вашу империю я не претендую, готов подписать всё, что составит ваш юрист. Скажем так, мой интерес лежит вне финансового поля. Будьте спокойны, ваша дочь нуждаться ни в чем не будет. Но я хочу, чтобы вы меня поняли правильно... Предательства я никому не прощу.

— Я понял, — перебил Германа мой отец и вскинул голову, встречаясь со мной глазами. И в них... В них я увидела облегчение. — Считай, что в лице нашей семьи ты приобрел надёжных союзников. А моя дочь станет твоей женой! Да, Ива?

И в этом: «*Да, Ива?*» слышался такой напор, которого я ни разу не испытывала на своей шкуре... Я даже растерялась, не понимая, о чем он говорит!

— Ива-Ива Майер... — задумчиво протянул Гордеев. — Поверь, своё имя, честь и достоинство охраняешь не только ты. Я скажу в последний раз, свидетелем будет твой отец... Игрой это было до того, как мы оказались связаны, — Герман вскинул руку, вновь тряханув алой лентой. — У тебя был шанс отступить... А теперь будь готова, что ты скоро станешь Гордеевой. И это не обсуждается.

— Хорошо, — вместо меня ответил отец, и его согласие прозвучало как последняя точка в сделке, на которую уже

никто не может повлиять.

— Вот ты жук, Гордеев! — шикнула я и закрыла рот, когда к столу подошёл официант в маске ворона. — Божечки, моя мамочка будет в шоке... Она же как чувствовала, с нами хотела пойти!

На меня словно ведро ледяной воды вылили! Осознание, что Герман Гордеев — не кавалер на один бал... Он теперь... Он теперь...

— Что, дошло, наконец-то? — хохотнул Герман, склонившись ко мне так близко, что я ловила тонкий аромат его парфюма. От его кожи пахло свежестью леса, сладостью ванили и горечью табака...

Я по глупости сделала ещё один вдох, но тут напряжение, сковывающее всё тело, обернулось головокружением... Я чуть покачнулась и прижалась щекой к колючему подбородку.

— Да что мама? — тяжело выдохнул отец, разрушая это странное мгновение, и я оттолкнулась, вновь выстраивая дистанцию. — С мамой я разберусь... А вот что скажет твоя бабушка?

— Майер, да вы что? — вдруг рассмеялся Герман. — Я — любимчик всех тётушек и бабушек! Они мне будут очень рады...

Герман снова стянул с подноса рюмку, но тут на нас упала тень, и довольная морда Баринаова опустилась прямо между отцом и Гордеевым.

— Дядя Давид, вынужден вам посочувствовать, — хохотнул Серёжа и уверенно вложил в руку отца стопку. — Но если и выбирать зятя, то такого. Повезло же тебе, Ивушка...

Мужчины, выдержав мгновение паузы, звонко ударились хрустальными рюмками, обмениваясь безмолвным тостом.

— Баринов, а ты не заблудился? Твоя семья сейчас прожжет наш стол своими взглядами. Пусть повременят, сначала доем, — я, чтобы отвлечься, взялась за поданный стейк с кровью.

Боже, как символично...

— Что, сначала хлеб, а потом зрелища? Давай, невеста — жги! — на этот раз Герман поморщился и закусил долькой лимона. — Я когда пьяный, очень болтливый. А пью я редко, поэтому пользуюсь случаем.

— На что аллергия? — я проследила за тем, как Баринов демонстративно сел за наш стол, игнорируя свою семью.

Вообще, компания собиралась занятная: Ястреб, Бесадзе, имеющий голос двух семей, Майер, Гордеев и Баринов. Состав годный для госпереворота. А то, что эта троица что-то замышляет, лично у меня сомнений не вызывала.

— На упрямство и глупые вопросы, — Герман откинулся на спинку кресла и бегло окинул зал, словно пытаясь понять, кого я высматриваю. — А что? Мисс фармакология уже подбирает яд?

— Ага... Всегда мечтала стать вдовой, — я откинула волосы, отодвинула тарелку и припала губами к запотевшему

бокалу шампанского. — Красивая, роковая и никому ничем не обязанная...

— Так с меня, невестушка, брать нечего, — хрипло рассмеялся Герман. — Как у латыша... Только хер, да душа.

— Возьму первое, в душу я не верю, — как-то слишком быстро и непозволительно громко ответила я...

Но тут выяснилось, что несмотря на равнодушие в лицах собравшихся, наш с Германом разговор слышали все... Над столом повисла тяжелая тишина, а через мгновение дружный хохот взорвал зал, да так мощно, что на нас стали оборачиваться. Герман чуть не подавился дымом, а Тимур с Бариновым заливались хохотом.

Я чуть повернула голову, наблюдая, как мой отец с гордо поднятой головой посмеивается, смотря в глаза Тимирязеву, возмущенному нашим поведением. Мой папочка...

Я перегнулась через ноги Германа, схватила отца за руку и притянула к себе, нежно целуя в щеку. Отец ласково хлопал меня по руке, поцеловал в лоб.

Гадкие слезы вновь накатили, и сколько бы я не пряталась, насколько бы часто не моргала, они не уходили! Я вскинула голову и, собрав всю волю, произнесла:

— Боже! Моя любимая песня!

С этими словами я вскочила с кресла и рванула на танцпол, правда, далеко убежать не удалось... Шёлковая лента резким щелчком рванула запястье, возвращая меня, как куклу на пружине, прямо к моему жениху... Мгновение, и над

столом прокатился сдавленный смех.

Но Герману было не смешно, он даже не дернулся, продолжая сидеть в кресле. Я лишь успела заметить, как крепко он сжимал свою часть ленты. И правда – поводок...

— Я надеюсь, ты это делаешь не для того, чтобы позлить моего брата? — его низкий голос зашуршал у меня за спиной, как наждак по коже. Я обернулась, нависла над ним.

Но затем Герман вскинул голову, и я утонула в бездонной серости его взгляда. В нём не было ни злорадства, ни гнева, лишь едкое любопытство.

Однако стоило его взгляду скользнуть ниже, к моим глазам, как что-то в нём дрогнуло. Гордеев всё понял. Его рука резко взметнула вверх, шершавый палец прошёлся по правой щеке, стирая предательскую слезу, что умудрилась вырваться наружу.

— Беги, — шепнул Герман и расслабил кулак, отпуская меня.

Лента ослабла, ласково проскользила по его красивым рукам, оглаживая тёмно-зеленый камень перстня.

И я расправила плечи, как красивая и гордая птица, самостоятельно выбравшая себе клетку. Все взгляды вмиг прилипли ко мне, будто бы бросая вызов к очередному раунду схватки с общественным мнением.

Как только первые томные переливы восточной мелодии заструились под сводами, я вскинула руки, впуская музыку под кожу. Глухие удары барабанов врезались в ритм сердца,

заставляя бёдра двигаться сами собой, подхватывая этот грубый, чувственный зов.

Больше я не думала... Тело говорило само, отдаваясь уже забытому языку танца. Боже, как давно я не танцевала...

Рука невольно поднялась к губам, ощупывая почти затянувшийся след от пирсинга. Да-а-а-а-а... Были времена, когда я была смелой, свободной и не зависимой от чужого мнения. Пирсинг, мотоцикл, гонки и бурные романы втайне от родителей...

Но та жизнь закончилась, оставив лишь обрывки воспоминаний. Ярких, даже немного постыдных. А особенно четко вспомнился один красавчик с серо-зелеными глазами, укравший мой первый поцелуй... Наверное, он и не помнит...

Стоп...

Я резко обернулась — и напоролась на его взгляд. Те самые серо-зелёные глаза, пристальные и хитрые. Если он не помнит, откуда тогда знает про пирсинг?

В подтверждение своих слов я прокатила языком по нёбу, наслаждаясь скольжением металла... Помнит!

Вскоре с восторженным визгом ко мне присоединилась и Камилла Бесадзе. И чокнутых стало две... Я отблагодарила супругу Беса взглядом, и мы начали отрываться. Мне было всё равно на зрителей, на пристальное внимание, я следила лишь за Гордеевым...

Но, кажется, если кто за кем тут и следил, то это он за

мною...

Не знаю, сколько длилось наше безумие, но когда из темноты на танцпол вышел Герман, я уже почти не чувствовала ног... Тонкие ремешки туфель давили, пальцы пульсировали, однако пугающая пустота внутри исчезла.

— Готова? — Герман перехватил мои руки, принимая тяжесть уставшего тела на себя.

— К чему?

— Готова, значит...

Герман присел, с ловкостью дикой кошки закинул меня себе на плечо и двинул через толпу. Он нарочно прошел мимо моего отца, дав мне время махнуть ему рукой, затем мы пронеслись мимо стола его семьи...

Гордеев взлетел по золоченой мраморной лестнице, от резкости его шагов колыхалось пламя свечей в широких стеклянных колбах.

— Гордеев! Я что... Пленница? — я то ли хохотала, то ли кричала, пытаясь остановить затянувшийся спектакль.

Длинный шлейф платья заскользил по моим ногам, и кожи коснулся порывистый выдох Германа, его пальцы прощлись от щиколотки до внутренней стороны колена, мягко натянули ткань, завершая мой стриптиз.

— Кажется, это я пленник... Куплю тебе замок и буду представляться пленником замка Ив.

— О! Граф Монте-Кристо? — расхохоталась я. — Герман, ты не обязан этого делать...

— Обязан. С отцом твоим я поговорил, твои вещи будут утром, — сухо выдавил Гордеев, аккуратно усаживая меня на заднее сиденье лимузина. — Ты же помнишь, что с момента обручения...

— Да-да-да, — я закатила глаза и сползла по кожаному сиденью, а после закинула ноги на диван напротив. — С момента обручения пара «воронов» становится неразлучной!

— Чёрт подери, — прошипел Герман, его взгляд упал на мои ноги.

Стопы так распухли, что ремешки готовы были разорвать кожу.

Я замерла в шоке, когда Герман, не спрашивая разрешения, с пугающей ловкостью справился с застёжкой и освободил ступни из плена. Кровь прилила к онемевшим пальцам, принося сладковатую боль облегчения.

— Так лучше?

— Так определенно лучше...

Я затаилась, наблюдая, как холёный красавчик в смокинге превращается в того самого парня с соседней улицы... Дерзкого, резкого, живого и вечно неудобного... Герман расстегнул рубашку, стянул пиджак, а после точно так же, как и я, закинул ноги на диван.

Мы сидели так близко, что наши мизинцы рук соприкасались на каждом повороте. А водитель, казалось, нарочно выбирал самый виляющий путь, будто напоминая о той шаткой, безумной дороге, на которую мы только что свернули

Вместе...

Глава 3

Наглый солнечный луч упорно дразнил меня, пытаюсь вырвать из сна...

Но мне так не хотелось просыпаться, не хотелось вновь вспоминать вчерашний день, поэтому я, как маленькая девочка, накрылась одеялом с головой и спряталась. Сонный мозг, как в детстве, начал генерировать отговорки, которыми можно отбиться от мамы, лишь бы не идти в школу. Но боюсь, что никто меня и искать не станет здесь...

Кстати, а здесь – это где?

Сдвинула одеяло, оставляя щель, и начала осматриваться. Просторная, светлая и... совершенно пустая комната. Утренний свет отражался от стен и, не находя препятствий в виде мебели, превращал пространство в светящийся куб.

— Очень интересно, — любопытство победило страх, и я откинула тяжелое одеяло и села.

Но увиденное меня не то что поразило, оно меня ошарашило.

В комнате, помимо гигантской кровати, не было ничего! Ни тумбочки, ни кресла, ни картины. Голые стены, голый пол, рамы огромных окон. Это походило не на спальню, а на стерильный бокс или камеру в элитной тюрьме.

Я было вскочила, но запоздало обнаружила свою наготу. Лишь тонкая полоска трусов давала надежду, что вчерашний

вечер не закончился непоправимым.

Аккуратно обернувшись, прошлась рукой по кровати, но кроме шороха одеяла не обнаружила ничего подозрительного.

— Фух! Я одна, — прошептала, а после вскочила и начала осматриваться.

Это была явно главная спальня. Две гардеробных, та, что побольше, была совершенно пуста, а та, что поменьше, пестрила тёмными пятнами мужских костюмов и длинной батареей обуви.

Следующей была дверь в ванную комнату. И я даже не выдержала, звонко присвистнув... На фоне белизны спальни это помещение напоминало берлогу. Панорамное окно около отдельно стоящей ванны было задернуто светонепроницаемой шторой. Я щёлкнула выключателем, и комната вспыхнула. Стены из красивого камня светились изнутри, как куски застывшего янтаря.

Я от восторга даже забыла дышать... Медленно прошлась по периметру, ласково очертила длинную стойку с двумя черными раковинами, светящуюся перегородку душа, а после присела на мягкий пуф в самом центре ванной.

Больше всего я боялась, что Герман привезет меня в одну из своих квартир, где побывала не одна сотня женщин. Но эта пахла стерильностью. И впрямь берлога... Она будто все это время спала, дожидаясь своей хозяйки.

— Годится...

Стараясь не смотреть в зеркало, я проскользнула за перегородку душевой кабины и усмехнулась, обнаружив на полке два бутылка: гель для душа и шампунь... Ну нет, в этой аскетичной брутальности точно никогда не было женщины.

Я сполоснула с себя вчерашний день. Мысленно попросив прощения у своего косметолога, смыла косметику гелем для душа, завернулась в полотенце и решительно двинула в гардеробную Гордеева. Бесстыже стащила одну из его рубашек... А после потянулась к ящику комода, где ровными и отглаженными стопками лежали боксеры.

— Сойдёт...

Напоследок, давась смехом от собственной наглости, я выстирала свои кружевные трусишки и забросила их на полотенцесушитель. Как флаг на завоёванной территории.

— Вот так!

На цыпочках я вышла в коридор. Двери, двери... Я двинулась к свету и вышла в самое сердце квартиры — огромную гостиную с панорамными окнами.

— Кла-а-а-ас, — зажмурилась от яркого солнца, заливающего пространство жидким золотом.

В отличие от спальни, здесь были признаки жизни. Мягкий диван, пара кресел, круглый стол со стульями в плёнке, у стены — скопище нетронутых коробок. Я подошла. Столовый сервиз, приборы... Всё новое, нераспакованное.

Кухня сверкала новейшей техникой. Я подошла к кофемашине, помолившись всем богам, и нажала кнопку. Она за-

жужжала с благодарностью, будто ждала этого момента. Зёрна были, вода тоже. Не хватало только чашки. Все шкафы звенели пустотой. Я распаковала первую попавшуюся коробку и вынула милый фарфоровый сервиз с жёлтыми птичками.

Через минуту я уже стояла у окна, прижавшись лбом к ледяному стеклу, с порцией крепкого эспresso.

Я словно парила в воздухе на уровне тяжелых серых туч, из которых нещадно сыпал снег... Снегопад плотным покрывалом кутал серый город, пряча крыши домов, черные мокрые улицы, бурые от пожухшей травы газоны, голые деревья.

— Наконец-то, снег. Может, это хороший признак? Есть какая-нибудь примета на этот счет?

Отчего-то сейчас очень хотелось в это верить...

Допив одну порцию кофе, я налила вторую чашку, а затем двинулась с экскурсией дальше. Открывала двери в пустые комнаты, пока не наткнулась на нужную...

На широкой кровати, в хаосе сброшенных на пол подушек и спутанных одеял, лежал Гордеев. Из-под белоснежного белья виднелись только тёмные, чуть выющиеся волосы.

— Доброе утро! — пугающе ласково произнесла я, а потом совершила то, о чем сильно пожалела уже через мгновение...

Я сдёрнула одеяло, открывая абсолютно... совершенно голое тело моего жениха!

Чашка кофе жалобно, ну или восторженно, заскулила на

фарфоровом блюде. Животворящая жидкость начала расплескиваться от дрожи моих пальцев.

— Ты что, голый? — мой голос сорвался на визг. Я попыталась исправить содеянное, но одеяло упало за кровать. Всё, что я могла — это отвести взгляд. Но картина уже впечаталась в сетчатку: мощные плечи, рельеф пресса... и явное, бесстыдное свидетельство утреннего мужского пробуждения.

— Ива, открою страшную тайну: перед сном люди раздеваются, — прорычал он сонно, даже не пошевелившись. — Некоторые даже душ принимают. Хотя, подозреваю, Герольд или дядя Тиша спят в смокингах...

— Прикройся...

— Зачем?

— Герман, прикройся!

— Это не ответ...

— Заткнись и прикройся!

— И не подумаю, — упрямо бормотал он, никак не реагируя на мою просьбу. — Ну? Где там твоя рулетка? Замеряй, щупай...

Герман шептал все тише, вновь проваливаясь в глубокий сон. Тогда я потрясла чашкой и протянула руку прямо над кроватью. И тут Гордеев заворочался...

— Кофе? У меня что, есть кофемашина? — охнул он, а через миг из моих рук вырвали чашку.

— Ты прикрылся?

— Ага, — ответил он, с шумом сделав первый глоток.

Не стоило мне ему верить... Не стоило! Но я поверила и обернулась, напоровшись на красивого жеребчика, сидевшего на кровати всё в той же первозданной мужской красоте.

— Засранец!

Осознав, что помощи не будет, я рванула одеяло с пола и швырнула ему на колени. Он не отреагировал, лишь провёл рукой по волосам, откидывая их со лба, потом растёр сонные глаза. В этом простом жесте было столько... нормальности, что стало неловко. Он не смущался, не прятался, словно уже давно смирился с тем, что мы неизбежно оказались связанными.

— И тебе доброе утро, Ива, — усмехнулся он, допивая кофе.

— Вообще-то это мой кофе!

— Вообще-то это моя комната, моя рубашка и... Чёрт! Ты что, напаялила мои любимые трусы? — Герман как-то слишком ловко задрал край рубашки, рассматривая моё одеяние.

Его боксеры на мне сидели как шорты, рубашка довольно скромно закрывала всё, что не подобало видеть посторонним, да и в целом, я была вполне прилично одета, чего не скажешь о нём!

— Любимые? Не смей меня... Они там все одинаковые! Вставай, я есть хочу, — скомандовала и вышла из спальни, не в силах больше находиться в этом густом тумане утреннего мужского возбуждения.

Метнулась на кухню и снова захлопала шкафчиками, хотя уже прекрасно понимала, что ничего здесь не найду. Хотя нет... В морозильной камере кое-что всё же нашлось! Контейнер со льдом, две бутылки водки и ведро фисташкового мороженого.

— Обожаю мороженое. Это моя единственная слабость, — раздалось над ухом, и я замерла.

— Гордеев, я пока не поем, нормальным человеком не стану, — отшатнулась и осторожно обернулась.

Герман сжалился надо мной и уже стоял в своем великолепии, но прикрытый футболкой, спортивными штанами, а с его волос скапывала влага. От него пахло лесом, мятой зубной пасты и горечью кофе.

— А ты быстрый, — прижалась к кухонной столешнице, чтобы дать себе хоть немного воздуха. — Быть может, так же быстро организуешь завтрак?

— У меня есть идея получше, — Герман посмотрел на часы, а потом схватил меня за руку и потащил вон из квартиры.

Я едва успела надеть туфли, прежде чем мы оказались в широком фойе. Я чуть не запнулась о корзину, а когда подняла глаза, увидела, что всё пространство перед лифтом было заставлено цветами!

— Ну? Кто тут у нас? — Гордеев даже не удивился, просто по пути к лифту сдирал карточки. — Бестужев, Липцев, Каменев, Захаров... Все уже в курсе. И, судя по пожеланиям молодым, все бесконечно счастливы нашему с тобой союзу,

Ива!

— Придурки лживые, — с жалостью посмотрела на цветы, пробежалась пальцами по нежным бутонам ассорти: розы, пионы, орхидеи... Красота невероятная.

— Ага, — Герман втолкнул меня в лифт, нажал на последний этаж, и ещё до того, как я успела задать хоть один вопрос, створки раскрылись, а мы уперлись в стену охраны...

— Привет, Кравцов, — Герман приобнял меня и выдвинул перед собой. — Видишь?

— Вижу, — мужчина отошел с прохода и опустил глаза.

— Прикрепить охрану, найти водителя и организовать дежурство на моём этаже.

— Хорошо, Герман Георгиевич.

— Ива, это наш начальник охраны, Олег Кравцов, — Гордеев толкнул меня к дверям квартиры, но не стал ни звонить, ни стучать, он просто вошёл и сразу рванул на кухню.

— Альбиночка Марковна! — ахнула я, увидев знакомое лицо верной домоправительницы Тимура Бесадзе.

Эту строгую женщину я знала ещё с детства, она была нянькой Тимура, до тех пор, пока они не переехали из нашего посёлка. Очевидно, она навсегда осталась верной своему подопечному.

— Ива Давидовна, — женщина широко улыбнулась и поклонилась. — Доброе утро... А я думала, что все это слухи и небылицы.

— Да какие уж тут слухи? — Герман стянул с блюда ещё

горячий пирожок и вложил его мне в руку. — Ешь!

— Я была уверена, что если этот красавчик и женится, то лишь под угрозой розги!

— А вы что, там были? — расхохотался Герман. — Всё именно так и было... Сказали: либо я женюсь на Иве Майер, либо голову с плеч...

— Клоун! — шикнула Альбина и начала выдворять нас из кухни. — Так, вы гости, и шуруйте в гостиную.

— Альбиночка Марковна, а я могу вас немного обворовать? — я задержалась на пороге, осматривая кухню. — У этого вашего красавчика в квартире нет ни крошечки! А вы знаете, как я поесть люблю...

— Ива Давидовна, через полчаса все будет исправлено, — кивнула Альбина и снова широко улыбнулась.

— Спасибо...

Вскоре на наш шум пришел и хозяин квартиры, Тимур Бесадзе. Следом появилась и его супруга.

— Ива? — шепнула Камилла, когда я, расправившись с пирожком, лениво щелкала каналами, игнорируя пристальный взгляд Германа.

Он злился... Но на что? Возможно, ему не понравилось, что я закинула свои великолепные ноги на спинку дивана? А может, он недоволен фактом, что единственная проснувшаяся в его берлоге женщина не бросилась удовлетворять его потребности?

В любом случае, это не повод злиться...

— Ну, вы и поспать горазды, Бесадзе, — я рассмеялась и все же скатилась с дивана, пряча ноги. Кого-кого, а хозяйку этого дома злить не хотелось. Уж очень она мне нравилась...

— Я... не поняла... — шикнула Камилла, оценивая мой утренний прикид.

— Они живут на этаж ниже, — Бесадзе поспешил успокоить жену и сунул ей в руки кофе. — Пей, пока горячий.

Я бросила многозначный взгляд на Германа, намекая, что вот так подобает встречать невесту!

— Прошу прощения за столь раннее вторжение, Альбиночка Марковна. Вы так чудно выглядите! Сама строгость и воинственность, — хихикнула я, усаживаясь за стол.

— Благодарю, — домоправительница поджала губы и ускорила, расставляя тарелки с угощением. — И ты, красавчик, присаживайся. Не стой столбом, и рот закрой, а то продует!

— Ива, а давай сразу договоримся? — Камилла оттолкнула Бесадзе в конец стола, подальше от меня, а вот Германа усадила рядом, чтобы он прикрывал мои ноги. — Мы тебе рады всегда... Но я не буду делать вид, что не замечаю того, что ты полуголая!

Я расхохоталась и махнула рукой, в шутливой манере отдавая честь хозяйке дома.

— Есть, мой капитан. А ты, Бесадзе, мне определенно нравишься. Готова поспорить, если бы я в таком виде явилась к одной из представительниц женской половины «воро-

нов», никто бы и слова не сказал из вежливости. Корчили бы морды кирпичом и осуждали, но мысленно. А ты сказала!

— Надеюсь, ты мне скажешь то же самое, когда я приду в гости воскресным утром в полупрозрачной сорочке, — Камилла забавно улыбнулась и села по правую руку от мужа.

— Ну, сначала я поору немного, а потом ты мне все равно понравишься, — я поджала под себя ногу, задрала край рубашки, демонстрируя боксеры. — Ну что, я отбитая голой приходиться? Всё прикрыто!

— Труссы Гордеева на моих креслах, — закатил глаза Тимур и откинул голову, пряча улыбку.

— Да чего такого-то? Они же чистые. Я что, виноват, что мне невеста без приданого досталась? Ни платья, ни трусов... — Герман расхохотался, но я сунула ему в руки чашку кофе, чтобы заткнуть его. Он настороженно принялся: — Плюнула?

— Фу, как некрасиво. Просто яда подсыпала... Ешь и пей! У нас сегодня ужин с родителями. А ещё нужно перевезти мои вещи! — я взяла его тарелку и начала накладывать ему завтрак. — Тимур, а ты знал, что твой друг живёт в пустой квартире? Келья монаха... Ей богу!

— Да я уже и забыл, что он тоже купил тут апартаменты. Итак? Вы пришли поесть, я правильно понимаю?

— Не совсем. А где ваш дружок?

— А тебе нас мало? Пара на пару проще делится, — снова оскалился Герман.

Но через секунду раздался короткий звонок в дверь, а следом зацокали каблучки Альбины Марковны.

— Доброе утро! Боже, кого я вижу? Гордеевы и Бесадзе!

— Серёжа, дружок! — я расхохоталась и бросилась на шею Сергею.

— Дружок? — хмыкнул Герман. — Так чего же ты его не выбрала, Майер?

— Гордеев, не ревнуй. Сам знаешь, что пока не женят старшего Барина, наш Серёжа — запретный плод, — я усадила Барина в кресло и по-дружески потрепала его по волосам. — А так бы я только за... Опять же, сферы деятельности у нас схожие. Он — хирург, хоть и бывший...

— Он мясник, Ива, а не хирург, — процедил Герман, обменявшись рукопожатиями с Бариновым. — Не стоит верить всему, что говорят мужчины. Мы и суперменами умеем прикидываться.

— А я знаю. Кто, думаешь, его снабжает всеми лекарствами и прочим инструментом? Я, Герман, даже знаю, сколько раз и в каких местах он вас, придурков, штопал!

— Итак? Ива, быть может, ты уже выскажешься? А твой вид затаившегося шпиона сильно пугает, — Бесадзе вскинул на меня напряженный взгляд, явно требуя объяснений моей вчерашней выходки.

Вот и неизбежность... За шутками с Германом можно прятаться от суровой реальности. Я даже понимала, что он меня поддерживает, подыгрывает.

Я помолвлена... И это уже не изменить.

Обида и боль, что вчера катком прошлись по моей гордости, уже затухла, остался лишь ноющий шрам. Но в этом признаваться мужчинам я не собиралась. Мне нужны союзники, а не жилетки, в которые можно поплакаться.

— Короче, я с вами... — на выдохе произнесла.

— В стриптиз? На оргию? В дальнейшее плавание? Или на охоту? — уточнил Гордеев, расправляясь с румяным омлетом. Но его выдал голос... Не было там шутливости, он был насторожен.

— Мы свалим Герольда, и Герман займёт его место, — я повернулась к окну, быстро сопоставляя факты того, что знала, и то, что лично увидела вчера.

Ненависть по отношению к Герольду была такая неприкрытая... В тот миг Гордеев не шутил, его слова сочлились правдой, злостью и обещанием расплаты! А значит... Я всё поняла правильно.

— Майер, ты о чём? Сон дурной приснился в квартире Гордея? — Тимур закурил, рассматривая вытянувшееся лицо Германа.

— Бесадзе, если я кого и уважаю из «воронов», то лишь тебя и своего отца. Знаешь ли, у меня слабость к мужикам со стальными принципами, — я обернулась к Герману, а заметив, что он застыл с открытым ртом, ласково прошлась по его подбородку, заставляя его закрыть рот, пока содержимое не вывалилось обратно в тарелку.

Грубо, Ива! Очень грубо... Сделала комплимент Бесадзе в присутствии будущего мужа? А с другой стороны, сказать комплимент Гордееву – это поощрить за утреннее представление.

— Тимур, я понимаю, для чего создали «воронов», и это много лет работало... Но то, что затеял Тимирязев — уничтожит нас всех!

— Каким образом? — Камилла была явно растеряна и не понимала, к чему я веду. Но вот троица друзей прекрасно понимала, о чем я...

— Камилла, я наследница фармацевтической империи. Я с детства слонялась по лабораториям, знаю завод, как свои пять пальцев! И меня растили не просто наследницей, я сама горела этим делом, в отличие от своей сестры. Но ещё я трезво оцениваю ситуацию, что в одиночку против всех не выстою. А с ними, — я внимательно осмотрела собравшихся. — А с вами выстою... Бесадзе, если ты хочешь забрать управление «совета воронов» в свои руки, то я на твоей стороне.

— А я, значит, так... разменная монета в большой игре? — зацыкал Гордеев.

— Не прибедряйся, Герман, — наклонилась к жениху и прищурилась, вглядываясь ему в лицо. — Я знаю, чем ты занимаешься втайне от отца и брата... И не стоит меня убеждать в том, что у тебя ничего нет... И не забывай, что наши бабушки дружат всю жизнь. Моя Кларисса все уши прожуж-

жала про младшего Гордеева!

— Но Баринов всё же лучше, да? — процедил Герман, и я заметила, как сгущается туман его серо-зелёных глаз.

— Серёжа спокойный и надёжный. А ты, Гордеев, соткан из греха. Все знают о твоих бурных романах. Только помни, что вчера твоя вольница закончилась. Я тебя силой не тянула в узы брака, ты сам поддержал эту игру, потому что понимал, если брат займёт пост, то женит тебя на какой-нибудь относительно молодой и бесплодной вдове. Зачем ему такие конкуренты?

— Поняли, мужики? — крикнул Гордеев, оборачиваясь к друзьям. — Вот так резко, в одно субботнее утро заканчиваются все радости холостяцкой жизни. Пришла, ошарашила и пригвоздила моё хозяйство к стулу. А что дальше? Рукоблудие и порножурналы в туалете?

— Ладно, это уже лирика, — Тимур дернул рукой, посмотрев на часы. — Вечером выезжаем...

— Куда? — встрепенулась Камилла

— На свадьбу Малики и Погожева.

— Так что, Ива, придётся отложить ужин с твоими родителями, — Гордеев усмехнулся, явно довольный таким поворотом событий.

— Ты шутишь? — зашипела я, тыча Германа в бок. — Ты что, забыл, кто такая Кларисса Александровна Майер? Мой яд окажется слабительным по сравнению с тем, что она для тебя приготовит! Нам нельзя откладывать ужин с моей

семьёй!

— Можно и нужно, — Гордеев наклонился, перекинул руку через спинку моего кресла и зашептал на ухо. — Ива, я повторяюсь... Теперь нет «ты» или «я». Придётся подстраиваться друг под друга. А с твоей бабушкой я уже созвонился.

— В смысле? — пришла моя очередь открывать от удивления рот, а Герман повторил мой жест... Легко, почти неведомо коснулся подбородка и, едва скользнув по нижней губе, захлопнул мою челюсть.

— В прямом. Твоя бабуля позвонила мне ещё в шесть утра. Я спросонья всего разговора дословно не помню... Зато помню всю степень её негодования, — тихо рассмеялся он, и в уголках глаз собрались забавные лучики морщинок. — Пришлось сдать все явки, пароли, адреса и свои серьёзные намеренья в отношении её любимой внучки.

— И что... Ты понимаешь...

— Я понимаю, что уже через пару минут твоя бабуля будет хозяйничать в моей квартире, — Герман посмотрел на часы, а через мгновение брякнул его телефон. — Ах, нет... Я ошибся, они уже здесь. Беги, Ива... А я спущусь через несколько минут.

Я тактично распрощалась, поблагодарила за завтрак, хотела было забежать к Альбине Марковне, но её на кухне уже не было.

Как только я вышла в фойе, меня встретил Олег Кравцов. Он снова опустил голову, вызвал лифт и вошёл в кабину со

мной, нажав кнопку этажа ниже.

— Меня Ива зовут, — смущенно выдавала я, топчась за его спиной.

— Ива Давидовна, я в курсе. Это моя работа... Но мне нужна ваша помощь. Не могли бы вы...

Но договорить Кравцов не успел, потому как в распахнувшиеся створки лифта влетели грохот и крик.

— Вот... Не могли бы вы нам помочь? — Олег махнул рукой, пропуская меня вперед.

Я вышла и взвизгнула... Около квартиры творилась настоящая потасовка. И виновник её мне был очень знаком...

— Корней! — взвизгнула я и бросилась к своему верному водителю и по совместительству охраннику, приставленному ко мне лет пятнадцать назад. — Угомонись!

— Ива Давидовна! — прошептал здоровяк и вытянулся в струну.

Вокруг Корнея толпилась охрана, его руки были заломлены за спину, обычно идеальный костюм теперь походил на половую тряпку, а волосы топорщились в разные стороны.

— Олег? — я повернулась к Кравцову, и тот кивнул, давая отбой своим кабанам. — Олег, и ты познакомься, это Корнеев Вячеслав. Мой водитель и охранник.

— Был водителем и охранником, — лениво протянул Кравцов.

— Нет, он есть и будет!

— Тогда вам следует поговорить с Гордеевым, — упря-

мился Олег.

— Я поговорю. А пока запомни Корнеева и впредь не на-
травливай на него своих ребят! — я топнула ногой, грудью
защищая своего верного помощника.

— Тогда я попрошу дать мне документы, — Кравцов по-
дошел и протянул руку, требуя подчинения. — Я проверю, а
после решим это недоразумение. Ива Давидовна, мне жаль,
но безопасность Гордеева Германа Георгиевича — моя обя-
занность. Если он позволит, Корнееву придётся стать моим
сотрудником. Иначе — никак.

Чёрт... Он прав.

Я повернулась к Славе и кивнула, а тот послушно, хоть и
нехотя, передал Кравцову все свои документы.

— А пока пожмите руки! — рывкнула я, давая понять, что
новой потасовки не потерплю.

Мужчины покорно обменялись рукопожатиями.

— Ива Давидовна, знакомьтесь, — Олег отшагнул назад,
открывая фойе, которое ещё утром было пустым. — Это
пост охраны, и с сегодняшнего дня здесь будет круглосуточ-
ное дежурство. Вы не могли бы написать список лиц, кото-
рых требуется впускать без дополнительной проверки?

— Гнездо ФСБ какое-то, — шепнула я, но кивнула Олегу,
а после распахнула дверь, впуская Корнеева.

Но стоило мне шагнуть в прихожую, как я утонула в шу-
ме...

По просторной и светлой квартире сновал табун женщин.

Они двигались так быстро, что я не успевала рассмотреть их лица!

Вдоль коридора красовались горы коробок и чемоданов. У стены стояли стопки заботливо упакованных картин. Я аккуратно отодвинула упаковку, узнав то, что ещё недавно украшало стены моей комнаты...

Я решительно двинулась на кухню, откуда тянулся звонкий смех.

— Ну, конечно! — всплеснула я руками, обнаружив за столом мою маму, бабушку и Альбину Марковну, что шустро подавала кофе. — Женщины мои любимые, на часах ещё десять утра!

— Уже десять утра! — пронеслось по квартире, и я обернулась на голос...

В проходе к спальням, опираясь на изящную трость, стояла Инесса Павловна Гордеева, бабушка Германа. Она, как всегда, была одета в строгий брючный костюм, серебристые волосы уложены в безупречную прическу, идеальный макияж и острый взгляд, от которого всегда ползли мурашки...

— Доброе утро, деточка, — вдруг Инесса улыбнулась и довольно шустро двинулась ко мне.

Её теплые ладони опустились на моё лицо, она властно потянула, заставляя склонить голову, а потом Инесса поцеловала меня в лоб.

— Как жаль, что меня вчера там не было, — шепнула она и начала меня рассматривать, медленно елозя внимательным

взглядом. — Ну и красоту себе урвал мой внучок...

— Твой внучок случайно попал под раздачу! — цыкнула бабуля и вытянула меня из рук Инессы, а после крепко обняла, опутав привычным облаком лаванды. — Ива, вот ты зараза!

— Да всыпать ей по первое число! — не выдержала мама и тоже подбежала ко мне, а после начала целовать в щеки. — Ты как, дочь?

— Я как? — я рассмеялась и осмотрела концентрацию хаоса, в котором утонула некогда стерильная квартира. — Это вы как... Это что такое?

— Отец с вечера приказал собрать все твои вещи, — хихикнула мама и махнула прислуге, что суетливо растаскивала коробки.

— Кстати, твою комнату мы уже закончили, — снова подала голос Инесса Гордеева, и её губы скривились в самой коварной улыбке...

— А как вы нашли мою комнату? — я нахмурилась, пытаюсь понять, что вообще здесь происходит.

— Ну, ты же её пометила, — рассмеялась бабуленька и ущипнула меня за задницу, а после задрала рубашку, рассматривая трусы Германа. — Не твой ли обрубок кружева сушится в ванной комнате?

Чёрт...

По квартире пролетел разряд женского смеха. Дамы ринулись вперед и обступили меня со всех сторон. Моя Кларисса

хитро шурилась, Инесса Павловна довольно улыбалась, а ма-
муля роняла слёзы...

— Садись, внучка, рассказывай, — бабуля подвела меня к
столу, а я ошарашенно осматривала преобразившуюся кух-
ню.

Столешница из белого камня больше не походила на стол
хирурга. На ней появились ваза с фруктами, гора контейне-
ров с едой, которые Альбина шустро убрала в холодильник.
А стеклянные шкафчики уже были заполнены посудой.

Со стульев исчез целлофан, на столе появилась льняная
скатерть, ваза с цветами, белоснежные салфетки.

— Так, ну я пойду, — Альбина поправила свой фартук.
— Ива Давидовна, если пожелаете, то наш повар временно
возьмет под своё крыло и вашу кухню.

— Спасибо, Альбиночка! — Инесса Павловна приобняла
домоправительницу Бесадзе, проводила её до дверей, попут-
но прогнав и топчущегося в прихожей Корнеева. Я слыша-
ла, как она давала ему указание встретить грузчиков с новой
партией вещей.

И лишь когда Гордеева вернулась, царственно села за
стол, мне дружно кивнули, требуя пересказа всего, что слу-
чилось вчера...

Глава 4

— Герольд-Герольд... Не того котёнка я утопила, — зашипела Инесса Павловна, что была в ярости настолько, что не могла усидеть на месте. Она то вскакивала, то снова падала на стул.

Мне было её безумно жаль... Сложно мириться с фактом, что твой внук оказался подлецом и трусом. Можно покрывать его грешки, закрывать глаза на сомнительные методы ведения бизнеса, на грубость... Но трусость — это наихудшее проявление мужского естества, уродливая мутация генов и неминуемая гибель рода.

Злость Инессы была почти осязаемой. Она то срывалась на крик, то бормотала что-то, вцепившись в золотой кулон ворона на шее, словно разговаривала с покойным мужем, ища его поддержки, прося совета.

— Фёдор бы этого не вынес... Он бы задушил щенка, — расслышала я её тихую тираду, но это не вызвало шока... Уверена, что все старшее поколение «воронов» именно так бы и поступило, если бы узнали степень деградации клана.

Боже, как же это мерзко! Ведь получается... Получается, я была обещана Гордеевым, и ничего не изменилось? Просто перешла как эстафетная палочка к младшему. И только сейчас я поняла, почему Инесса Павловна периодически подсакивала ко мне, прижималась губами к макушке, будто бы

извиняясь за всю свою семью.

— Пятьдесят девять лет традиций! Этот старый хрен Ти-мирязов всё испоганил! — шипела она, лупя тростью по мраморному полу, и каждый удар отдавался в моих висках ба-рабанной дробью.

— А ты знаешь, я даже рада, — вдруг вклинилась моя ба-бушка, что всё это время напряженно размышляла над моим рассказом. — Этот Герольд, да простит меня Инесса, ока-зался ещё тем слизняком... И не надо защищать его!

— Защищать? — вспыхнула Инесса, явно оскорбившись этим словом. — Этот щенок не знает ни роду, ни племени! Он совсем от рук отбился, а Георгий ему потакает. Вот ска-жите, дамы, милые мои... Он совсем ополоумел, раз предпо-чёл Ивушке эту серую мышь Огневу? Серьёзно? Жен выби-рают, чтобы боготворить, любить и строить гнездо, где тебя всегда выслушают, поймут и согреют! Гнездо, где можно и поскандальить, и вдоволь покуражиться, зная, что никто не осудит!

— Так чего же ты кипятишься? Герман и Ива не глупые, да и наивностью никогда не страдали, а значит, они взвесили все за и против, прежде чем бросить вызов этой коdle под-лецов, — Кларисса фыркнула и поднялась с кресла, указы-вая своей помощнице, куда поставить шикарную хрусталь-ную вазу.

Эти женщины, не отрываясь от разговора, руководили обустройством квартиры, как дирижеры — величественно,

спокойно и уверенно...

— Герман всегда был твоим любимчиком, Инночка, — снова затянула бабушка Кларисса. — Сама же ему оды пела! Какой он умный, красивый, богатый... А моя любимая внучка достойна лучшего!

— Ивушка, — Инесса сжала мою руку и снова потянула к себе, чтобы обнять. — А ведь Кларисса права... Если и выбирать кого-то из Гордеевых, то только Германа. Ты знаешь, какой он у меня? Да под его руками металл плавится! Это он должен был родиться первым, это за его спиной вся наша семья могла с гордостью нести фамилию! Я искренне рада тому, что именно Герман будет твоим мужем. Но я злюсь потому, что эта шайка тупых мужиков нарушила традиции. А традиции запрещают унижать женщин... Неужели они думают, что после подобного хоть один здравомыслящий отец решится договариваться о союзе? Нет! Они прилюдно рубанули сук, на котором держался мир!

Кларисса тяжело вздохнула, словно и сама уже пришла к такому выводу, но вслух говорить не стала.

И бабушки были правы... Идя на поводу мгновенной выгоды, Тимирязев и старик Гордеев подорвали доверие к основам. Не было ничего весомее, чем «слово Ворона». Им не нужны были контракты, достаточно было пожать руки. Но теперь эта стабильность рухнула...

— Не горюй, девочка, — шептала Инесса, мягко проходя пальцами по моему лицу. — Герман – лучшее, что мо-

жет случиться с женщиной. Я знаю, что говорю, ведь сама его воспитала.

— Лучше бы ты к Герольду тоже руку приложила! — ворчала бабушка, и уже через пару секунд эти две бойкие и эмоциональные «воронессы» пустились в перепалку, вспоминая всю свою богатую на события жизнь. Они эмоционально спорили, размахивали руками, вспоминали былые времена, где честь и достоинство значили больше, чем деньги и власть.

Этим воспользовалась моя тихая и спокойная мамочка. Она перехватила меня и потянула подальше от лучших подруг, прекрасно понимая, что вскоре спор перейдёт в активную фазу военных действий. Так было всегда... Сколько их знаю, столько они и грызутся. Но так мило... любя, что ли?

— Девочка моя, — мама крепко меня обняла и повела к спальне. — Надо было мне с вами тоже поехать!

— Ага, и бабушку прихватить. Она бы им всем прям там глотки вспорола. Но это ничего бы не изменило, мам. Меня отец не смог остановить. Я сама приняла это решение, — нервно хихикнула я, а когда вошла в комнату, растерялась...

От стерильного куба ничего не осталось!

Мама как никто другой понимала, каково это оказаться в чужом доме, в чужой семье, наедине с чужим мужчиной...

Поэтому она сделала всё, чтобы хоть немного облегчить моё состояние лёгкой растерянности. И сделала она это мастерски... На кровати я обнаружила своё покрывало, постель заправлена моим любимым бельем, у изножья красо-

вался знакомый ковёр.

Мои чуткие «воронессы» даже успели повсюду повесить шторы! И теперь квартира уже не напоминала пустой, хоть и солнечный, но какой-то безжизненный аквариум.

— Размер не тот, но девочки уже сняли мерки, и к вечеру портьеры будут готовы. Не обижайся, милая... Позже ты всё переделаешь под свой вкус, но пока просто выдохни. Как бы нам ни хотелось контролировать каждый момент своей жизни, порой судьбе виднее, кого и с кем связывать.

Мама подтолкнула меня к кровати, продолжая крепко обнимать, после присела рядом, и её теплые руки зарылись в мои волосы, мягко массируя корни... Как в детстве.

— Ну? Рассказывай...

— Что рассказывать? — я готова была мурчать от удовольствия...

У мамы был свой верный приём развязать мне язык — этот метод действовал точно и в ста случаях из ста. Мягкий тон голоса, нежность, массаж, легкое касание ноготков... И вот, подгоняемая мурашками, я выдавала всю правду.

— Ива! Откуда эта скромность? Право, я тебя не узнаю! — рассмеялась она, искренне не понимая, почему её уловка не сработала. — Ты в мужской рубашке, в его трусах... От тебя даже пахнет мужчиной!

— Мам, — я закатила глаза и поспешила улизнуть из её рук, пока, и правда, не ляпнула ничего лишнего. Ринулась в ванную комнату, в надежде, что мои заботливые женщины

додумались перевезти и косметику. — О да!

Я пискнула, рассматривая точную копию моей ванной комнаты! Мама с бабушкой, чтобы минимизировать стресс, даже все расставили точно так, как было дома!

— Мам? Вы как успели-то? — первым делом я снова шмыгнула под душ, чтобы заново вымыть волосы, потому как без кондиционера они напоминали солому.

— А мы с вами разминулись всего на пару минут. К Бесадзе подниматься не стали, чтобы не смущать. Поэтому вот... провели с пользой время, — мама протянула мне полотенце, мой любимый халат, а после демонстративно стянула с сушилки мои трусы и забросила их в корзину с бельем. — Не стоит провоцировать мужчину, если ты ещё не готова стать его женой в полном смысле этого слова.

— Мама, не поздновато ли для нравоучений? — хохотнула я, затягивая пояс халата. — Мне не восемнадцать, и я знаю разницу между провокацией и...

— Вот никакого «и»! — мама нервно начала переставлять бутылки на каменной столешнице. — Взаимное уважение — это не только про традиции, это про личное пространство и спокойствие. Герман — мужчина. Не стоит проверять его терпение...

— И врываться в спальню этого великолепного, терпеливого и самого охренительного мужчины тоже не стоит. Да, Марина Львовна? — невесть откуда взявшийся Гордеев тут же подошел к моей маме.

Я закусила губу, наблюдая, как Герман низко склонился, а мама ласково потрепала его по волосам, а после мягко поцеловала в макушку, приветствуя зятя.

— Здравствуй, Герман. И спасибо тебе... Я бы не вынесла этого позора! С одной стороны, я жалею, что меня там не было... А с другой стороны — моё материнское сердце бы взорвалось!

— Всё обошлось... Но видели бы вы, Марина Львовна, как танцевала ваша дочь. Готов поспорить, она представляла, что втоптывает прах своих обидчиков в землю под гнездом «воронов», — он подхватил её руку, галантно поцеловал пальчики, а после совершенно по-хамски обнял!

— Гордеев! — шикнула я.

— Гордеева! Не мешай мне к тёще будущей подлизываться, — рассмеялся Герман и присел на мягкий пуф, с интересом наблюдая, как я суечусь около зеркала.

— Значит, вы спали в разных комнатах? — задумчиво произнесла мама и потянулась к волосам зятя, мягко, как кошечка, зарываясь в попытке вытянуть нужную ей информацию.

Я чуть не прыснула от смеха... Вот было бы забавно, закати он сейчас глаза и начни выбалтывать правду нашего утра. Но лучше бы он оказался стойким к подобного рода манипуляциям. Маме вовсе необязательно знать, что «смотреть» жениха прошёл под парадное могущество его мужской силы...

— Марина Львовна, я, возможно, и весельчак, но обсуж-

дать интимную жизнь не буду даже с тёщей, — Герман цыкнул, а после осмотрел ванную комнату, что сейчас походила на женский будуар. — Я так понимаю, что мне нужно съехать?

— Боюсь, не получится, — тяжело вздохнула мама и потянула Германа вон из спальни.

Гордеев вскинул бровь, безмолвно задавая мне вопрос... Но я тоже ничего не понимала, поэтому покорно двинулась за ними.

— Герман, твоя бабушка... — мама вздохнула и толкнула дверь в другом конце коридора, демонстрируя полностью обставленную комнату.

Двухспальная кровать была накрыта старомодным покрывалом из вороха кружева и рюшей, появились забавные прикроватные тумбочки на резных ножках, у окна нашло пристанище жёлтое кресло, на подлокотнике которого небрежно была брошена шаль...

— Не понял, — грохнул Герман и аккуратно, будто и не был хозяином этой квартиры, заглянул в комнату, осматривая весь масштаб катастрофы.

— Инесса Павловна устроила скандал, а после собрала вещи и покинула родовое гнездо Гордеевых, — пояснила мама, прислоняясь спиной к стене. — И я бы посоветовала тебе разобраться с этим, потому что я еле сдержала Клариссу...

— От чего? — я отодвинула Германа и тоже заглянула в комнату, чтобы убедиться, что это не декорации. Нет... Ка-

жется, Инесса Павловна решила пожить с нами!

— От сборов, Ива, от сборов! Ты думаешь, она позволит своей подруге жить вблизи молодых, а сама будет спокойно спать в своей комнате? Нет... Если Инесса Павловна останется тут, то завтра вы будете вынуждены отдать ещё одну комнату Клариссе! — мама повернулась и начала пересчитывать спальни, тыча в двери острым ноготком. — На всех хватит...

— Тройничок, — обессиленно прошептал Гордеев, растерянно ероша волосы. — Какая прелесть... А вы, Марина Львовна, не желаете присоединиться?

— Пока воздержусь, — весело протянула она, но через мгновение её взгляд изменился... Ясная голубизна весеннего неба уступила грозовой синеве, и мама решительно двинулась на зятя. — Но если ты, Герман, уподобишься своему братцу... Если я увижу хоть одну слезинку на лице моей дочери!

— Марина Львовна, не трудитесь. Я лучше вас понимаю, к чему приведет выходка моего отца и Тимирязева. Думается мне, что мы станем последней парой, заключившей союз на старых условиях, — Герман развернулся и направился обратно в спальню.

— Иди, — шепнула мама и подтолкнула меня вперед, а сама отправилась к разбушевавшимся старушкам.

Я вошла в комнату, обнаружив Германа в его гардеробной. Закрyla дверь и повернулась к нему лицом.

— Ну? И что дальше? — шепнула я, отвернувшись, когда Герман начал стягивать спортивные штаны.

— Тебе как? Романтично описать наше счастливое будущее? Или сказать прямо? — голос Гордеева звенел рвущимся металлом.

— Да какая к черту романтика? — я уткнулась лбом в дверное полотно и начала отсчитывать удары своего сердца.

— Я уверен, что Тимирязев решил развалить «воронов», — прохрипел Герман, замирая за моей спиной... Я чувствовала его тяжелую ладонь, заскользившую по махровому халату прямо от моей поясницы до плеч.

Горячие пальцы нашли шею, лицо. Он сжал мою челюсть и заставил обернуться. Я не сопротивлялась, но упрямо смотрела ему в глаза, отказываясь опускать взгляд ниже... на его обнаженный торс.

— Ива, мне жаль, но тебе была отведена роль жертвы. Ты стала спусковым крючком, с помощью которого Тимирязев остановил брачные союзы, — голос Германа стал низким, бархатным, все чаще слышались нотки возбуждения. И их он даже не пытался погасить...

— Зачем?

— Сыну Тимирязева пятнадцать, и он сделает всё, чтобы семьи не набрали силу. Он не успокоится, пока не посадит в совет своего единственного отпрыска.

— Но кто будет слушать его недоросля? — охнула я, а Герман словно только этого и ждал... Он, как коршун, под-

хватил пальцами мою нижнюю губу и грубо оттянул вниз, а после наклонился...

— Значит, не показалось, — шепнул он мне прямо в рот, и его выдох обжигающим облаком пролетел по языку. — Пирсинг на месте, да, Ива Майер?

— Герман, ну я серьёзно говорю! — я попыталась оттолкнуть его, но он стоял, как скала, которую невозможно сдвинуть!

— А ты подумай, Ива, кто будет слушать его щенка? — Гордеев ласково заскользил пальцем по губе, пока не замер на затянувшемся следе от ещё одной серёжки, которую я сняла несколько лет назад. — Послушные и ручные семьи... А ты сломала ему все планы. Твоя семья, Майер, должна была стать изгоем... Кто возьмёт в жены женщину, от которой отказались?

— А ты, значит, возьмёшь? — с вызовом протянула я.

— Возьму.

— Что, и условия ставить не будешь? — внутри что-то щелкнуло, и я запоздало ощутила, как мои руки тянутся к нему...

Пальцы опустились на рельефные предплечья, заскользили по паутине выпуклых вен, по мягким темным волоскам, потом выше, выше и выше...

— Дашь время адаптироваться, привыкнуть... Или будешь при любом удобном случае напоминать об обязанностях жены?

— Зачем требовать то, что ты сама мне дашь? — Герман вздрогнул, когда я вдруг резко пустила бег пальцев не вверх, а вниз... Закружила на тонкой полоске волосков, очертила рельеф его каменного пресса. — Я умею добиваться женщин, Ива... А ещё я знаю правила рынка. Это женщине достаточно показать красоту тела, чтобы стать привлекательной для мужчины. А мужчине нужно доказать свои силу и готовность заботиться, чтобы получить взамен что-то большее, чем регулярный секс и выглаженные сорочки.

— А тебе нужно что-то большее? Неужели твои секс-марафоны – это попытка налакаться сметаны, чтобы после подумать о высоком, о соответствующем «традициям воронов»? Или ты уже выстроил план по завоеванию моего тела? — я вскинула бровь, и рука замерла на линии его незастёгнутых брюк.

— Ну, в душу ты не веришь, это мы уже выяснили. Но что насчёт сердца? Ты же медицинский окончила? — Герман чуть наклонился, почти прижимаясь лбом к моему лбу. — В сердце-то ты веришь?

— Это мышца, — выдохнула я ложь...

А ложью это стало в тот миг, когда моё сердце, оно же мышца, забилося, как стая перепуганных птиц. И это было так странно! От мужских касаний обычно другой эффект, обычно просыпается похоть, желание удовлетворить желания, выплеснуть эмоции.

Но Гордеев вызывал странный, нелепый трепет, блуждаю-

щий по телу как потерянный зверь. И он нашёл пристанище, когда Герман раздвинул полы халата, не чтобы обнажить, а чтобы приложить ладонь к тому месту, где этот зверь теперь жил.

Пульс подскочил, заглушая мои мысли! По ушам разнесся гул, а горло перехватило, будто на него накинули удавку...

— Обожаю мышцы, — прошептал он, едва касаясь моих губ своими. — А теперь, Ива, напрягись. Перестань сжимать бёдра, пытаясь заглушить пульсацию, и слушай. Мы не должны проколоться. Никто не должен усомниться в нашем союзе. Мы будем ходить в рестораны, принимать гостей. Если я скажу целовать меня — ты будешь целовать. Если скажу сесть на колени — ты сядешь. Ты станешь счастливой женой, а я буду щедрым и пылким мужем. Если ты закажешь булыжник из бриллиантов — я притащу. Если скажешь нести на руках — понесу.

— Обоюдная дрессура? — хохотнула я, пока не понимая, к чему он ведёт, и откуда знает про эту чертову пульсацию. Боже, во что я вляпалась? Он что... Мысли читает?

— Нет... Нам придётся взять удар на себя. Тимирязев поднял волну, а мы её погасим. Вот к чему он не готов... к противодействию. Знаешь, как тушат пожары? Разводят новое пламя и пускают стихии навстречу друг другу.

— Начинать прямо сейчас? — огрызнулась я. — Тогда и ты послушай, Герман Гордеев. Твой брат унизил меня. И если ты думаешь, что я это забуду и по твоему приказу сяду

за стол с твоей семьёй, ты очень... очень сильно ошибаешься! Я уважаю «воронов»! Мой дед был «вороном», бабушка, отец... Моя мать тоже из семьи «воронов»! Меня учили почитанию, уважению... Я росла в любви, в крепости этих союзов и думала, что так будет и дальше! Но твой брат всё разрушил!

— За стол с моей семьёй я и сам не сяду, Ива. Эта тема закрыта, — процедил Герман, словно я оскорбила его своими словами. — Бесадзе займёт место Тимирязева, а я уничтожу Герольда.... Такой расклад сил тебе понятен?

— Наконец-то, хоть что-то соблазнительное вылетело из твоего рта, — в порыве эмоций я перестала себя контролировать...

Толкнулась вперед и сомкнула наши губы, между которыми были какие-то жалкие миллиметры расстояния! Я просто коснулась, а остальное сделал Герман...

Он, как дикий зверь, толкнулся языком, силой разомкнул мои зубы и сплёл наши языки, ласково, почти трепетно обводя металл серёжки.

Я слышала, как скрипит дверной косяк, в который он упёрся руками. Слышала его прерывистое дыхание, чувствовала бешеный стук его сердца. Но он сдержался, ведь дал слово не трогать меня против воли.

— Гордеевы, это уже неприлично! — раздался за дверью голос Клариссы. — Быстро выходите из своего укрытия... Нам нужно кое-что обсудить.

Легко было сказать – выходите из укрытия. Лично я не могла и пошевелиться! Ещё ни разу я не испытывала такой бури от обычного поцелуя, которого даже не хотела! Оставаясь с Германом в гардеробной, я правда рассчитывала на разговор...

Но, возможно, я слишком хорошо врала даже самой себе.

Втянула его язык, медленно прокатывая между своих губ, нарочно оцарапала кончик холодной шайбочкой пирсинга и распахнула рот, выпуская его из своего плена.

«Не стоит провоцировать мужчину, если ты ещё не готова стать его женой в полном смысле этого слова».

Прости, мамочка! Кажется, я согрешила...

— Майер, и как же я не разглядел в тебе ядовитую гадюку раньше?

Гордеев откинул назад голову, вальяжно прошелся языком по своим губам, собирая мой вкус и следы нашего первого... ах, нет... второго поцелуя.

Его глаза полыхали, на шее вздулись вены, пульс шаршил с такой силой, что казалось, он либо вспыхнет, либо взорвётся.

— Гадюка? — рассмеялась я, медленно поворачивая дверную ручку. — Что, даже не малыш, не зайчик? Вот так примитивно и грубо? Гадюка...

— Не нравится? — Герман чуть дёрнул бедрами и начал медленно застёгивать чёрные джинсы. — Тогда будешь моей Коброчкой. Маленькая ядовитая змейка...

Он хрипло рассмеялся и открыл дверь, потому что мои дрожащие пальцы никак не могли справиться с шайбой ручки.

Но на что было глупо рассчитывать, так это на тактичность от наших бабушек... Эти две стервятницы стояли в дверях спальни и терпеливо ожидали нашего появления.

— Ни стыда, ни совести, — прошептала Кларисса, грозно сложив руки на груди.

— Кларисса, старая ты калоша... Ни стыд, ни совесть не прописаны в своде правил «воронов». А вот право первой брачной ночи прописано, причем сразу после помолвки, — довольно закричала Инесса Павловна.

— Ты ещё вспомни про проверку чистоты невесты, — бабушка резко обернулась к подруге. — Ты же не собираешься изучать простыни моей внучки?

— Дамы, разрешите мне самому всё и везде проверить? — Герман вышел из гардеробной уже при полном параде, а затем двинул к бабушкам. — Идём, дадим время Иве привести себя в порядок. Нам скоро выезжать! А ты, моя милая бабуленька, заодно поведаешь мне одну занимательную историю, как твой забывчивый внук пригласил тебя пожить в его квартире...

Я тихо рассмеялась, когда Герман тактично выпроводил старушек из спальни, а перед тем, как закрыть дверь, подмигнул и ударил пальцем по циферблату часов.

Насколько я поняла, то ехали мы в соседнюю область,

непосредственно контролируемую Бесадзе. Я, вместо того, чтобы узнать, где мы будем жить, что с собой брать, и на сколько мы уезжаем, зачем-то полезла с этим дурацким поцелуем...

Мне было важно узнать, что Гордеев помнит ту вечеринку в заброшенном особняке Мамоновых! И он помнил.

На сборы ушло минут двадцать. Я надела спортивный костюм, покидала в дорожную сумку вещи, косметику, даже успела немного подкраситься и уложить волосы. И к моменту, когда вышла из спальни, атмосфера в квартире была более чем напряженная...

За круглым столом собрался самый настоящий совет... Бабушки, мама, неожиданно появившийся отец, ну и, собственно, Герман.

— Папа? Привет...

Уже подходя, я заметила стопку документов, которые буднично и даже как-то равнодушно изучал Гордеев.

— А что происходит? — я обняла отца, поцеловала и присела на свободный стул.

Герман не отвечал, мама и вовсе отвернулась, бабушка равнодушно скользила пальцем по кромке кофейной чашки... И единственный человек, на лице которого были эмоции — Инесса Павловна Гордеева. Она полыхала, как костёр в августовской ночи.

— Брачный контракт... Всего лишь, — шикнула она и полоснула взглядом моего отца.

— Пап? — я дернула его за рукав. — Это нужно было обязательно обсуждать прямо сейчас?

— Я просто принёс подготовленные юристами документы. Никто не говорит, что Герману нужно...

— Пожалуйста, — Гордеев достал из внутреннего кармана пиджака ручку и молниеносно подписал каждую страницу, после собрал документы, сунул в кожаную папку и передал отцу. — Давид, как только Ива подпишет договор, копию нужно отправить моему юристу. Раевского я предупрежу, он с вами сам свяжется.

Герман поднялся с кресла и направился на кухню. Он достал из холодильника бутылку воды и чуть ли не залпом осушил её... И я бы даже поверила, что его мучила жажда, если бы не видела стрелы ярости, вспыхнувшие в его глазах...

Вот оно. Началось. «Вороны» больше не верят слову. Отец, первый возмутившийся поступком Тимирязева, уже принёс бумаги. Прав был Герман. Мы — последний продукт традиций...

— Но впредь... — Герман выбросил пустую бутылку и развернулся к отцу, намеренно потушив гнев взгляда. — Но впредь все финансовые вопросы я буду решать только с Ивой. Не стоит приходить к нам домой и трясти контрактом, в котором написана всякая ерунда... Я, кажется, уже сказал, что ваша дочь не будет ни в чем нуждаться? А ещё я сказал, что от вашей корпорации мне ничего не нужно! И как же вы, Давид Майер, собираетесь стать моим союзником, если при-

скакали с этой филькиной грамотой?

Гордеев резко вскинул на меня глаза. Контрольный выстрел...

— Он мог потребовать отчёт о моих активах, выписку банковского счета, полный отчёт по имуществу, гарантии твоей безопасности. Но твой отец решил оградить от меня свою корпорацию, — зло выдохнул он, уже не в силах сдерживаться.

За столом повисла тяжёлая тишина... Я понимала, о чем говорит Герман. И понимала истерику и обиду, которая толкнула отца на этот шаг. Но, к сожалению, повлиять ни на то, ни на другое я уже была не в силах.

Тимирязев всё сделал правильно... Теперь до совершеннолетия его сына в «воронах» поселятся смута, драки и войны.

— Я ничего подписывать не буду, — процедила я. — Мы вернёмся к этому разговору перед свадьбой! Отец успокоится и подумает... И ты, Герман, выдохнешь и поставишь себя на место любящего отца. Его дочь унизили и растоптали! То, на чем держался мир – растекалось! И ваша немая склока лишь тому подтверждение!

Я не повышала голос. Говорила четко, сухо и ясно. Моей задачей было не начать войну или ссору, моей миссией было заставить этих двух баранов задуматься о том, что они делают!

— Кстати, о свадьбе, — Инесса Павловна подошла к вну-

ку и похлопала того по спине, призывая к спокойствию. Но Гордеев полыхал, оттого и смотрел на меня, как зверь на жертву. — Есть соображения о дате? Быть может, весной?

— Свадьба будет через неделю, — сухо отрезал Герман, поцеловал бабушку в макушку, а после достал орущий телефон и сбросил вызов. — Возражения есть?

Тишина стала усугубляться... Её треск походил на электрическое напряжение высоковольтных линий.

— Возражений нет, — Гордеев успокоился и снова сбросил входящий вызов, а после взглядом указал мне на часы. — А теперь, дорогая семья, нам пора выезжать.

— Герман! — Кларисса вскочила и бросилась за ним следом. — Ты что... Это, должно быть, шутка? За неделю устроить свадьбу?

— Кларисса Александровна, милая моя бабушка, — Герман вновь вернул голосу шутливость, а после подтянул меня за локоть, призывая собираться. — Сколько свадеб вы уже устроили? Сотню? Две?

— Около того... — бабушка растерялась и, явно приняв это за комплимент, неожиданно вспыхнула румянцем. — Гордеев, ты же понимаешь, что столь экстренная подготовка тебе будет очень дорого стоить.

— Не дороже денег, — Герман попрощался с отцом, поцеловал руку маме, обнял мою бабушку, а после подошел к своей: — Ба, мы не договорили... Но через два дня мы вернёмся, а пока следи за квартирой и найди помощницу по до-

му. Мне одному это было не нужно... Но теперь у меня есть жена.

Гордеев так резко обернулся, что я невольно подпрыгнула от прямоты его слов.

Его правдой можно дрова колоть! Он не юлил, не улыбался... Подписал контракт и бровью не повёл, а уже после высказал всё, что думает о выходе моего отца. Герман позволил устроить из своей квартиры проходной двор, стерпел вмешательство посторонних, чужие вещи, самоуправство моей бабули и мамы...

Возможно, мама права, судьбе порой виднее, с кем соединять людей, пусть и путём расколотой гордости и едкого унижения.

Глава 5

По пути Камилла меня совсем заболтала, я даже как-то расслабилась и снова не стала спрашивать, кто такая Малика, и почему мы до сих пор не догнали кортеж Гордеева.

А ведь это было странно... Вообще, зачем нужно было разделяться, если мы все могли поместиться в одну машину?

Сначала я подумала, что Бесадзе с его королевскими замашками не терпит общения и компании, но Тимур довольно активно, хоть и урывками, участвовал в нашем разговоре. И по его лицу было не сказать, что он был чем-то недоволен.

Спустя два часа пути мы неожиданно затормозили у обочины, и я увидела Гордеева...

Он был без пальто. Белая рубашка светилась в темноте призрачным пятном. Он резко вскинул голову, и его взгляд, тяжёлый и острый, как шило, упёрся прямо в тонированное стекло. Прямо в меня. Будто видел сквозь него.

А дальше и вовсе начался какой-то хаос. Гордеев с какими-то шутками ввалился в салон, Тимур внезапно куда-то засобиравшись, торопливо наврал Камилле, его даже не остановило то, что она прекрасно различила его ложь и хваталась за ворот его пуловера, будто в прямом смысле этого слова хотела слиться и не отпускать!

А после того, как водитель ударил по газам, унося нас прочь от Баринова и Бесадзе, Камилла и вовсе замерла мра-

морной статуей. Она даже постукивала пальцами по груди, будто бы буквально физически заставляла своё сердце биться.

— Гордеев, а что происходит? — я пересела на противоположный диван, но как-то неудачно... Слишком близко опустилась к Герману, отчего левой рукой задела что-то твёрдое на поясе его джинсов.

Оружие?

Вдох застыл в груди... Но я видела, как он собирается! И кобуры на нём утром точно не было. Он что... Зачем он её нацепил?

— Тебе как рассказать? — Герман суетливо жевал уже холодную и максимально противную картошку фри, лишь бы просто забить рот и не отвечать на вопросы Камиллы, а они уже полыхали в её глазах сигналом бедствия! — Романтично или прямо?

— Задрал ты меня с выбором, Гордеев! — зашептала я, но тут Герман обхватил ладонью моё лицо, впился пальцами в скулы, потянул на себя, а после завёл голову между мной и сиденьем, зарылся носом в волосах и начал шептать:

— Кое-что пошло не по плану. Лилю сегодня транспортировали из клиники домой, но она не прилетела... Охрана на связь не выходит. Достаточно коротко и ёмко?

Я лишь кивнула и тоже запустила руку в контейнер с картошкой, вдруг и меня это убережет от ответа на вопросы.

Камилла прожужжала мне все уши о сестре. Единствен-

ный близкий человек, оставшийся у неё. За год потерять всю семью... Я не могла даже представить эту боль.

— Зачем ты подписал контракт? – выпалила я, обернувшись к Гордееву.

— Твой отец хотел, чтобы я его подписал? Я это сделал... В чём вопрос?

— Я уверена, отец не хотел тебя оскорбить. Просто корпорация – детище всей нашей семьи!

— А нефтяная компания – детище моего деда. А мой отец и Герольд очень хотят её разрушить. И, надо признать, у них это отлично получается. За последние десять лет, с момент ухода дедушки, они не модернизировали оборудование, не меняли коммуникации, не искали новых рынков сбыта, не работали по экологической повестке и уж тем более не вели новых разработок! — залпом выдал Гордеев, да так быстро, что я едва успела собрать воедино факты. — Ива, мы — детище «воронов». Мы воспитаны созидать, охранять и прумножать. И если твоему отцу хочется оградить меня от вашей корпорации, не вижу повода для печали.

— Но... — я смутилась и опустила глаза, не зная, как выразить мысль.

— Но если тебе будет нужна помощь, ты всегда знаешь, где меня искать.

— Гордеев, я вот не могу понять... Это маска на тебе такая? Все понимающая, смиренная, проницательная? Если да, то мне бы хотелось познакомиться с тобой настоящим!

Он даже не взглянул на меня. Его рука молниеносно обхватила мою талию, вжала в себя с силой, не оставляющей сомнений. Шёпот снова коснулся уха, губы почти касались кожи:

— Ива, не мешай мне быть хорошим мужем. Зачем невесте знать натуру зверя до того, как она наденет кольцо? Кстати...

Он отклонился, и в его пальцах появилась бархатная коробочка. Щелчок — и внутри, на чёрном бархате, лежало кольцо. Уменьшенная, изящная версия его перстня.

— Ты теперь Гордеева. А наш цвет — зелёный.

Кольцо было гипнотически красивым. Лаконичный квадрат изумруда в ободке белого золота. Но зелень его была обманчива. В глубине камня клубилась чёрная дымка, медленно растворяясь в тёмно-зелёной сердцевине. Чем дольше смотрела, тем больше это напоминало вертикальный зрачок хищной змеи.

Ну, Гордеев!

— Похоже, да? Маленькая кобра, — тихо рассмеялся он, и в этом смехе была гордость.

Он взял мою правую руку, стянул фамильное кольцо с бирюзой и заменил на своё. Мою бирюзу не забрал, а переделал на левую руку. Символический жест. Среди «Воронов» камни — не украшения, а клятвы, передающиеся по крови. В день помолвки жених принимал невесту в семью, меняя один камень на другой. Обычно — на балу. Но нам тогда было не

до традиций.

— Ты... Когда ты успел? — ахнула я, вращая идеально подошедшее кольцо.

— Не только твоя бабушка звонила мне в шесть утра, — он усмехнулся, и его пальцы медленно, почти ритуально провели от моего запястья к центру ладони.

Наши пальцы сплелись. Я смотрела на его перстень, на такой же нетипичный камень с дымчатой сердцевинкой. У его отца и Герольда были чистейшие изумруды. Но младший наследник делал всё, чтобы выделиться.

— Ты знаешь... — внезапно зашептала Камилла, и её шёпот был полон ледяного ужаса. — Герман, ты знаешь, куда уехал Тимур! Да?

Не успел он ответить, как мир взорвался.

Машину дико тряхнуло, отбросив нас к двери. Затем лимузин взмыл в воздух, и в мерцающей темноте салона сверкнуло холодным огнём кольцо Германа. Его рука — огромная, железная, рывком притянула меня к своей груди, следом сгрёб и Камиллу.

Когда скрежет рвущегося металла сменился оглушающей тишиной, Герман резко уложил нас на пол, а потом и сам опустился на диван, прижав нас ногами.

— Лежать. Не двигаться.

Я видела, как он отработанным, до тошноты знакомым движением достаёт пистолет. Его красивые длинные пальцы с почти нежной медлительностью провели по рукояти,

закрывая изящную гравировку, и щёлкнули предохранителем...

Как быстро сбываются мои желания! Я же только что просила узнать его настоящего... И вот он! Во всей красе... Вот он зверь, о котором говорили и отец, и Бесадзе. Вот тот, кто отомстит за меня любому...

Странный, пьянящий восторг затопил меня, вытесняя страх. Когда Герман, не сводя глаз с окна, машинально провёл рукой по моей спине, я замерла, упиваясь этой грубой силой, этой абсолютной, нечеловеческой решимостью.

Он выбил рукоятью перегородку. Хрустальный дождь осколков впился ему в лицо и руку. Предплечье тут же окрасилось багрянцем, но он не заметил, ныряя к водителю. Но судя по его хлесткому мату, увиденное ему не понравилось...

И в этой какофонии рёва двигателя и скрежета послышались выстрелы. Короткая, чёткая автоматная очередь!

Германа отбросило, он издал хриплый, звериный звук, а я по инерции потянулась к нему.

— Лежать, чёрт возьми! — зашипел он сквозь зубы. — Ива! Лежать!

Машина вновь подпрыгнула, и мы подлетели в воздухе. Он снова перехватил нас, пряча себе за спину, он буквально всем весом прижал нас к сиденью, закрывая всем своим телом!

Едва дышала, крутила головой, всматриваясь в растрес-

кавшиеся окна, за которыми виднелся лишь снег... и черные пятна внедорожников, несущихся на нас. А из них уже выскакивали вооружённые до зубов люди в масках.

— Тише, — его шёпот был ровный, даже безэмоциональный.

Но я-то видела, как набухли вены на его висках. Герман быстро, как сканер, полосовал пространство. Без паники, суеты или страха. Он снова был охотником, знающим правила опасной игры.

Гордеев чертыхнулся, вырвал обивку сиденья и открыл потайной ящик, откуда достал ещё два пистолета.

— Один слева, двое в машине, пять... Восемь... — он заряжал оружие, не глядя, губы беззвучно шевелились.

Мы были одни против восьмерых... ОН был один!

— Там моя дочь! Не стреляйте! — в тишине, наступившей после остановки двигателей, прозвучал хриплый, сорванный голос.

Наступила тишина, в которой хриплый мужской голос звенел февральской выюгой. Седовласый незнакомец нагнулся, посмотрел в окно и нашёл Камиллу...

Стоп, что? Это её отец? Он вот так эпично появляется, чтобы повидаться с дочерью?

— Камилла, выходи...

Снова послышался выкрик, но Камилла не двигалась. Я аккуратно вытащила из кармана платок и прижала его к руке Гордеева, предварительно вынув оттуда кусок стекла. Но

он и бровью не повёл... Вот только алая струйка никак не останавливалась. Я не понимала, откуда бежит кровь, но как только я начинала шевелиться, он снова толкнулся, заставляя сидеть смирно!

— Камилла, тяни время, — зашептал Герман, а после мне в ладонь упал холодный металлический корпус его телефона. — Сорок пять, двенадцать, десять...

Я не стала раздумывать, быстро ввела пароль и начала листать ленту последних вызовов. Герман мне не помогал, чтобы не привлекать внимания, поэтому соображать пришлось самой. Так... Тимур далеко, и явно нам не поможет.

Кравцов...

После последнего поста ДПС кортеж охраны перестал мелькать в заднем окне. Их остановили для проверки документов, а больше я их и не видела.

Я быстро написала сообщение, даже скинула геопозицию, а после начала звонить ему, однако номер был постоянно занят! Но вдруг галочки сообщения окрасились зеленым, и пришёл короткий ответ.

«Пятнадцать минут...»

Пятнадцать минут? Кравцов, ты с ума сошёл? Гордеев один, водителя и вовсе не слышно!

Я бросила на Германа растерянный взгляд, трижды разжала пальцы на одной руке, показывая, сколько нам придётся ждать подмоги... И его глаза налились кровью, после чего вновь послышался щелчок предохранителя...

Но я видела, как стремительно багровеет от крови его правый рукав. Чёрт... Он правша или левша? Думай, Ива! Думай!

Зажмурилась и вновь вернулась в столовую... Вот он достаёт ручку из внутреннего кармана пиджака... И подписывает правой рукой. Правша! Но и кровь струится именно по правой руке...

Дьявол!

— Камилла, хватит! Выходи, мы уезжаем!

— Никуда я не уйду! Скажи, чтобы все опустили оружие и отошли! — вопила Камилла, изо всех сил растягивая время...

Вооруженные мужики начали пятиться назад... Все, кроме того здоровяка, что стоял возле двери, которую отец Камиллы не смог открыть. А в следующее мгновение он резко дёрнул дверь, чуть ли не силой вырывая её с корнем.

— Сидеть! — снова послышалась команда Гордеева.

И я всё поняла... Он будет брать огонь на себя. Теперь он будет тянуть время, чтобы у нас появился шанс дожидаться Кравцова.

Герман дёрнулся. Мои руки в последний раз заскользили по его руке, размазывая впитавшуюся в платок кровь... Но в последний момент я успела сделать то, о чём он не продумал.

Не подумал, потому что ничего обо мне не знал! И, очевидно, нам будет что обсудить после того, как мы выберемся отсюда живыми. Лично я планирую надеть гребаное белое

платье, планирую танцевать и радоваться, что тогда сделала правильный выбор. Боюсь, что Герольд бы сейчас трясся и пытался выкупить свою жизнь у этих придурков, совершенно забыв о нас с Камиллой.

Герман выскользнул из салона, а после замер у двери, нагло вглядываясь здоровяку в прорезь балаклавы, словно пытался запомнить, а потом найти и убить!

— Мне нужна моя дочь! Это было условие! — запричитал отец Камиллы.

Гордеев, не отрывая глаз от здоровяка, вскинул правую руку. Ствол смотрел прямо в лоб отца Камиллы. Он целился в голову... Ему хватило одного быстрого взгляда, чтобы взять того на мушку... Но рука дрожала. Кровь капала на снег.

В ответ здоровяк зеркально поднял свой пистолет и приставил его к виску Германа.

Дьявол.

Камилла заскулила и начала ползти вперед, стараясь не делать резких движений, чтобы никого не провоцировать. Она что-то говорила, подавала голос... И я поняла, что если не сейчас, то другого шанса уже не будет!

Я сдернула с волос резинку, потрянула головой, перебрасывая локоны на лицо, сжала пистолет, вытащенный из кармана Германа, и рухнула на Камиллу, накрывая её своим телом, а после поползла к выходу, стараясь не показывать лица. Толчок... Прыжок... И моя правая рука быстрым движе-

нием взмыла в воздух, упираясь стволом пистолета в висок здоровяка.

Боковым зрением я видела, как дернулся Гордеев... Видела его ошарашенный взгляд, слышала, как забился в его груди отчаянный хрип и ярость из-за того, что я ослушалась его приказа!

Резкий залп затворов оглушил, и автоматы вновь оказались направлены на нас. Но было поздно... Их главарь был у меня на мушке... Они слишком поздно поняли, что из машины выползает не Бесадзе.

— Отпусти ствол! — зашептала я здоровяку, протискиваясь между ним и Гордеевым. Но здоровяк оскалился, явно не согласный с таким раскладом. — Что ты смотришь, придурок?

— Убери пистолет, деточка, — захрипел мужик в балаклаве, и меня полоснули его черные, как ночь, глаза. — Поранишься...

— Да? — Я дерзко расхохоталась. — Я КМС по стрельбе, ублюдок. А ещё раз оскалишься, сам поранишься!

— Соломон-Соломон, — Гордеев сплюнул кровь на белоснежный снег, а после дернул на себя наконец-то выползшую Камиллу. — Вот что ты за неуёмный придурок?

Камилла рванула к отцу, но Герман схватил её за волосы и притянул назад, используя её плечо как опору для своей раненой руки. Пистолет в его руке перестал дрожать.

— Пусть сам подходит, — рявкнул Герман. — Хочешь

поговорить с дочкой? Топай сюда. Послушаю речи продажного отца.

Герман слушал, а сам каждую секунду косился на меня. А после его левая рука мягко прошла по моему бедру, ища руку. Но я обеими руками сжимала ствол. Двойной хват самый надёжный... На случай, если здоровяк решится выбить ствол и переиграть игру.

Я почти не слушала их перепалку. Вжимала дуло в висок ублюдка, поражаясь внутреннему холоду. Сначала он ухмылялся, но когда заметил мой яростный взгляд, его оптимизм поугас...

— Я была лучшая, придурок, — шептала я мужику в маске. — Военная кафедра... Я всего раз зашла на тренировку по практической стрельбе и не ушла, пока тренер не взялся меня тренировать. Я быю как статичную мишень, так и движущуюся... Поэтому, как ты хочешь сдохнуть? Убегая от меня? Или встретишь смерть, как полагается мужику?

Рука Гордеева, покоящаяся на моей заднице, чтобы не терять связь, дернулась, его пальцы вонзились в кожу, растягивая ткань спортивных штанов. Эта боль была такой ласковой... Такой нужной! Я хоть и стояла к нему вполоборота, почти не видя, что там происходит, но чувствовала, что он здесь! Рядом! Завтра буду в синяках... Ну и пусть! Главное, чтобы это завтра наступило.

И тут Герман вмешался в спор, его слова долетели обрывками. Я быстро посмотрела за спину, заметив, что он чуть

ли не впивается лбом в лицо отца Камиллы, что-то яростно нащёптывая ему.

Дерьмо... Сколько осталось?

— Я презираю мужиков, прячущихся за спины жен, сестёр... дочерей. Презираю! Ты понял меня, Соломон? — орал Герман, выплёскивая ярость в вибрирующем голосе.

И тут вдали послышался рёв двигателей. Длинная вереница внедорожников неслась по склону.

Паника пронеслась по нападавшим. Здоровяк дёрнулся.

— Скажи им не шевелиться! — я вжала ствол сильнее.

— Никому не стрелять! — скомандовал Герман и похлопал меня по бедру. Сигнал.

Я уже видела, как к вооруженным придуркам несутся люди Кравцова, видела и его самого... Он просто летел, истерично переводя взгляд то на Камиллу, то на меня. А заметив ствол в моих руках, начал кивать головой...

Что... Что он хочет?

И я поняла. Здоровяк выстрелит в Гордеева. Ему терять нечего.

Я отсчитала шаги Кравцова. Когда он вынырнул из-за последнего джипа, я резко отклонилась, перевернула пистолет и ударила со всей силы рукоятью по виску здоровяка.

Тишину вспорол выстрел. Я обернулась. Герман стоял. Здоровяк — нет. Тонкая алая струйка растеклась по снегу из-под его балаклавы.

— Всё-всё... — закричал парень, подбежавший ко мне, он

перевернул здоровяка мордой вниз и начал завязывать пластиковым жгутом, смыкая ноги и руки в хитрую вязь.

Но когда я обернулась... Реальность сжалась до точки в бесконечном пространстве.

Я видела, как отец Камиллы падает на снег за колесом внедорожника, и над капотом что-то сверкнуло... Пистолет! Черная точка дула скользила, дрожала от слабого хвата и страха. И целился отец не в дочь... Он целился в Гордеева!

— НЕЕЕЕТ!!!! — заорала я, бросилась к Герману и Камилле...

Но было слишком поздно! Камилла вдруг откинулась назад, её обувь заскользила по снегу, сшибая Гордеева с ног. Тот попытался ухватиться, но левой рукой он удерживал её, а правая уже была настолько слаба, что окровавленные пальцы лишь скользнули по черному лаку лимузина, оставляя едва заметный след...

Вспышка... И тишина!

Я видела, как Камилла тянется рукой к плечу, как Гордеев пытается выбраться из-под неё...

Мир покачнулся, картинка плыла. Но я уже неслась к ним!

Хватило одного взгляда, чтобы найти дыру в её куртке. Камилла охнула, растирая алую кровь между пальцами, её лицо потеряло румянность, красота стала восковой, черты лица заострились... Она вскинула на меня глаза, в которых не было даже мольбы о помощи. Она был в ужасе... Её отец! Это же её отец...

— Дыши! Глубоко, слышишь?! — заорала я и начала разрывать её одежду, чтобы добраться до раны.

— Кравцов! Вертолёт! Сейчас же, блядь! — взревел Гордеев, как только выкатился из-под неё, а после рухнул на колени и начал мне помогать.

Ткань трещала под нашими руками, а мои пальца скользили, напиваясь горячей кровью Камиллы.

— Блядь! Ключица, — хрипела я, бодря мозг, чтобы уже включился и заработал! — Не бьёт... Артерия не задета... Наверное!

Я резко стянула с себя куртку, потом толстовку, она чище, после туго стянула её в жгут и нависла над Камиллой.

— Прости, Ками! — а после я всем весом навалилась на место ранения, затыкая кровотечение и перекрывая доступ воздуха к ранению. — Камилла. Тебе будет больно! Будет очень больно, но ты должна держаться! Должна! Для сестры... Для НЕГО!

Гордеев заметил, как дрожат мои руки, накрыл своими и чуть надавил, давая мне передохнуть. Он орудовал лишь левой рукой, вторая болталась, как плеть.

— Что с рукой? — хрипела я, задыхаясь от бьющего ключом адреналина.

— Поцарапался где-то, — Герман улыбнулся... И вдруг рванул вперед.

Его губы — горячие, твёрдые, пахнущие кровью и холодом — на мгновение прижались к моим. Мир остановился.

Страх отступил, уступив место ясности. Мозг заработал. Я даже видеть четче стала.

И тут за спиной послышался истошный крик, способный и мёртвого поднять из могилы:

— КАМИЛЛА!!!!!!!!!!!!!!

— Бес прибыл, — прохрипел Гордеев и снова навалился на повязку, давая мне возможность расслабить руки, спину.

Следом подлетел и Баринов. Серёга уже сходу рвал упаковку перчаток, надевал их, он даже попытался оторвать наши руки от ранения, но я зарычала тигрицей:

— Это точно не артерия! Я сразу перекрыла кровотечение! Готовь капельницу, обезбол, как только откроем область, у нас будет мало времени! — орала я, не понимая, откуда идёт шум...

Вокруг нас закручивались вихри воздуха, мои волосы взмыли вверх, мокрые концы превратились в льдинки и лупили по лицу, пытаюсь привести в чувства.

— Ты что, вскрывать будешь прямо тут? Серёга, это моя жена! — взвыл Бесадзе, в его взгляде читалось такое отчаяние... Он хватался за Камиллу, сжимал её руку, словно готов был обменять свою жизнь на её!

— Гордей, уберите его! Тимур.... Послушай, я клянусь своей жизнью, что спасу её, только уйди! Не довезу я её! Понимаешь! Не довезу... Ива, готовься, мне нужна вторая пара рук!

А дальше мы все превратились в функции... Вертолёт

приземлился в нескольких метрах от лимузина, Кравцов притащил носилки.

Герман подхватил меня одной рукой и усадил прямо на носилки, чтобы я и дальше могла удерживать повязку. И лишь когда мы взлетели, когда Баринов разложился и раздал всем указания, я попыталась выдохнуть, но не могла!

Не могла и после посадки на вертолетной площадке больницы, не могла, пока мы неслись за каталкой... И лишь когда двери операционной закрылись, я рухнула... Но меня подхватили руки Гордеева.

Герман присел на корточки, что-то бросил Баринову и понёс меня куда-то...

Я пялилась в кафельный пол больницы, мои руки свисали, с пальцев скапывала последняя кровь Камиллы, смешиваясь с каплями с рук Германа. После он вошёл в палату, толкнул ещё одну дверь, и когда послышался щелчок замка, я взвыла...

Растирала пальцы, пытаюсь очистить кровь, пытаюсь вымарать это ощущение чужой жизни в своих руках. Я так отчаянно вжимала повязку, что не чувствовала своих рук! Они болтались бесполезными плетями...

Слышала, как зажурчала вода, кожи коснулся холод, а губы опаляло теплом выдохом.

Гордеев стоял слишком близко. Я вскинула глаза, заметив, как стремительно затягивается его глаза серым туманом. Руки коснулась его рука... Пробежался по плечу, опу-

стился вниз... кожа полыхала от неожиданных касаний. Я даже не поняла, как оказалась голой...

Его горячая ладонь путешествовала по ключицам, по шее, по животу... Он толкал меня всем телом, пока я не остановилась под мощным горячим потоком воды! Слезы смешивались со струями, страх, который я закрыла в клетке, вырвался наружу воем ужаса.

— Тише, Ива, тише! Ты такая умница! Боже, девочка, ты кто такая... — Герман, забыв о своей руке, снова подошел. Он обнял меня, прижал к себе и тихо нащёптывал слова, от которых становилось так хорошо и спокойно.

— Ива... Ты такая молодец! Ива... Я бы без тебя не справился!

— Ты... Ты урод! Ты козёл! — кричала я, пытаюсь ударить его. — Я видела! Я всё видела! Ты готов был подставиться!

— Тише, Ива... Тише...

— Ты... — я захлёбывалась, злость душила... — Гордеев!

— Тише, Ива, тише, — Герман покрывал мой лицо быстрыми поцелуями, а сам наклонял мою голову под струи, чтобы смыть чужую кровь.

Он так и стоял, пока не пропал этот приторный металлический запах крови, пока не растворился в ушах залп автоматной очереди, звук рвущегося металла, крик Бесадзе, шум вертолетных лопастей.

— Гордеев! Выходи! — грохал Баринов, лупя в дверь кулаком. — Тебя нужно защитить!

Я вздрогнула, подняла голову... И только сейчас заметила бледность в лице Германа. Его губы уже потеряли красивый алый цвет, туман в глазах уже был не признаком возбуждения, да он едва держался на ногах!

Я схватила с вешалки халат, закуталась, а после распахнула дверь, впуская разъяренного Барина. Мы довели Германа до больничной кровати, где Сергей уже разложил инструменты.

Я аккуратно оттягивала футболку, пока Серёжа разрезал её ножницами в попытке найти источник кровотечения. Я не видела кожи! Рука Гордеева была вся в крови! Она уже засохла, превратилась в корку.

— Гордеев!!! У тебя пулевое! — застонала я, просто не веря своим глазам.

— Ива, это просто царапина...

Боже... Как он вообще стоял? Как он шёл? На каких таких резервах мыл меня, пытался успокоить, даже что-то говорил!

Барин закричал, и в палату вбежали врачи... Я смотрела, как его увозят, и скулила, кусая кулаки. Но словно из ниоткуда показался Кравцов:

— Ива Давидовна, — Олег отвернулся, заметив на мне халат. — Ваша сумка с вещами.

— Спасибо, Кравцов... И за помощь тоже спасибо.

— Это моя работа. Ива Давидовна, не выходите из палаты, пока я не выставлю охрану, — недовольно пробурчал Олег, а после скрылся.

Но я не могла тут сидеть! Переоделась и выскочила в поисках операционного блока. Тимур сидел, уставившись в красную лампу над дверью, как в свою личную геенну.

Когда хирург вышел и произнёс «Жива», Бесадзе просто беззвучно обрушился на стул, и с его плеч, казалось, свалилась тонна невысказанного ужаса.

Жива... Жива...

«Ива, я бы без тебя не справился...» — в ушах бились слова Германа, пока я плелась обратно в палату.

Свет не включила, вышвырнула свою окровавленную одежду в мусорное ведро, а после рухнула в кровать, накрылась одеялом.

Несмотря на тёплый костюм, меня пробивала жуткая дрожь. Мороз струился по венам. Зубы стучали, мышцы стянулись спазмом, а в голове было пусто. Смотрела на задернутые жалюзи окна. Но даже в узкие щели была видна белоснежная пелена, опускающаяся на город снегопадом.

Я крутила свой телефон и неожиданно рассмеялась... Машинальное желание написать Гордееву закончилось так же внезапно, как и возникло. Оказалось, что я не знаю номер своего жениха. Боже, что за фарс? Это что за шутки суки-фортуны? Как моя размеренная жизнь превратилась в череду дерьма?

И тут за спиной скрипнула дверь... Пауза тишины, словно вошедший привыкал к темноте после ярко освещенного больничного коридора. Послышался шорох, тихий, сдержи-

ваемый хрип...

Я перекатилась на кровати, заметив согнутую фигуру Германа. Он пытался справиться с ремнём джинсов.

Поднялась, стянула толстовку, штаны, бросила их на кровать, а после подошла к нему.

— Гордеев, — в тишине мой голос звучал особо хрипло. — Ты сегодня мог умереть, а я даже номера твоего телефона не знаю.

Подошла ближе, подцепила холодную металлическую пряжку его ремня. Щелчок прозвучал оглушительно громко. Рванула пуговицу, молнию, и ткань поддалась с тихим шуршанием. Присела на колени, стягивая с него пропитанные кровью и талым снегом джинсы.

— Ты сегодня чуть не вынесла мозги одному ублюдку, — голос Германа был низким и истощенным, что ли. — Черт подери, я даже мечтать не смел жениться на киллерше.

Я взяла его за левую руку. И она была теплой, крепкой, а в ответ Герман сжал мои пальцы. Вдохнула, словно в воздухе была хоть капля смелости. А затем повела Гордеева в ванную. Рану зашили, но кожа на груди была вся в бурых разводах.

— Не включай свет, — прошептала я, молясь, чтобы он не упрямился. Иначе я со стыда сгорю.

— Даже не собирался... Черт его знает, где ты прячешь ствол, киллерша.

Герман горько усмехнулся и вошёл в душевую кабину. Он

позволил развернуть себя так, чтобы не намочить перевязанное плечо.

Настроила воду, а когда кипяток попал на его предплечье, Гордеев даже не шикнул, словно и не почувствовал. Он навалился лбом на прохладную перегородку, и всё его мощное тело вдруг устало обмякло. И держала его сейчас исключительно сила воли, потому что физика давно кончилась.

— Прости, — промямлила я и опустила дрожащие пальцы к резинке его боксеров.

— Прощаю, — он прохрипел с таким тоном, будто отпускал мне все грехи... И даже те, которые я ещё не совершила.

Взбивала пену, разносила по его коже. Оглаживала каменные плечи, напряженную спину, ребра... Герман был весь в синяках и мелких порезах от водопада осколков!

Боже! Жадно вдохнула горячий от клубящегося пара воздух, но не остановилась.

Когда бурые разводы исчезли, я запустила пальцы в его густые пряди. Массировала, стягивала розоватую пену, пока вода в сливе не стала прозрачной. Вот так лучше, кошмару этого дня там и место!

Гордеев не падал, не сопротивлялся. Он просто выполнял мои беззвучные команды, как большой и уставший ребенок. Позволил укутать себя в халат, усадить на больничную кровать и покорно вытерпел, пока я стягивала полотенцем влагу с его отросших волос. А я рассматривала его усталое лицо. Настоящее, без кровожадной гримасы зверя.

И глаза... Стена и преграда рассыпались, открывая бездонную усталость и... Что-то настоящее и живое, что он никогда никому не показывал.

— Не уходи, Ива, — он сказал это так тихо, что я скорее прочитала по губам. И его крепкая рука сомкнулась на моем запястье.

Но как ему объяснить? Как сказать, что после сегодняшнего дня сама мысль о том, чтобы остаться одной, кажется кошмаром? Защитит... Этот точно защитит!

Я аккуратно, стараясь не задеть его плечо, опустилась на кровать рядом. Развернулась к нему спиной, дала возможность улечься, а после накрыла нас одеялом.

Кожа вновь покрылась мурашками, когда внутренний холод опять пополз наружу. И вдруг наволочка зашуршала, а под подушкой скользнула его рука. Герман обвинил меня за шею, не оставив пространства для сомнений, и притянул к груди.

И стало жарко. Невыносимо тепло и душно, и даже душащий меня холод начал отступать.

Он зарылся лицом мне в волосы у самого основания шеи, а после резко, с каким-то почти животным усилием втянул воздух. Он словно не верил, что я здесь, что все закончилось, и через паузу он выдохнул. Но уже мягко и даже с нежностью.

— Ты правда веришь в такие браки? — мой шёпот растворялся в звуке его дыхания у моего виска.

— Я верю себе. Ты же сама сказала, меня никто не заставлял, — хрипел Герман, борясь с наваливающимся сном. — Это был мой выбор, Ива...

Его тёплые пальцы дернулись и нащупали венку на моей шее. И это было не порывом нежности, а проверкой, что я до сих пор жива.

— Тебе было страшно? — спросила я, уже не надеясь на ответ.

— Дважды за один день... И это перебор, Ива, — Герман усмехнулся через силу и резко замолчал, подбирая слова. — Например, когда я по привычке сел в машину Барина... один. Я всю жизнь был холостяком, Ива. И поверь, я ещё наделаю кучу ошибок. Буду невыносимым, требовательным, полным засранцем... — он шептал медленно, борясь с тяжестью. — Но этой ошибки больше не повторю. Никогда. Ты никуда не поедешь без меня.

— А второй?

— А второй раз я чуть не сдох, увидев в твоих руках оружие...

— А если... Если я передумаю?

— Не передумаешь.

— Почему? — на выдохе прошептала я, желая услышать нечто важное, чтобы забыть этот гребанный день.

Его тёплые губы прижались к моему виску. Это было приятно... невинный поцелуй. Но в нем куда больше правды, чем в страстном засосе.

— Потому что ты такая же, как я, Ива... Твоя «идеальная красота» — это просто красивая клетка хищницы. Пирсинг, пистолет, эта твоя беспечная храбрость... Ты ненормальная, Ива. Совершенно чокнутая! Если бы мне не было так херово, я бы убил тебя! — Герман усмехнулся, но тут же закашлялся в приступе боли. — А значит, ты не испугаешься моей сущности. Вы подружитесь...

Он... Он назвал меня красивой? Не подходящей, не дочерью «ворона»? А красивой... Идеальной... Своей?

Сердце не просто забилося, оно отстукивало марш моей личной катастрофы.

Дыхание Германа окончательно выровнялось, стало глубоким и тяжёлым. Его рука всё так же лежала на мне, а пальцы периодически прижимались к венке на шее, проверяя пульс.

Даже самому опасному хищнику порой отчаянно нужны тишина, тепло чужого тела и право на паузу, чтобы постирать костюм супермена.

Но сегодня Герман Гордеев не просто заставил меня усомниться, что супергероев не существует, он... он был готов умереть, защищая то, что считал своим.

Глава 6

Мне не хотелось просыпаться. Щекой вбирала сильный пульс и высчитывала удары. Живой...

Кажется, я за ночь так ни разу и не пошевелилась. Как пригrelась, прижатая к его груди, так и провалилась в какую-то бездну, где нет ни снов, ни мыслей. Пустоту внутри заполняло лишь глухое биение его сердца, как напоминание, что я не одна.

Я жмурилась до белых мух, пытаюсь стереть картинку, превратившуюся в ожог. Она не пропадала, не размывалась! Я видела Германа, чувствовала его боль, видела кровь и вбирала его решимость защитить, невзирая на цену своего поступка.

А ещё я не могла избавиться от холода, что пронзил мою ладонь до костей. Привычное ощущение металла пистолета сейчас вызывало панику, ведь раньше я никогда... никогда не наводила его на человека!

Я была лучшей...

Однако моей целью были картонки и движущиеся мишени! Но мишени не смотрели на тебя пустыми, чёрными глазами сквозь прорезь балаклавы. Мишени не дышали хрипло, и их вена не пульсировала под холодным дулом огнестрельного... И мишени не вызвали удушающего желания вынести мозги обидчику!

Я даже не поняла, что плачу, пока щеки не коснулись тёплые пальцы. Герман напряг поврежденную руку и с какой-то неловкой нежностью стер мои слезы, словно был их причиной.

За дверью слышались голоса персонала, топот, бряцанье медицинских каталок. Больница... И жизнь в коридорах бурлила, пока мы спрятались в своём коконе, пытаясь пережить вчерашнее. Наверное, если бы не я, то Гордеев бы уже несли снова спасать мир, искать виновников нападения... Но он до сих пор здесь.

— Не прячься, — прошептал Герман и чуть отодвинулся от меня. Свежий воздух проник между нашими телами, и я почувствовала, что в палате невыносимо холодно! А единственный источник тепла, жизни — его тело.

— Не прячусь, — прохрипела, но оборачиваться не спешила, уткнулась в подушку, насквозь пропахшую им. — Скажи, что мне это приснилось!

Я подняла руку, всматриваясь в пальцы, ладонь, ища следы крови. Но ничего не нашла.

— Приснилось, — тяжело выдохнул Гордеев.

— Врёшь...

— Ты сама попросила соврать.

— А твоя рука? — спросила я, всё ещё не решаясь увидеть подтверждение кошмара.

— Ты про какую? Про ту, что садисты-доктора перемотали так, что дышать невозможно? Или про ту, которую ты от-

лежала? — рассмеялся Герман, но всё же не двинулся.

— Терпи... Бабушка говорила, что брак — это океан терпения и снисходительности к чужим слабостям.

— И в чём твоя слабость? — Гордеев чуть склонился и прошелся носом по моему плечу, запуская марш коллик, похожих на легкие электрические разряды. Кровь ускорила бег, понеслась по венам, приливая ко всем органам, даже сердце начало колотиться так отчаянно быстро, что пришлось прижать к нему ладонь...

— Люблю спать у батареи, — прикусила губу, запрещая улыбаться, словно он мог почувствовать.

— Так и быть, отдам тебе правую сторону кровати. Значит, КМС... — задумчиво протянул он.

— Ага. Страшно?

— Закажу бронебойные боксеры, на случай, если ты решишь меня кастрировать. Расскажешь? — Герман снова прижался ко мне и чуть дернулся, устраиваясь поудобнее. Он будто хотел заглянуть мне в глаза, но я не могла пошевелиться. Слишком хорошо было в этом коконе... Безопасно.

— В медицинском есть военная кафедра. И я однажды просто забежала, искала однокурсника, но оказалась на тренировке... И увиденное меня так поразило, что я впервые в жизни пропустила пару! Сидела и пялилась... А после тренировки я начала осаду тренера, чтобы и меня взяли в эту экспериментальную группу. Я Котова неделю осаждала! Бродила за ним по пятам, пока он не сдался. В группу к пар-

ням он меня не взял, но за дополнительную плату тренировать согласился. Однако через две недели он передумал... Сказал, что очарован моей спокойной злостью. Вот так я и оказалась в составе, ну, так скажем, сборной нашего университета, — я улыбнулась, провалившись в те воспоминания. — Но... Я никогда... Я никогда не целилась в человека.

— Ты и не должна была, — вдруг голос Германа потерял всю мягкость, зазвенел стальными цепями, треском льда. — И ответственность за всё произошедшее целиком и полностью на мне.

— Ты думал, что меня не заметят? Ведь никто не знал, что я в машине?

— Рассчитывал...

Уточнять его расчет я и не собиралась, потому что итог был один. Гордеев планировал потянуть время, даже ценой своей шкуры. И этот расклад, этот его готовый к самоуничтожению героизм бесил меня тогда и сводил с ума сейчас.

— Как Камилла? — сменила тему, чтобы не вспыхнуть от ярости. — Я слышала, как всё утро верещал твой телефон.

— Не знаю... Он остался в джинсах, а они на полу, — рассмеялся Герман. — И если я сейчас не отвечу, Баринов разнесет дверь в щепки, чтобы выволить меня из лап киллерши. Поэтому прикройся.

Он заворочался, покашлял, пытаясь скрыть сорвавшийся сдавленный стон, а после вынул руку, без которой стало так холодно. Натянула одеяло до головы, зарылась в него, впив-

шись глазами в окно.

— Да! — рывкнул Гордеев, а после открыл дверь. Сначала на пол упало что-то тяжелое, после зашуршала бумага, и слышался шёпот, но слов я разобрать не смогла. — Я подойду через полчаса. Баринов, отвали... Мне не оторвало руку, а поцарапало! Козёл, ты бы её всё равно нашёл и пришёл обратно... Всё, давай, голова и так раскаляется.

Герман швырнул телефон на кровать, а после по палате разнесся волшебный аромат!

— Это что? Кофе? — шепнула я.

— Давай, расчехляйся. Сама сказала, что человеком становишься после завтрака. Кравцов постарался, — Герман поставил что-то на кровать. — А ведь я Олега знаю очень давно. И вчера на миг показалось, что он в тебя влюблён... Красивая женщина, умеющая обращаться со стволом — это похлеще отвязного порно.

— Приматы, — я отодвинула одеяло и выдохнула... Вчерашний вечер какой-то смазанной картиной вспоминался. Помню душ, разговоры... Слава Богу, я в белье. — Кстати, я хочу, чтобы ты вернул мне Корнея...

Но ответом мне стал хлопок двери в ванную. Он просто ушел, словно мой вопрос был слишком неудобным, а его ответ — слишком очевидным. Мне даже не удалось посмотреть ему в глаза.

Я повернулась и охнула... Боже, как мы вообще поместились на этой узкой больничной койке? И как... Как Гер-

ман спал, если подо мной большая её половина? Палата была небольшой, но комфортабельной. Кресло, стол, холодильник, у двери стояли две дорожные сумки, очевидно, Кравцов принёс и вещи Германа.

На прикроватной тумбе меня ждала подставка с двумя стаканами кофе, из пакета тянулся аромат выпечки. Я достала горячий круассан с сыром и ветчиной и застонала от удовольствия, вонзаясь в него зубами.

В одеяле что-то настойчиво жужжало, я откопала брошенный телефон, и в голове всплыл пароль. Хм... Интересно, он его уже сменил? Но проверить эту догадку мне не дала очередь бесконечных звонков. Фамилии мне были незнакомы, поэтому я просто положила гаджет на подушку.

Герман плескался в ванной всего несколько минут, я расправилась с одним круассаном и принялась за второй. Когда открылась дверь, я невольно смутилась... Он стоял всё в том же сером халате с не продетой в рукав правой рукой. Она была прижата к груди, и из-под приоткрытого ворота виднелись пальцы, сомкнутые в кулак, и тёмная зелень его перстня.

— Привет, — он улыбнулся, в два шага пересек расстояние и присел рядом, упираясь спиной в металлическое изножье.

— Привет, — я взяла его стаканчик кофе и чуть наклонилась. — Держи. Ну? Как Камилла?

— Сегодня переведут из реанимации. Баринов говорит, что всё хорошо. Теперь только ждать, — Герман сорвал паль-

цем крышку и припал губами к стакану, закрывая глаза не для того, чтобы насладиться вкусом, а возвращаясь во вчерашний день. — Кравцов отвезёт тебя домой.

— А ты? — я вздрогнула, встречая лютый холод, сковавший мою поясницу.

— Я не оставлю Беса, иначе он тут кровавое побоище устроит, потому что Соломона тоже доставили сюда, — задумчиво протянул Гордеев.

— Соломона? Это отец Камиллы? Герман, я не поеду одна, — инстинкт буквально швырнул меня вперёд... Рука сама взмыла в воздух, опускаясь на его колено, пальцы вонзились в кожу, но тот как пил кофе, так и не дернулся. — Слышишь? Я не поеду!

— Хорошо, — он двинул плечами и посмотрел на круасан в моей руке, а я будто мысли его прочитала, отломил кусочек и протянула...

Герман чуть наклонился, а после... Моих пальцев коснулся его твёрдый и горячий, как уголёк, язык. Губы обхватили подушечки, задержались на секунду. Воздух в палате вспыхнул и загудел у меня в ушах.

— Хорошо? Вот так просто?

— Это был идеальный вариант. Но пока мы не женаты, я вроде как должен притворяться хорошим и не душить тебя, — он рассмеялся и спрятал хитрую улыбку за стаканом.

— Вчера, Гордеев, ты мне больше нравился. Такой усталый, откровенный, разговорчивый...

— Чтобы стать разговорчивым, необязательно быть раненым и обколотым всякой медицинской дрянью... Баринков козёл! У меня голова до сих пор гудит, как чугунный котелок.

— Помню-помню, тебя достаточно напоить, — я тоже улыбнулась, но внезапное чувство стыда стерло улыбку. — Если бы... Если б не Баринков. Я бы...

— Ива, без тебя бы ничего не вышло, понимаешь? — он наклонился так, что наши носы почти упёрлись друг в друга. — Ты бы и без Серёги довезла Камиллу. Я знаю...

— Откуда?

— Поверь, я умею различать тех, кто говорит, от тех, кто действует. Вот ты действуешь... Рассказать одну забавную историю? — он снова открыл рот, требуя добавки, я снова отломила кусочек, медленно вкладывая в его рот, а в ответ получая ласку языка по подушечкам пальцев. Влажный след касаний превращался в жидкое пламя. Герман будто нарочно отвлекал меня, не давая впасть в истерику.

— Какую?

— Одна очень смелая девочка, когда её мужа подстрелили, заметила оружие и пнула его ему в руки. А потом каким-то волшебным образом загрузила его стокилограммовую тушу в машину, перекинула раненого водителя и, рассекая искры, на разбитой машине неслась по трассе, везя его в руки одного мясника, — Герман говорил сухо, его брови чуть двигались, словно он не сочинял, а буквально переска-

зывал то, что видел своими глазами...

— Ками? — ахнула я.

— Она. Засранка, — голос Гордеева смягчился, отчего его «засранка» не казалось оскорблением, а скорее было комплиментом. — Я ни в коем случае не сравниваю... Но ты и сама знаешь, что есть те, кто болтает, а есть те, кто спасает! Вот ты из последних. Ты не проглотила обиду, а заступилась за себя, за свою семью, за свою гордость... Поэтому, Ива, не стоит недооценивать саму себя. Пусть этим занимаются посторонние.

Гордеев поставил интонационно такую мощную точку, что мне и спорить не хотелось. Наверное, он прав. Я бы точно не стала просто рыдать и ждать скорую.

— Вот и молодец, — Герман допил кофе, резким броском отправил стакан в мусорную корзину, а после поднялся. — Собери вещи, я вернусь после перевязки, и поедem домой.

— Домой? — я напряглась...

— Да.

— Гордеев... — застонала я и отвернулась, когда он начал рыться в сумке.

— Гордеева, трусы я сам надену, не переживай.

— Я не об этом... Просто... Ты появился, и всё сломалось. Я еду, не понимая, куда и зачем. Я даже не знаю, в каком мы городе?

— Вот соберись для начала, а потом выясним, где мы, — Герман, и правда, справился с бельем и штанами, но вот на-

деть футболку он не смог, поэтому подошёл ко мне и протянул. — Ты выступишь нормально, отдохнёшь, а позже вернёмся. К тому же дома у Бесадзе перепуганная девочка. Она одна, а рядом нет ни сестры, ни отца.

Я встала на колени и растянула ворот, Гордеев поднырнул, просунул сначала голову, потом вдел здоровую руку, и вдвоём мы протаскивали тугой рукав через перебинтованное плечо. — Я быстро...

Я закончила завтракать, отыскала свой телефон и начала листать сообщения. Больше всего тревожился отец... А я не понимала, стоит ли ему знать о случившемся? Поэтому просто ответила, что после долгой дороги проспала всю ночь. И папа сделал вид, что поверил, но следом посыпались звонки от Клариссы и мамы... Но если они увидят меня в таком виде, то устроят истерику до того, как я им всё расскажу! И я выключила телефон, мысленно попросив прощения.

Гордеев вернулся, как и обещал, через полчаса. Рукав его футболки больше не стягивал толстый обод повязки, слой бинтов явно уменьшили.

— Готова? — он одной рукой подхватил наши сумки, а когда мы вышли в коридор, нас встретила батарея охраны во главе с Кравцовым.

— Олег, останься и дежурь у палаты Соболева, иначе Бесадзе его прикончит, — Герман хлопнул по плечу Кравцова, а вот меня подтолкнул вперед, буквально физически не позволяя нам посмотреть друг на друга. Боже... Он что, ревну-

ет?

Увидев машины у подъезда клиники, я замешкалась... Свист тормозов, лязг металла и скрежет пластика эхом воспоминаний прокатились по катакомбам сознания, но Гордеев властно опустил руку на поясницу и подтолкнул к джипу, двери которого уже были открыты.

Я забралась в салон и зажмурилась, пытаюсь не смотреть по сторонам.

— Ива, открой глаза, иначе ты опять не узнаешь, где мы,
— тихо рассмеялся Герман и закрыл дверь.

И я опять покорно распахнула веки... Взгляд скользнул по отражению в зеркале заднего вида водителя, сместился правее... И на переднем пассажирском сиденье сидел Слава Корнеев!

— Слава! — взвизгнула я и потянулась вперед, впиваясь пальцами в его плечо. — Привет!

— Привет, Ива Давидовна, — парень мне подмигнул, а словив пристальный взгляд Гордеева, тут же приосанился и отвернулся к окну.

— Спасибо, Герман...

— Но, Ива, давай уже одновременно идти на уступки? Охранник твой, водитель мой. И поговори со своим Корнеевым, что теперь он целиком и полностью подчиняется приказам Кравцова, — Герман сморщился, но руку поднял, раскрыв её ладонью... И я опустила свою, смыкая наш уговор.

— Корней, ты всё слышал? — строго спросила я.

— Так точно, госпожа Гордеева...

Дорога до дома Бесадзе заняла почти полтора часа. Мы по касательной объехали город, а к самому участку и вовсе пробирались какими-то тайными тропами. В дверях нас уже встречала беспокойная фигура Альбины Марковны. Она хоть и пыталась держаться, но её красные и заплаканные глаза говорили чистую правду... Эта сухая и в меру холодная женщина прикипела к Камилле всей душой. А произошедшее вчера будто и вовсе расплавило сталь этой железной женщины.

— Ива Давидовна! — Альбина распахнула руки и в несвойственной ей манере, наплевав на этику и субординацию, крепко обняла меня. — Боже, как я рада!

— Альбина Марковна, всё хорошо. Мы с отличными новостями, — Герман тактично приобнял домоправительницу, и та, позволив себе пару секунд слабости, снова приосанилась, стерла слёзы и оцарапала нас вышколенной улыбкой любезности.

— Я... Я позволила подготовить для вас комнату в крыле Тимура Петровича. Если хотите, я могу подать обед...

— Нет, — Герман дождался, пока я разуюсь, а после потянул за руку по длинному коридору. — Сначала мы выспимся нормально. Как Лиля?

— Тревожится и, кажется, не очень верит в срочную поездку, — Альбина семенила за нами.

Гордеев ориентировался в этом огромном особняке, слов-

но, и правда, чувствовал себя здесь как дома... Свернув за угол, мы оказались у распашных дверей, он толкнул створку... И его напряжённое лицо вмиг расслабилось, а губы растянулись в самой лучезарной улыбке:

— Лилёк? Привет, птичка...

Я осторожно вошла в комнату, но увидев бледную и худенькую девочку, последовала примеру Германа и начала выдавливать улыбку. Достаточно ей страданий... Хватит.

— Ты... Герман? — осторожно спросила сестра Камиллы, подтягиваясь на кровати. Она смутилась, на щеках появился румянец, а когда Герман наклонился и поцеловал её ручку, та и вовсе вспыхнула, как китайский фонарик.

Ай да Гордеев... Ай да сукин сын! Бесадзе однозначно специально отправил этого мартовского кота, потому что он найдет путь к сердцу даже Снежной королевы.

— Ага. Смотри, что я тебе привёз? — Герман протянул бумажный пакет Лиле. — Твой папа сказал, что вы так торопились, что оставили сумку с техникой в больнице? Вот, это планшет и телефон.

— Привет, — я аккуратно присела на кровать девочки. — А меня Ива зовут...

— Какое странное имя. Это как дерево? Ты жена? Тимур Петрович говорил, что вы будете вдвоём, — Лиля нахмурилась, вскользь бросила взгляд на Гордеева, словно этот очаровательный красавчик только что предал её...

— Ага.

— Но разводы случаются, — Лиля хлопнула ресницами и дернула губами, демонстрируя знакомую ямочку на щеке точь-в-точь, как у Ками.

— Ты сначала вырасти и наберись сил, — Гордеев расхохотался и присел на корточки возле кровати.

Мы помогли Лиле настроить планшет, телефон, пообещали, что скоро ей позвонит Камилла, а после вышли из комнаты, что больше напоминала мини-клинику. Хоть персонал и прятался, но звук аппаратов и больничный запах уже успели вьестся в стены...

Герман проводил меня на второй этаж, указал на дальнюю дверь, за которой нас ждала светлая и просторная спальня.

— Там ванная, можешь принять душ...

— Ты не уйдёшь? — то ли вскрик, то ли стон сорвался сразу, как только пальцы Гордеева отпустили мою руку. Я даже сама от себя не ожидала подобного... Что уж говорить о Германе? Его глаза расширились, он растерянно осмотрел комнату, прошёлся рукой по волосам.

— Тут нет дивана, Ива...

— Ой, Гордеев, не прибедняйся! И не жди официального приглашения, просто выполняй свою работу, — я подхватила сумку и двинулась в ванную, его ответ ударил в уже закрытую дверь.

— И в чем же моя работа?

Я вновь приоткрыла створку, высунула голову и выдала первое, что пришло в голову. Единственную правду, в кото-

рой была уверена:

— Охранять мой сон. И... не давать мне бояться.

Стресс отнимал все силы. Я едва удерживала себя, пока стояла под душем. Не помогли ни знакомые запахи, ни ритуал перед зеркалом. Смирившись с тем, что я тоже имею право быть слабой, надела свою пижаму и выскочила из ванной. Но Гордеева не было.

— Вот тебе и муж...

Я запрыгнула в кровать, заметила пульт управления, начала тыкать во все кнопки, пока плотные портьеры не затянули стеклянный куб комнаты, укрывая меня в своей уютной полной темноте. Следом я включила телевизор и убавила звук до минимума. Нашла старый советский фильм, устроилась поудобнее, но тут скрипнула дверь...

В комнату ворвался запах леса, мяты... По мягкому ковровину зашуршали шаги, кровать прогнулась под его весом, а плеча коснулось что-то холодное...

Я обернулась... В мерцающем свете экрана лицо Германа было спокойным, расслабленным, волосы растрепаны, мокрые, а в руке он держал банку фисташкового мороженого... И всего одну ложку.

— Вы, волшебники фармы, скрываете от народа истину... Но меня не провести! Я знаю, что мороженое лечит куда лучше, чем ваши таблетки, — он улыбнулся, а когда я забрала ведро, нырнул под одеяло. Он двигался медленно, будто бы боясь коснуться меня даже случайно.

— Готова поспорить, что ты ни разу не спал с женщиной просто так, — я открыла крышку, сорвала пленку и нырнула в зеленую холодную нежность, а после назло Герману облизала ложку. — Будешь?

— Вообще-то, я тебе дал только поддержать, — он заёрзал, не понимая, как лечь, чтобы забрать ведро, ведь как бы он ни храбрился, но рабочая у него была всего одна рука.

— Ешь, — я набрала ложку и поднесла к его губам...

— А ты? Будешь? — он хохотнул, открыл рот, захватил мороженое, назло мне клацнул зубами, облизывая ложку в зеркальной манере.

Герман не отводил глаз, смотрел прямо, а после поднял левую руку, и я откинулась спиной, подныривая под неё. Горячая ладонь легла мне на локоть, чуть придвинула к себе, а после его колючий подбородок уткнулся в мою макушку. Он тяжело вздохнул, и всё его тело, бывшее твёрдым и собранным, наконец, расслабилось.

Так мы и просидели, поедая сладкое лекарство, смотря немое кино, которое знали наизусть...

Глава 7

Я резко распахнула глаза и села в кровати, истерично шаря руками по одеялу. Но ответом служил лишь холодный отклик ткани.

Темнота, которая была мне так нужна, теперь казалась враждебной, пугающей. Пульс подскочил, сердце забилося, подпрыгивая чуть ли не до горла!

Я развернулась и, нащупав пульт, начала жать на все кнопки... Враз включились телевизор, кондиционер, зажужжали портьеры, но солнечный свет так и не просочился в комнату. За окнами переливалось черное ночное небо, оглаживаемое тёплым бликом уличных фонарей.

Тени растворились, тишина комнаты наполнилась бормотанием фильма.

Прижала к груди руку, пытаюсь загнать обратно этот животный страх... одиночества. Сделала вдох и вскочила с кровати.

Дойдя до ванной, я включила воду и начала плескаться в лицо. Лишь когда пальцы перестали чувствовать холод, когда онемели — меня отпустило. Я переоделась, вышла из ванной и заметила вспыхнувший экран ноутбука, оставленного на прикроватной тумбе.

Любопытство победило, поэтому я подошла и провела по тачпаду. На экране расцвела сложная цифровая карта с па-

утиной святящихся точек и тонких соединительных линий. Присела на кровать и начала увеличивать масштаб... И чем сильнее я приближала, тем яснее становилось, что именно изучал Герман.

Он отсматривал перемещения Баринова. И, как ни странно, но эта программа записывала не только Сергея... В выпадающем меню можно было переключиться на Камиллу, самого Гордеева, Кравцова, ещё парочку, очевидно, приближенных охранников, даже Альбина Марковна попадала под тотальную слежку.

Была ли я удивлена? Скорее, я бы охренела, узнав, что они не отслеживают местоположение друг друга. Но все же в этом контроле было нечто... царапающее.

Семья. Да, они определенно семья! Вот только меня на карте до сих пор не было. Я всё ещё чужая? Или временно неучтённый актив? А с другой стороны, я пока была свободна. И это успокаивало...

Оставив включенным ночник, я аккуратно вышла из спальни.

Стоило спуститься на первый этаж, как я утонула в суедеборах. Прислуга бесшумно носилась по коридорам, у дверей собирались ряды сумок. Даже через окна было видно, что дом окружен охраной, словно сюда могли вломиться в любой момент. Вдоль забора стояли внедорожники, взрывающиеся в морозный воздух клубами выхлопа. Крепость была готова как к осаде, так и к смене дислокации.

Мгновенная реакция... Думается, вчерашний день обнажил множество слабых мест. И парни уже начали делать выводы, чтобы подобного больше не произошло.

— Альбина Марковна! — я махнула рукой, заметив домоправительницу.

Женщина в ответ слабо улыбнулась, но тут же подошла.

— Ива Давидовна, ужин скоро будет готов. Но если хотите...

— Альбина, а можно мне чашку кофе, и желательно туда, где... где мой муж, — эти слова оцарапали слизистую, но мозг их выдал сам.

— Они в кабинете, — Альбина Марковна кивнула, отошла в сторону, указывая на коридор, в тупике которого я заметила кучку охраны. — Я принесу кофе через минуту.

— Спасибо...

«Ты здесь не чужая... Они обязаны с тобой считаться! Ты здесь не чужая», — снова и снова повторяла я, пока преодолевала довольно длинный коридор, вдоль которого не было ни одной двери.

Охрана при моём приближении замерла, затем почти синхронно склонила головы. Не поклон, а признание статуса. Я не сбавила шаг, толкнула тяжёлую створку из чёрного стекла.

Кабинет был погружён в мягкий полумрак и... пуст. Но откуда-то справа доносились приглушённые, но пугающе резкие голоса. Я обошла высокий книжный стеллаж и упёрлась в узкую винтовую лестницу из чёрного металла. Под-

нялась на несколько ступеней, и меня буквально придавило воцарившейся тяжелой тишиной.

— Ива, проходи, — его голос тихим шорохом пронесся по комнате, и я ускорила шаг, карабкаясь вверх.

— Ух ты...

Моё дыхание перехватило. Комната под стеклянным куполом была завораживающе красивой. Здесь, в самой верхней точке дома, среди тёмного дерева и книг, под звёздным небом сидели трое мужчин. Они были похожи на совет теней за массивным круглым столом...

— Тимур? Как Камилла? — я поспешила подойти, но оказалось, что у стола всего три кресла. Ха-ха... Три кресла, три титана... Как забавно.

Гордеев сидел ко мне спиной, и даже не обернулся, он лишь скинул руку с широкого кожаного подлокотника, и я приняла приглашение. Но стоило присесть, как меня буквально пробрало от холода его энергетики...

— Оставили в реанимации до утра, — голос Бесадзе был чужим... Хриплый, плоский, выжженный вчерашним истошным криком отчаянья и страха. — Я приехал успокоить Лию и собрать для жены вещи.

— Если я вам помешала, то...

— Кофе, — раздалось за спиной, и по лестнице зацокали каблучки Альбины Марковны.

Она внесла поднос с большим кофейником, четыре чашки и тарелку с бутербродом, очевидно, для меня.

— Тимур, если бы Камилла была дома, то сидела бы рядом с тобой, — устало протянул Герман, как только Альбина Марковна ушла, и внизу хлопнула входная дверь. — Давай без лишних споров? Мы все устали...

— Продолжай, — шепнул Бесадзе, и из темноты вынырнул Баринов, что все это время сидел, откинувшись на спинку кресла.

Они словно нарочно не включали свет, им достаточно было голосов друг друга.

— Водитель пришёл в себя, у него сотрясение и перелом позвоночника. Я посмотрел запись с регистратора, он до последнего пытался лавировать и уходить от столкновения, — Сергей махнул пультом, и встроенный в шкаф телевизор вспыхнул картинкой того дня.

— Ешь, — шепнул Герман, а после схватил меня за локоть и стянул к себе на колени, чтобы я удобнее устроилась у стола.

А я и не сопротивлялась. Налила кофе и вонзилась зубами в бутерброд не из чувства голода, а как-то машинально.

— Кто-то взломал нашу систему навигации, потому Марат свернул не туда. Но это все видимая картинка, точнее я могу сказать, лишь когда он сможет говорить. Меня смущает, что в какой-то момент он увеличил скорость... Вот, на этом отрезке. Тут слышно, как орёт Гордей, — Баринов перемотал запись, и по комнате разнесся крик Германа. — Возможно, он заметил в зеркало слезку и решил как можно

скорее укрыться в населенном пункте.

— Что с постом ДПС? — подал голос Герман и забрал у меня чашку, чтобы сделать глоток.

— За час до произошедшего на все посты раздали нарядку об угоне. По всем признакам сотрудники остановили машины охраны, — вздохнул Баринов и толкнул Герману пачку документов. — Их задержали ровно перед развилкой. Расчет был именно на это — разъединить.

— А вам не кажется, что слишком много совпадений? — грохнул Тимур и поднялся с кресла, да так резко, что дубовые ножки с шумом опустились на пол. — Что это? Служба безопасности или цирк на выезде?

— Бесадзе, хватит! — вдруг вскрикнул Герман и подался корпусом вперед, аккуратно отведя меня в сторону. — Если ты опять начнёшь искать виноватых, то мы зайдём в тупик! Сначала найдём козлов, а потом решим, кто и где провалился. Лично мне пока ясно лишь одно — выезжать за пределы города куда опаснее, чем жить в эпицентре цунами.

— Я бы посмотрел на тебя, будь на месте...

— Заткнись, Бес! Лучше заткнись! — взвыл Гордеев и ссадил меня в кресло, а сам поднялся, больше не вынося бешеного взгляда Тимура. Он словно принимал вызов, брошенный ему...

Я вздрогнула от крика, но наткнувшись на Баринова, заметила, как он закатил глаза, словно эта стычка — не более чем ежедневная рутина.

— Хватит, — прошептала я. — Хватит! Сядьте все!

Гордеев и Бесадзе обернулись, и их лица вытянулись от удивления.

— Возможно, меня не должно здесь быть. Возможно, моё решение на балу сильно сломало ваш план, возможно, это даже придало импульс действиям неизвестного нам придурка, — я поднялась, чувствуя, как адреналин струится по позвоночнику холодным пламенем. Подошла к ошетинившимся друзьям. — Но я точно знаю, что за такую дружбу, как у вас, многие головы готовы отдать... Я точно знаю, что вы все равно их победите! Сейчас вам кажется, что у вас ничего на руках нет... Но потом этот ребус сложится! Однако если вы перегрызете друг другу глотки, то так и не узнаете ответ на вопрос. Сядьте!

Герман и Тимур встретились взглядами, не сговариваясь, протянули друг другу руки, но тут Бесадзе умудрился схватить пепельницу и швырнул в Гордеева, а тот ловко перехватил её и вернул на стол, сотрясая тишину своим бархатным смехом... А после друзья, как ни в чем не бывало, пожали руки и разошлись.

А вот я уже сидеть не могла... Оттолкнулась от стола и начала наворачивать круги, пытаясь заставить мозг работать.

— Это же очевидно, что вас хотят рассорить! Сначала вы перестанете верить друг другу, начнёте проверять маршруты передвижения, — я украдкой посмотрела на Германа, и тот поджал губы. — Потом станете врагами, вернетесь в свои

кланы, поджав хвосты... Им это нужно! Только это!

Чёрт подери... А это очень похоже на правду!

— Вы втроем стали слишком опасными... Да и, возможно, наш с Германом союз послужил катализатором событий. Бесадзе, — я впилась в спинку кресла и наклонилась к Тимуру, а после попеременно указала на Сережу и Германа. — Ты веришь этим двоим?

— Конечно...

— А они хотят, чтобы ты перестал им верить! *«Не тот Баринов...»* — эти слова крутятся у меня в голове с того самого момента. Камилла повторяла их как заведённая, перед тем как отключиться. А Соломон говорил, что в больницу к нему приезжал Баринов... Но знает ли Соломон, что у Сережи есть близнец? Они хотят вас разъединить, а вы ведётесь, как мальчишки... Ты зол, ты в ярости, тебе больно! Я понимаю... Но ещё я знаю, что все случившееся — это череда случайностей. Я на все сто процентов уверена, что Соломон не должен был стрелять!

— Согласен, — неожиданно кивнул Тимур. — Ни единого выстрела, а этот придурок себя Бондом возомнил. Он тяжелее калькулятора ничего в руке не держал. Откуда у него вообще пистолет?

— Вот-вот. Герман, ты видел, как он держал ствол? — я обернулась к Гордееву, и тот согласно склонил голову.

— Вообще, я думаю, что всё было куда проще, — Герман откинулся на спинку и начал потирать подбородок. — Не

мы были их целью. А Лиля... Вы просто успели увезти её вовремя. А что? Логично... Ну, заberi они Соломона, ты, Бесадзе, и пальцем бы не дрогнул. Правильно? А заberi они Лилю — Камилла бы тебе всю кровь выпила. Но что они от тебя хотели?

— Я тоже об этом думал, — кивнул Тимур. — Они знали наш маршрут, но не знали, что вы едете напрямиком в аэропорт, чтобы дожидаться прилета самолета и привезти Лилю домой.

— Давайте-давайте, — зашептала я. — Разговаривайте! Смотрите, как у вас хорошо получается.

— Первым ударом был Баринов, — шепнул Тимур и поднял глаза на Серёгу. — Они подбросили нам Соломона, чтобы он указал на него. Считай, минус один...

— Ошибаешься, Бес... Первым был Кравцов. Ты должен был подумать на кого-то из нас. Они же не знали, что ты решишь поменяться машинами? — вдруг хрипло рассмеялся Гордеев. — А вот третьим, выходит, буду я...

— Если кто тут и виноват, то это я, — процедила и начала кружить ещё быстрее, пока меня за руку не перехватил Гордеев и силой не усадил себе на колени.

— А ну-ка? — протянул он, пытаясь посмотреть мне в глаза. — Поясни?

— Вас троих-то боялись. А вчетвером мы — катастрофа. Ну— это же очевидно! Я вообще не планировала выходить замуж, — я снова попыталась встать, но Герман одернул ме-

ня. — За месяц до того, как на отца с предложением союза вышел Герольд, на фабрике начались проблемы. Срывались поставки оборудования, комплектующих, Тимирязев то не брал на хранение товар, то терял целые вагоны в своём отстойнике на сортировочной станции. Бариновы нам поставляют элементы для упаковки, так и они повально приходили с браком!

— Какая прелесть. Выходит, Ива Майер, тебя выманили? — рассмеялся Баринов. — Намекнули, и как может быть плохо, и как будет хорошо замужем за правильным «вороном». Выходит, ты непослушная девочка...

— Очень непослушная, — шепнул Герман и закурил, звонко щёлкнув золотой зажигалкой.

— Теперь получается, что так. Но это значит, что проблем на нашей фабрике только прибавится... И если мы все разругаемся, то ничего хорошего не выйдет! Всё! — я поднялась, упёрлась кулаками в стол, внимательно смотря в глаза Бесадзе и Баринову. — Я с вами, поняли? И никуда уже отсюда не уйду! Я — наследница Майер, я — «ворон», а теперь я — часть вашей компании. И если нужно будет разнимать вас постоянно, то я готова. Валяйте, лупите друг другу морды!

— Ива, — Герман уложил мне руку на спину, мягко пробежал пальцами и усадил обратно. — Тогда и ты послушай нас... Знаешь, почему мы дружим больше тридцати лет? Знаешь, почему можем следить за перемещениями друг друга и не прятаться? Потому что можем поорать, сломать нос,

можем разосраться в пух и прах, но через пять минут мы снова садимся, стираем кровавые сопли и дружим! Они — мои братья... А братья иногда ломают друг другу челюсти. Да, Бес?

Тимур машинально потёр свою челюсть, и на его измождённом лице впервые пробился слабый отголосок улыбки... И то лишь для того, чтобы успокоить меня.

— Или носы... — парни одновременно повернулись к Баринову.

— Нам нужны вороны! — гроыхнул Серега, отмахиваясь от их намёков. — Нужны... Я раньше не верил словам деда, но теперь я своими глазами вижу, как все рассыпается. Это как оперировать мёртвую ткань, она разъезжается под иглой, и ты ничего не сделаешь, пока не вычистишь некроз до последней клеточки. Ну даже взять дело Майеров... В производстве участвуют и Огневые, и Тимирязев, и упаковку она однозначно берет у Бестужева! Чёрт подери....

— Это карточный домик, который сейчас очень сильно шатается, — прошептал Герман, раскачивая чашку. — Но если Ива захочет выпрыгнуть, то её...

Хлоп!

Ладонь Гордеева со всей силы обрушилась на стол. Звонко, как выстрел. От неожиданности я вздрогнула, но не от страха, а от неминуемого осознания. Меня, мою семью, мою империю... Всё уничтожат.

Я нервно сглотнула слюну, прекрасно понимая, что он

имеет в виду. Это правда...

— Но вы... — я подняла голову и начала осматривать собравшихся. — Чёрт возьми...

Осознание накатило ударом кувалды по темечку... Я даже покачнулась от неожиданности, вспомнив все мелочи, которым раньше не придавала значения! Эта троица могла не явиться на бал, они даже сидели за одним столом, покинув семьи... Они шли против течения во всём! Но они единственные, кто не желал уничтожить систему, они отчаянно пытались её починить...

— Они поэтому вас и хотят убрать! Вы не зависите от них всех! У них нет веревочек, чтобы дергать и контролировать. Это в банках Бесадзе хранятся их деньги! Это Ястреб контролирует СМИ, в его руках связь, полный доступ к их звонкам... У вас нет производства, вы независимые птицы, которые занимаются тем, что хотят!

— Дедушка Бесадзе перед смертью собрал нас и сказал, что именно так всё и закончится, если у руля встанет «гнилой ворон», — хмыкнул Герман, а после его тяжелая рука легла на мою, сплетая наши пальцы так, чтобы два кольца слились воедино.

Я затаилась, как мышка, физически ощущая приближение правды... Видела, как он напрягся, размышляя, говорить ли мне это, или ещё рано. Герман прищурился, сделал затяжку, выпустил дым под купол и махнул на соседнее кресло.

— Знакомься, Майер... Баринов Сергей, ему принадле-

жат почти все коммерческие клиники и лаборатории региона. Он знает о каждом чихе, о каждом аборте, о каждом неизлечимом заболевании...

— А ты? — я затаила дыхание, пытаясь не сойти с ума от вороха новостей.

— А у меня мания на землю... Земля со сложными месторождениями, от которых отказалась моя семья, теперь принадлежит мне, — Герман поднял глаза, в которых остался лишь серый туман ярости. — А ещё у меня есть кораблики... Большие такие, в них возят нефть...

— Которую добывает твоя семья, — закончила я за него.

— А ещё есть машинки, — он подмигнул и снова припал губами к сигарете. — Которые возят твои пилюльки по всей нашей стране-матушке. А это... Бес. Ну, ты и сама знаешь. Он — деньги, тайны и тишина, которую так любят большие деньги.

Боже! Пазл сошелся... Я поочередно посмотрела в глаза этим засранцам, что уже много лет плели ловушку и расставляли капканы... Но ведь никто об этом даже не догадывается?

Боже, я такая дура... Баринов, Гордеев и Бесадзе никогда не дойдут до точки, никогда не поссорятся, потому что нарочно приковали себя друг к другу по рукам и ногам.

И бить их начали, лишь когда они стали обзаводиться семьями, ведь это единственное их слабое место.

Они не пытаются сломать систему, потому что они вне её.

Они — паутина... И рано или поздно она накроет всё гнездо «воронов». И, очевидно, им просто нужно время.

— Ива, мы можем тебе помочь с комбинатом, — Тимур постучал по столешнице пальцами. — Просто скажи, что нужно?

— Да, — я откашлялась, сжала горло, пытаюсь успокоить сердцебиение. В голове замелькали мысли, которые я крутила ещё утром. — Тимур, мне нужен кредит, чтобы временно сменить поставщиков, создать параллельную сеть сбыта. Контракты с Тимирязевым, Огневым и Бариновым я отменять не буду, чтобы не вызывать подозрений. Но и свалить себя им не дам. Мне нужно перестраховаться, чтобы комбинат не встал.

— Хорошо, — кивнул Бесадзе. — Считай, что деньги уже у тебя...

— Кредит... Ты имеешь в виду кредит?

— Ещё одно правило, Ива, — шикнул Бесадзе, недовольный моим возражением. — Знаешь, почему мы до сих пор вместе? Потому что наши деньги давно смешаны. А так удобно, нет «моего» и «его»... А значит, и делить нам нечего. Деньги будут!

— Чёрт, Гордеев, и почему я ещё тогда за тебя не вышла? — я прыснула и повернулась к Герману. — Значит, ты мне врал, говоря про хер и душу?

— Врал, Ива... Врал, — рассмеялся Баринов. — Нет у него души, можешь не искать. Значит, тебе достался только

хер...

— Зато какой, да, Ива? — усмехнулся Герман, и в его глазах мелькнула знакомая дерзкая искорка. На секунду он снова стал тем, кем был до всей этой крови... Наглым, опасным и пугающе притягательным.

— Тимур, мне нужно поменять расчетный счет. Думается мне, что будет безопаснее, чтобы комбинат полностью был под защитой твоего банка, — я не стала пускаться в обсуждение детородного органа Германа и вернулась к проблеме.

— Это все можно решить удалённо, главное, чтобы твой отец был не против. Потому что, судя по контракту, подписанному Гордеевым, он не очень-то нам доверяет... Завтра Герман сведет тебя с нашим семейным менеджером, — Тимур посмотрел на часы, явно отсчитывая время на обратную дорогу.

— Тогда последнее, — я посмотрела прямо на Барина. — Нельзя трогать Альберта. Пока... Чем дольше они будут считать нас идиотами, которые грызутся между собой, тем лучше.

Сергей замер. И я поняла, что попала в самую точку. Месть уже клокотала в нём ярким пламенем...

— Серёж, нельзя. У нас, кроме догадок, нет ничего!

— Согласен, — поддержал меня Герман. — Что мы имеем? Гипотетически мы знаем связку: Тимирязев, Бестужев, Бариновы и Герольд. А значит, у нас пока ничья... Им нужен был Соломон, чтобы самим не пачкаться, потому что нельзя

трогать своих! А чужими руками можно...

— Герман, ты только что говорил про правду... Тогда скажи Иве то, что ты действительно думаешь, и хватит плести кружева, чтобы её успокоить, — рявкнул Бесадзе.

Но мне не нужны были подсказки, я и сама все поняла... Однако Герман не стал жалеть моих чувств и продолжил:

— Ива, Камилла, и правда, не должна была пострадать вчера. И ты знаешь, почему...

— Она уже инициирована. Она – жена Беса, это табу, — кивнула я и опустила голову. — А я нет...

— Поэтому ты должна была сидеть в машине, а не размахивать стволом, рискуя собой. Поэтому ты должна была слушать меня! Поэтому мы сыграем свадьбу через неделю, что бы ни произошло...

Я кивнула, только сейчас осознав причину его спешки.

— Ива, — Тимур повысил голос, привлекая моё внимание. Бесадзе прищурился и смотрел на меня так, словно в моих руках была разгадка тайны вселенной. — А если я тебе скажу «колокольчики», тебе что-то приходит на ум? Быть может, какой-то человек?

— Сходу нет... А что?

Бесадзе вкратце рассказал про два странных звонка. Если первый звонок Камилле был полон загадок, явных намёков на Баринава. То вторым звонком девушка помогла спасти Лилу.

— А что, если первый звонок сделан под контролем? —

тихо спросил Сергей. — Камилла же не говорила про странный голос? Что, если её заставили позвонить? Но вот второй звонок... Вдруг она сделала это тайком, когда поняла, что в игре завязан ребёнок?

— Возможно, — протянул Герман и допил мой кофе.

— И что мы имеем в сухом остатке? Пока мы не поженимся, мы станем целью? — я повернулась к Герману.

— Очевидно...

— Ладно, мне пора выезжать к жене. На связи, — Тимур поднялся первым, его движения были резкими, порывистыми. Он не смотрел на нас, просто швырнул через плечо эти слова и исчез за поворотом лестницы.

— Я тоже в больницу, иначе он точно прихлопнет Соболева, — Баринов тяжело, со стоном поднялся с кресла. На пороге он обернулся, его взгляд скользнул по сплетённым рукам. В его глазах промелькнуло что-то типа: «Добро пожаловать в наш общий ад, девочка». Серёжа кивнул и растворился в темноте.

А мы остались вдвоём... В полумраке вспыхивал тлеющий огонёк, на миг освещающий его красивое лицо, но глаз Герман не поднимал, словно опять провалился в свои мысли.

А мне так хотелось их слышать... Интересно, мы дойдём до такой точки доверия?

Гордеев хмыкнул, поднялся и потянул меня за собой.

— Ты хочешь ужинать? — тихо спросил он, помогая мне спуститься по опасной лестнице.

— Я не хочу идти в столовую. А куда... Куда мы идём?

— Баринов оставил для тебя пакет с твоими любимыми игрушками. Придётся тебе, жена, сменить мне повязку и ткнуть в задницу обезболивающим...

Герман попросил Альбину принести ужин в спальню, а когда мы поднялись, он почему-то первым делом прошёл к ноутбуку. Его взгляд скользнул по нему, Герман понял, что я всё видела.

— Ива, подойди, — хоть Герман и говорил негромко, но в голосе звенел металл, заставляющий подчиняться даже на подсознательном уровне.

Я заглянула в экран, но Гордееву этого было мало. Он сжал мою руку и потянул вниз, пока я не упала ему на колени, спиной к его груди.

На экране мерцала та самая карта. Я видела, как метка Бесадзе удалялась от дома, а потом Герман провёл пальцем по тачпаду, меняя временной интервал. И произошло странное: единственная точка «Гордеев Г.А.» раздвоилась. Появилась вторая, новая метка с подписью, от которой у меня перехватило дыхание: «Гордеева И.Д. (Майер)».

Моё сердце на секунду замерло, а потом ударило с такой силой, что ребра заломило. Это намёк, что я — часть стаи? Или отмашка концу моей свободы?

— Тебя это огорчило, моя маленькая коброчка? — его шёпот обжёг ухо, губы едва коснулись мочки, и по спине пробежал разряд. — Думала, я тебя не найду, если ты вдруг

возьмёшь и... испаришься?

Мышцы свело, когда тяжелая ладонь прижалась к моему животу... Не легко и нежно, а чтобы я ощутила вес, силу. Герман впечатывал меня в себя, давая ощутить каждый мускул. А вот вторая рука продолжила играть с масштабом карты, сливая два наших маячка в одно пятнышко с одинаковой фамилией.

— Ива-Ива... Моя точка теперь всегда рядом с твоей. Кончились игры в догонялки, — вдруг его пальцы ожили и соскользнули к бедру.

Он замер, но на секунду... А после двинул к колену одновременно с отдаляющимися на экране метками. Остановился... и взял обратный курс к животу. И точки опять схлопнулись воедино. Герман оторвал ладонь и аккуратно постукивал ногтем по моему перстню, дав понять, где именно находится маячок.

Я обернулась, вскользь ударившись носами. Герман был спокоен, но даже в темноте я видела его усталость, осевшую тенями под глазами.

— А если... — мой голос сорвался, стал тише шороха простыни. — Если я не захочу, чтобы меня находили?

Он не ответил сразу. Медленно, давая мне время отпрянуть, наклонился и прижался горячим лбом к моему виску. Его дыхание было глубоким и ровным, пахло кофе, дымом и зимним лесом...

— Тогда, Ива... — простонал Гордеев, и я поняла, что всё

это время он терпел боль. — Тогда я буду тебя искать. День и ночь. Но если можно... — он отстранился, и в его глазах, вместо ярости, мелькнула та самая хищная, но усталая искра. — Если можно, давай повременим с этими игрищами? Попробуй ко мне привыкнуть.

— Давай, рыцарь мой, оголяй задницу, — я захлопнула крышку ноутбука, погружая нас во мрак. — Игрища... Тогда начнем с медсестры и непослушного пациента.

— Боже, я думал, что ты уже и не предложишь, — хрипло, через силу рассмеялся он, но так и не пошевелился.

Чувствовала его руки, до сих пор лежащие на моём животе, считала дыхание, бьющее в шею. Я была рядом. И после открывшейся правды дистанция между нами стала чуть меньше.

Глава 8

— Да, — протянула я, одним сонным глазом рассмотрев полыхающее имя на экране мобильного. От неожиданности я подскочила в кровати, всматриваясь в серые предрассветные сумерки. — Пап, ты чего молчишь? Что случилось?

Я в последний момент додумалась, что это видеозвонок, и отвела мобильник от уха.

— Ива, ты что... ещё спишь? — в его голосе прозвучало не просто смущение, а растерянность, граничащая с паникой. Потом наступила пауза, густая и неловкая.

Я потёрла глаза, сфокусировалась на экране и невольно улыбнулась до боли знакомой картинке: утренняя веранда родительского дома, скрип бабулиного кресла-качалки, сизый дымок моего любимого чайничка с желтыми уточками и пряность смородинового листа.

Но во всей этой привычности было нечто странное... Мой отец был не по-утреннему напряжен и все время смотрел мне куда-то за плечо...

Спасая отца, в кадре показалась мама, она игриво склонилась над столом и широко улыбнулась, забрасывая меня воздушными поцелуями. Но даже она напряглась и начала суетливо запахивать полы шелкового халата.

— Доча, привет. Ты прости нас, но мы так привыкли, что ты всегда рядом... Папа просто с ума сходит! Он даже зво-

нил Корнееву! — мама нервно захихикала, кокетливо дернула бровью, внимательно всматриваясь куда-то мне за спину.

И тут до меня дошло... Я потянулась, и рука, царапнув по пустому пространству, опустилась на что-то твёрдое, тёплое... Гордеев.

— Привет, мамуль. А что случилось-то?

Чтобы не травмировать родителей, чуть отставила телефон и обернулась. К моему облегчению, Гордеев лежал на животе, сомкнув руки под подушкой, и всё было прикрыто и безобидно. Я на всякий случай натянула одеяло повыше, а сама приподнялась и уперлась спиной в изголовье, чтобы в кадр больше ничего не попадало.

— Так что случилось? — я зевнула и подняла телефон.

— Твой чокнутый папаша сходит с ума от ревности, вот что происходит, — послышался голос Клариссы на заднем плане, её тон звенел ядом и насмешкой, что ещё больше бесило отца. — Как пёс, у которого забрали щенка в другой дом. Ивушка, это фантомные боли, скоро пройдёт.

— Мама! Хватит... Ива, а тебя я просто не узнаю! За два дня ты написала нам пару СМС и считаешь, что этого достаточно, чтобы мы не волновались? — перешёл в атаку отец. — Я понимаю, были выходные... Но сейчас уже утро понедельника! Хорошо, тебя нет в городе, но это не значит, что ты можешь пропустить утреннее собрание!

— Ну, вот видишь, — проворчала я, устраиваясь поудобнее. — Не пропустила же? Я здесь, я рядом. Можно начи-

нать...

Понедельник в нашей семье проходит всегда одинаково. Все собираются и обсуждают текущие дела, планы и проблемы.

— А как мы начнём, если ты в кровати, и у тебя нет компьютера?

— Тогда для чего ты позвонил? — резко оборвала я его, а после отложила телефон на прикроватную тумбу, наклонившись к мобильнику камерой в потолок.

Я перекатилась ближе к Гордееву и как-то неловко потрепала его по плечу.

— Герман, можно я возьму твой ноутбук? Мой остался дома.

— Угу... — промычал он в подушку и даже не пошевелился.

Я перегнулась, схватила лэптоп, вошла на наш внутренний портал, ввела пароль и открыла папку, куда со всех отделов стекались текущие вопросы, проблемы и неотложные дела... Но, судя по объёму непрочитанного, на комбинат упала бомба — не меньше!

— А что... Что-то произошло? Вы мне ничего не забыли рассказать? — зашептала я, быстро пролистывая документы.

— А что там? — встрепнулся отец и только тогда потянулся к компьютеру, чем выдал себя с потрохами. Не совещание его беспокоило... Обычная отцовская ревность. — Какого чёрта?

— Баринов-старший прислал новую партия брака, Тимирязев сообщил, что склад с температурным режимом вышел из строя, Кулешов задерживает перевозку упаковки... — бормотала я себе под нос, пролистывая кричащие мольбой о помощи обращения структурных руководителей.

— Как предсказуемо, — прохрипел Гордеев и шлёпнул рукой по прикроватной тумбе в поисках своего телефона. — Чёрт... Ещё нет и восьми утра.

— Зятёчек, доброе утро! — запищала Кларисса, вклиниваясь между отцом и красной от ужаса мамой, они, как и я, судорожно просматривали почту, пытаясь понять, за что хвататься в первую очередь.

— Доброе утро, моя милая Кларисса, — Гордеев зевнул, и его клич голодного льва, вышедшего на охоту, прокатился по спальне, а потом он резко обернулся. Герман натянул одеяло, прикрывая перебинтованную руку, и чуть придвинулся, заглядывая в камеру. — Вы, как всегда, обворожительны. Вы уж простите, я без галстука.

— Век бы смотрела на жеребчиков без галстуков, — бесстыже зашептала бабушка, надевая очки, чтобы получше рассмотреть Гордеева. — Как спалось, зятёк?

— Отлично спалось. А ваши как дела?

— А моё дело маленькое: сиди, качайся и романчики почитывай. Пусть теперь эти лодыри разгребают проблемы, — Кларисса оправила шелковую блузку, прошла по безупречной причёске и обворожительно улыбнулась. — А ты, зятёк,

не смей помогать!

— Почему же? — Герман подтянулся выше, заглядывая в экран компьютера, чтобы понять, от чего моя челюсть падает всё ниже и ниже.

— Кажется, Давид боялся именно этого? — Кларисса рассмееялась и отвесила отцу подзатыльник. — Вот пусть сам и разгребаёт... Сколько раз я говорила не класть все яйца в одну корзину? Сколько раз повторяла, что имея одного поставщика, одного посредника и одну схему сбыта, вы сами себя кастрируете? Давид, поздравляю... Тимирязев только что сделал тебя евнухом! Он не Иву наказал, а тебя. Ты пошёл против его слова? Тихон просил тебя остановиться? Просил проглотить обиду? Но ты защитил дочь... И теперь придётся расплачиваться.

Герман аккуратно вытянул из моих рук ноутбук и вернулся к началу списка. Он хмурился, иногда выдавал смешки, иногда еле слышно матерился, но при этом быстро отсортировывал скопившиеся за выходные проблемы. Я не сразу поняла, что он делает, но через пару минут, когда на экране осталось семь обращений, он вернул мне компьютер.

— С этим я могу помочь сегодня, — протянул он и снова скатился на подушку, подмяв её под себя, и закрыл глаза. — С тремя последними подсобит Серёга.

Я не поняла, к чему он клонит, и задумчиво посмотрела на него.

— Ива, если Тимирязев грохнул свой холодильный склад,

где хранились твои пилюли, то сбыть их нужно либо оптом сразу, либо мелкими розничными партиями. Срочно опт организовать без финансовых потерь ты не успеешь, а мелкими партиями мы их раскидаем по клиникам... Баринова, — фамилию Сережи Герман произнёс беззвучно, одними губами.

Чёрт подери... А ведь и точно!

— Во сколько открывается склад? — прошептал он сквозь сон.

— В одиннадцать, — ответил отец, что все это время слушал наш диалог.

— Вот к одиннадцати у склада будут машины, если, конечно, твой отец не против, что я влезаю в дела вашей империи, — усмехнулся Герман, а через мгновение уже мирно сопел.

— Пап, я вчера тебе отправила письмо. Ты его прочитал? — я откашлялась, чтобы прочистить горло. Эмоции сейчас не помогут, нужно действовать!

— Ива, мы закупили новые станки, у нас модернизируется семнадцатый цех, опять же новая лаборатория, — зашипел отец, хватаясь за голову. — Мы не можем сейчас менять поставщиков! Ну, либо придётся остановить строительство... Но ты сама знаешь, к чему это приведет.

— Знаю. И Тимирязев это тоже знает! Он на это и рассчитывал, что ты не остановишь строительство, потому что оплатить штрафы по срыву поставок дешевле. А дальше? Дальше он снова тебя подставит... И тогда ты сорвешь сро-

ки госзаказа! Отец, давай так? Вот в красной папке то, что можешь решить ты, — я листала документы, добавляя к уже отложенным ещё парочку. — А остальное я возьму на себя. Ну, это, конечно, если ты не против помощи моего мужа.

— Не против, — буркнул отец, не решаясь поднять глаза.

Я повернулась к Герману, пытаюсь понять его реакцию, но все, на что он был способен сейчас — поднять большой палец в знак завершения сделки.

— Пап? А можно просьбу от меня лично? Давай внутренние видеосозвоны всё же по предварительному согласованию?

— Так тебе и надо! Твоя дочь — дама уже замужняя, а ты вздумал её отчитывать с утра пораньше, — крикнула Клэрисса и отвесила отцу новый подзатыльник. — Герман, как только мой сын с его гиперопекой решит вновь позвонить раньше положенного, я тебе разрешаю шокировать его упругой молодой задницей. Зятёчек, сладких снов, мой мальчик. Внучечка, пока!

— Приму к сведению, бабуленька, — шепнул Герман и перекатился на другой бок.

После увиденного спать я уже не могла, да и смысла никакого не было. Я быстро выскользнула из постели, сделала легкую зарядку, чтобы размять тело, приняла душ, оделась и хотела было уже слинять из спальни, чтобы не мешать Герману, но оказалось, что он уже не спит...

Гордеев сидел за компьютером и говорил с кем-то по те-

лефону, листая список моих дел.

— Да, и грузчиков возьми с собой, думается мне, что на складе вас встретят максимально холодно и неприветливо, — Герман быстро отбил что-то в заметках, а после закончил разговор, отложил ноутбук и поднялся. — Я тебе там комментарии по делам оставил, посмотри. Я в душ... Ива, мы в обед выезжаем в больницу, Камиллу перевели в стационар, нужно появиться.

— Хорошо... — растерянно прошептала я, усаживаясь на кровать.

Я было отвернулась уже, но дверь ванной комнаты снова щелкнула.

— Кстати, доброе утро, — Герман улыбнулся, вот только глаза его забыли подключиться к этой эмоции, я видела и обиду, и тревогу, и задумчивость.

Наверное, другой бы на его месте не стал вмешиваться в дела, от которых его так демонстративно отстранили при всей семье, но он поступил иначе.

— Доброе утро.

Весь оставшийся день я буквально провела на телефоне. Герман меня не тревожил, не желая попасть под горячую руку, ведь, по-хорошему, сейчас я должна быть в городе, а не сидеть в доме Бесадзе, завися от интернета...

И даже когда я не уложились в срок, Герман опять не стал поторапливать. Я отчаянно смотрела на часы, видела, как у дома суетится охрана, готовят машины, носят сумки. Но я

не могла бросить отца в беде.

— Ива Давидовна, — аккуратно постучал в дверь мой охранник, Слава Корнеев. — Вам нужна помощь?

— Нет, спасибо. Если не сложно, передай Герману, что я скоро, — я отмахнулась, ответного дверного щелчка не услышала.

А когда обернулась, буквально напоролась на странный взгляд Корнея. Он смотрел на меня так, словно видел впервые... Я даже растерялась, осмотрела себя, но нет... Я была одета, к лицу, вроде, ничего не прилипло.

Не знаю почему, но его взгляд меня удивил... Или я уже привыкла, что из всей охраны Гордеева в глаза можно смотреть только Кравцову. Или взгляд Корнеева, и правда, потерял простодушную заботу и мягкость. Он рассматривал в упор... Неужели его отец приставил следить за мной?

— Слава, тебе что-то нужно? — Но Корнеев даже не ответил, его отвлёк хлопок двери, и он тут же растворился.

Странно... Я дочитывала последние страницы отчета, параллельно успокаивая отца, пораженного сегодняшним днём.

— Пап, мы угробим дело наших бабушек, если оно и дальше будет строиться исключительно на связях с Тимирязевым и его дружками. Они даже не попытались маскировать свою подлость. Всё в лоб высказали, — я поднялась и начала кружить по столовой, подбирая слова для отца...

Мне не хотелось скатываться в «я же говорила», потому

что этот способ никогда не помогает, а отца и вовсе выводит из себя. Но тут мой взгляд задержался на не зашторенном окне.

На высоком крыльце стоял Гордеев, он говорил по телефону, эмоционально размахивая руками. А он, и правда, красив. И дело даже не в стандартных параметрах: рост, вес, телосложение... Дело в уверенности, в ощущении пространства вокруг, в умении концентрировать внимание на себе. Это даже не красота, а порода: осанка, вальяжный поворот головы, резкость и быстрота принятия решения.

— И они ни в чем не ошиблись...

— В чем это? — процедил отец.

— Они всё спланировали заранее... — я задернула портьеры и снова села за стол, чтобы уже закончить этот дурацкий отчет.

— Если и так, Ива, то мы что-то им серьёзно сломали, раз они обрушились на нас со всех сторон. Сегодня мы отбились, а завтра? Что будет завтра? — голос отца оборвался на полуслове...

— Давид, чем быстрее вы поймёте, что вам лично объявлена война, тем будет проще справляться с трудностями, — Герман вошёл в столовую, всем видом показывая, что и так дал слишком много времени. — И выбрали они вас до того, как Ива не согласилась играть роль овечки. Готов поспорить, Давид, что вы не всё рассказали своей дочери... Баринов же тоже сватался? Но вы ему отказали?

Герман подошел и начал собирать ноутбук, документы. В его руках была моя куртка, он её накинул мне на плечи.

— Откуда ты знаешь? — буркнул отец.

— Вот за это вас и наказали! За излишнюю разборчивость и любовь к дочери, — Герман выключил громкую связь, забрал мой телефон и, прижав к уху трубку, двинулся из столовой, утягивая меня следом. — У меня долго не складывался пазл. Уж очень длинная многоходовка. Невесты уже были давно распределены, влияние семей поделено. А тут вы с отказом... Ещё и Ива устроила шоу на балу. Ваша семья дважды перетасовала их колоду. Давид, если позволите, то я дам вам один совет... Не подавайте вида, что обижены. Примите пощёчину, как заслуженную, и не портите отношения. Пусть дедушки пока повеселятся. У меня тут возникли небольшие сложности, мы чуть задержимся. Но когда мы вернёмся, обсудим...

Я не слышала, что ответил ему отец, но по довольной улыбке решила, что Герману удалось успокоить моего защитника.

Дорога до клиники пролетела незаметно, я спешила закончить составление плана на следующий квартал до того, как сядет аккумулятор ноутбука. В какой-то момент я и вообще забыла, что не одна. А когда очнулась, было уже поздно, кортеж как раз притормаживал у заднего входа в клинику.

— Эта клиника тоже принадлежит Баринову? — шепнула я Герману, осматривая четырёхэтажное здание.

— Вроде... Если честно, я уже сбился со счета.

Герман вышел из машины, лишь когда подошла охрана. Он протянул мне руку, помог спрыгнуть с подножки, и над нами пролетел приветственный клоч Кравцова, что уже несся по высокому крыльцу к нам.

— Добрый день. Как добрались? — лицо Олега было серым, он словно и вовсе не спал всё это время. Под глазами залегли глубокие тени, черты лица заострились, а взгляд стал таким тусклым от тревоги, что стало его искренне жаль. — Ива Давидовна, здравствуйте.

— Добрый день, Олег.

— Нормально добрались. Ну как он? Ещё никого не убил? — Герман отпустил мою руку, чтобы перехватить сумку.

И тут за нашими спинами что-то резко грохнуло... Эхо прокатилось по стенам здания, с голых деревьев вмиг вспорхнули птицы. Инстинкт сработал куда быстрее мысли, я потянулась к Гордееву, пальцы проскользнули по кашемиру его пальто, но меня оторвали от него! Не отвели, а буквально вырвали из его рук. Резким движением отшвырнули куда-то в воздух...

И мир перевернулся... В прямом смысле этого слова! Все перемешалось: снег, асфальт, машины, люди...

На миг мелькнуло серое небо, голые шапки деревьев. И тут сокрушительный удар затылком, а после на меня рухнуло что-то тяжелое, буквально вдавливающее в холодную землю.

И без того перевозбужденный мозг начал подбирать са-

мые отвратительные картинки прошлых суток: пустая трасса, искорёженный лимузин, кровь... Эту идиотскую липкую кровь, что никак не отмывалась с моих рук!

Но новая вспышка боли выдернула меня из воспоминаний. Пламя прокатилось по ногам, колени вспыхнули, будто я по наждаку проехала. Ко второму удару я и вовсе не была готова, меня словно лицом тащили по асфальту. Уши заложило, я от неожиданности прикусила язык и завизжала!

Но снова что-то тяжелое опустилось на затылок, буквально впечатывая меня в ледяную снежную кашу из песка, снега и реагентов. В ушах зазвенело, я попыталась сделать вдох и ртом втянула вонючую грязную жижу... И меня вновь погрузили лицом вниз, будто всерьёз решили утопить!

Уловила ослабившийся хват и дёрнула головой, отчаянно пытаясь поймать хоть каплю воздуха... Закашлялась, подняла голову, упершись взглядом в десяток мужских черных ботинок... Однако все будто застыли на месте! Их взгляды были прикованы ко мне, но в них не было ни страха, ни паники... сплошное недоумение!

И в той замершей толпе в движении был лишь один человек... Герман буквально летел ко мне, на ходу сбрасывая с плеч своё пальто. А я смотрела в его глаза, пытаясь различить хоть одну эмоцию... Но нет! Там было пусто и холодно.

И вдруг воздух рассекла его здоровая рука... Толчок, и с меня будто бетонную плиту сорвали! Легкие расправились, и я смогла жадно вдохнуть.

Герман подхватил меня за талию и вырвал из сугроба. Рванул к машине, прижал меня к холодной бочине и начал судорожно ощупывать. Пока я кашляла, пыталась стереть с лица ледяную жижу, его ладони грубыми толчкам изучали моё тело: руки, рёбра, шея. Но при этом он не разорвал зрительного контакта, словно ждал вскрика или какого-то сигнала...

Только я была в таком шоке, что ничего и выдавить из себя не могла!

Но тут его словно током ударило... Глаза потемнели, пальцы броском кобры сомкнулись на моём подбородке. И на его подушечках все же появилась кровь. И это была моя кровь...

А дальше реальность распалась на фрагменты диафильма. Я моргнула всего один раз! Всего секунда, и Гордеева уже не было рядом! А когда обернулась, горло вспыхнуло от истошного визга!

Корнеев взмыл в воздух и отлетел на заснеженный газон каучуковым мячиком. А Герман с животной яростью впечатал ему в грудь своё колено, да так резко, что я слышала фантомный хруст костей!

Кулак Гордеева ходил, как поршень... Слава брыкался, пытаясь вывернуться, но Герман даже одной рукой удерживал его, парализуя любое движение! Это было ужасно! Хрипы, стоны, глухие удары... Вот только охрана даже не шелохнулась, тактично отведя взгляды от веселящегося хозяина.

— Олег... Олег... Да помогите вы! Герман, отпусти его!

Я рванула к Гордееву, совершенно не думая о том, что в таком состоянии опасно подходить к мужчине. Но почувствовав, что я подошла слишком близко, он замер. Кулак, занесённый для следующего удара, завис в воздухе топором палача. И он медленно повернул ко мне голову.

Глаза... Из них будто вырвали всё человеческое! Зрачки сузились в точку, а радужка вспыхнула той самой ядовитой зеленью змеиноного камня в моём кольце! Точь-в-точь... Распустились тепло, веселье, искорки... Всё потухло! И зрачок запульсировал, смазав даже зелень!

«Ива, ты выбираешь не мужчину, а зверя!» — забились в голове слова отца.

Но это предупреждение запустило не страх... Нет. Какой-то странный пекучий яд заскользил по венам, устремляясь к сердцу, навязывая учащенный ритм. Внутри что-то зажглось и покатилося мягкими разрядами тока от какого-то тёмного, первобытного... любопытства.

И Гордеев откликнулся... В глазах снова появилась соблазнительная зелень, озорно отозвавшаяся на мой порочный интерес. Его губы, всегда готовые искривиться в саркастическую усмешку или сложиться для язвительного шепота, были сжаты в тонкую нить. Он резко выдохнул, потрянул головой, прогоняя мгновение ярости, и вновь обернулся к Корнееву.

Я отпрянула, потеряв равновесие, рухнула в руки Кравцо-

ва. Олег поставил меня и подошёл к Герману, вырывая из его рук Корнеева. Но не тут-то было...

— Ты... что устроил, придурок? — голос Германа был тихим, хриплым, почти ласковым. Он вцепился Славе в ворот куртки и приподнял его окровавленное лицо от асфальта.

— Вз... взрыв... — выдохнул Корнеев, из его разбитой губы текла алая струйка крови. — Прикрыть... надо было...

— Какой взрыв, придурок? Ты что, каждый хлопок за взрыв принимаешь? Ты контуженый, что ли? — обманчиво весело расхохотался Герман и дёрнул голову Славы к детской площадке, где мальчишки лупили палками по шарам.

И тут голос Германа упал... Пропал бархат, уступая мертвецкому, пронизывающему холоду.

— Но меня не это волнует, Славик. Ты с чего решил, что имеешь право вырывать её из моих рук? Защитником себя возомнил? А от кого... Не от меня ли?

Не в силах больше слушать эту пытку, я снова ринулась вперёд. Мои пальцы нашли сжатую в кулак руку Германа. Она дрожала от невыплеснутой энергии, а кожа буквально горела!

— Герман, ну всё! Слава испугался и перебдел! Погорячился, с кем не бывает? Корнеев, ты, конечно, и правда, придурок... Я как ободранная-то под венец пойду? — я попыталась рассмеяться, чтобы хоть немного разрядить обстановку...

Но мои жалкие потуги разбились о тяжесть молчания.

Подняла глаза на Корнеева и вздрогнула... Он смотрел на меня, не отрываясь! Но в его взгляде не было ни жалости, ни раскаянья, он словно просто залип на мне!

Я невольно отшатнулась... Но, кажется, этот взгляд заметила не только я.

Гордеев вскочил, а после подхватил меня на руки. Я покорно вскарабкалась, чтобы не усугублять апокалипсис, до сих пор чувствуя внимание Корнеева...

— Он больше тебя не охраняет, — проскрежетал он у меня над ухом, внося в тепло помещения. — Дамы, добрый день...

Гордеев толкнул ногой дверь в первое попавшееся помещение и вошёл, усаживая меня на кушетку процедурного кабинета.

— Вот, жена моя упала. Обработать срочно, — Герман начал снимать с меня куртку, а когда его глаза упёрлись в колени, по кабинету пронеслось шипение.

— Герман Георгиевич, чего же вы на перевязку вчера не пришли? — сисястая блондинка вмиг подскочила к нам, вот только всё её внимание было направлено на Германа.

Она будто нарочно игнорировала меня! Не остановило её ни слово «жена», ни необходимость осмотра... Я видела, как её пальцы скользят по его чёрной рубашке, ощупывая наложенную мной перевязку.

— Галя! Неси перевязочные... Германа Георгиевича быстро обслужим, — развязно захохотала блондинка и по-

тянулась к вороту его рубашки.

Ну, хватит...

Я вскочила с каталки, стиснула зубы, игнорируя боль. Но стоило мне переступить порог, как рука Германа сомкнулась на моём запястье тяжелой оковой.

— Стоять! — рявкнул он, отдергивая меня назад.

— Стоять, Гордеев, будешь говорить тем, кто тебя тут обслуживать собрался, — зашипела я и дёрнулась. Моя рука была холодной и мокрой от растаявшего снега, поэтому легко выскользнула из его ладони. — Ты не муж мне, Гордеев!

— Пока...

— Хорошо... Пока не муж. А пока я пойду и найду Серёжу, уверена, он тоже умеет зелёнкой царапинки замазывать! И я надеюсь, мы не будем спать в больнице? — рычала я, буквально задыхаясь от накатившей ярости.

— Через дорогу гостиница, если хочешь, сама забронируй номер!

В этот момент входная дверь распахнулась. На пороге завис Кравцов, а за его спиной топтался окровавленный Корнеев. Его взгляд снова нашёл меня через плечо Олега.

Герман сжал челюсть, что аж зубы закрипели. А через мгновение губы растянулись в коварной ухмылке... И он резко повернулся, вскидывая бровь от осенившей его мысли.

— Номера два заказать? — выплюнула я новую порцию яда, лишь бы стереть эту его гаденькую улыбку.

— Как пожелаешь...

— Тогда я желаю два! — шикнула и бросилась по коридору, стараясь не хромать и не плакать от режущей боли.

— Ну, давай-давай... — донеслось в спину то ли обещание, то ли угроза.

Чёртов Гордеев!

Глава 9

— Иди домой, Ива. Я подежурю. Спит наша Засранка? Ну, пусть поспит, быстрее восстановится.

Дверь палаты скрипнула, и густую темноту рассёк луч искусственного освещения из коридора.

Я зажмурилась и не сразу признала в возникшем силуэте Баринова. Он на ходу растирал влажные волосы, после пошёл к медицинским аппаратам, что размеренно пищали и обнадёживающее подмигивали огоньками. Серёжа склонился над Камиллой, внимательно осмотрел её, а после попытался оторвать руку Бесадзе...

Но это было бессмысленно. Я даже тихо рассмеялась, ведь пыталась проделать то же самое пару часов назад.

Стоило увидеть Тимура, я сразу поняла, что с того дня он так и не спал! Его усталость была такой силы, что именно на ней он и держался, как бы парадоксально это не звучало. Она закаменела в мышцах челюсти, втянула глазницы, но держала его вертикально, как стальной прут. Бесадзе превратил свою агонию в опору. И от этого зрелища ком к горлу подкатывал.

И тогда мне пришлось пойти на маленькую хитрость. Я достала свои успокоительные капельки, выпросила у медсестёр какой-нибудь ароматный чаёк и стояла над Бесадзе, пока он не опустошил чашку. Но даже вырубаясь, он отказал-

ся вставать с кресла, а просто отрубился, упершись головой в кровать жены... И их руки до сих пор были сомкнуты, и, кажется, эти узы можно разрушить лишь ударом топора.

— И что ты ему дала? — хохотнул Баринов и на всякий случай проверил пульс Тимуру. — Ну, хоть не орёт и не рвётся к Соболеву. Сколько проспит?

— Он здоровый бычара, поэтому ещё на пару часов хватит, — я улыбнулась и поджала под себя ноги. — Серёж, иди, отдохни, а я подежурю. Это вы все двое суток на ногах, а я бодр.

— Я уже вздремнул в сестринской, — рассмеялся Баринов и с какой-то трогательной осторожностью накиннул на ссутулившиеся плечи Тимура плед. — Прости, дружище, но завтра твоей спине крышка. Идём, Ива, Кравцов отвезёт тебя в гостиницу.

— А... — я замаялась, глядя в темноту за окном.

— Что «а?» — Серёжа требовательно взмахнул рукой, давая понять, что не даст себе заговаривать зубы. — Гордеев?

— Где он? — я отвернулась, делая вид, что просто собираю свои вещи. Но пальцы, как назло, нащупали в сумке холодный металл мобильного, который молчал. Чёрт... А ведь я до сих пор не знаю его номера. Идиоты...

Мы как расстались в холле больницы, так больше и не виделись. Не то чтобы я жаждала увидеть его бесстыжую морду. И не то чтобы я раздумывала, как же его там обслуживают. Но и не то чтобы я совсем не думала о нём. Герман, как

ноющая заноза, вспыхивал в моих мыслях пугающе внезапно и неуместно.

— В операционной Герман. Пусть тоже поспит...

Из-за откровенного веселья я не сразу распознала тревогу в словах Барина, но как только до меня дошла их суть, я застыла прямо посреди коридора, чуть не сбив девушку с каталкой.

— Это шутка?

— Нет. Этот мазохист сорвал швы, мы сначала пытались остановить фонтан в процедурной, а потом я его вырубил и отвёз в операционную. Чёрт, последние месяцы... Как же я устал латать близких, кто бы только знал! В какой-то момент я пожалел, что послал отца ко всем чертям и пошёл в медицинский, — Серёга докрасна растёр лицо и, подхватив меня под локоть, настойчиво потянул вон из клиники. — Ива, а где он разорвал руку-то?

Разорвал... Стоило закрыть веки, как вновь вернулась картинка, от которой я долго не могла избавиться. Его яростные глаза, его полная отрешённость, какая-то одержимая потребность наказать того, кто решил прикоснуться к тому, что он уже считал своим... И от этого ощущения я ловила раздвоение личности. Одна часть меня вопила от восторга... А второй было до жути страшно!

— А-а-а-а, — догадался Барин. — Виной всему воздушный шарик?

— Корнеев просто бурно отреагировал! — вырвался у ме-

ня старый и глупый рефлекс защиты того, кто был частью прежней жизни.

— Ну, Корнеев бурно отреагировал на лопнувший шарик, Гордеев бурно отреагировал на Корнеева. Пока всё логично... Ты-то чего взбеленилась? Можно подумать, не знала, за кого замуж собралась? Он же с детства такой, — Серёжа забрал из гардероба моё пальто, накинул мне на плечи и повёл к черному входу, где уже, и правда, стоял кортеж, а сам Кравцов дежурил у дверей.

— Знала...

— Ну, вот и не пыли, и не лелей надежду, что он станет другим. Гордеев отлит из стали, и форма его уже давно зачерствела. Кстати, он там что-то бредил, что тебе нужна моя помощь?

Как только мы переступили порог, из толпы вышагнул Корнеев, но Баринов вскинул руку, останавливая его порыв. Его голос зазвучал как горн, а сам он дёрнулся вперёд, закрывая меня.

— А ты — на три шага назад! Давай-давай, Корнеев, не советую злить его ещё сильнее. Иди отдохни, парень! — Серёжа довёл меня до джипа, не спуская глаз со Славы. — Так что? Чем я могу тебе помочь?

И что-то мне подсказывало, что за Корнеевым следит не только он. И я бы непременно осекла их... Если бы не саднящая боль в коленях и жжение на подбородке. Он заслужил! Меня даже не пробрал виноватый вид моего верного

охранника, которого я помню с самого детства. Но не сегодня, Слава... Не сегодня!

— Да, Серёж, помощь, и правда, очень нужна. Тимирязев утром отказал в хранении вакцин, список я тебе уже отправила, не мог бы ты или распределить их по больницам, или пристроить в какой-нибудь лаборатории? У нас как раз реконструкция, а этот придурок всё точно рассчитал, — я запрыгнула на заднее сиденье. — Гордеев уже отгрузил всю партию, и сейчас они в рефрижераторах, ищем места, куда бы это разместить на время.

— Хорошо. Надо посмотреть список, потому что у меня под патронажем несколько интернатов и детских домов, возможно, мы что-то выкупим под вакцинацию, — задумчиво протянул Баринов, быстро прикидывая варианты. — А вообще, не проблема. Я с Гордеевым сам вопрос решу.

— Ну, для такого случая мы их спишем, как соцпомощь. Не нужно ничего покупать, бери сколько нужно, — я улыбнулась и укуталась в пальто. — А что...

— Заштопают заново и вернут тебе Гордеева. Не переживай, это не твоя вина, — Баринов обернулся к Корнееву, но того уже и след простыл. — Всё, Олег, поезжайте. Лично проводить, довести до номера и выставить охрану.

— Есть, босс, — Олег сам запрыгнул на переднее пассажирское, и мы выехали с парковки.

Гостиница, и правда, оказалась буквально через дорогу. В сопровождении охраны я подошла к стойке администратора,

протянула свой паспорт:

— Добрый вечер. Два номера... Можно оба на моё имя,
— устало выдохнула я.

— К сожалению, у нас нет свободных одноместных номеров, — любезная блондинка поклацала по клавиатуре и строила такое печальное лицо, словно котёнка собралась хоронить.

Мда... Сейчас я мало походила на королеву фермы, учитывая драные штаны и кровавый подбородок, поэтому пришлось выложить на стол кредитную карту, чтобы блондинка охотнее начала искать подходящие номера.

— Милая девушка, дело не в том, сколько там будет кроватей, а в том, чтобы было два номера! — я чуть повысила голос и склонилась над стойкой.

— У нас свободны лишь два люкса, — она стерла слезы и вновь растянула губы в широченной улыбке.

— Мне подходит. И если можно, ключи сразу.

Я подписала документы, дождалась магнитные карты, один из них сразу передала Кравцову. Мы поднялись на третий этаж, охрана тут же схватилась за диван, чтобы выставить его в коридоре в качестве блокпоста, но мне было всё равно.

Распрощавшись с Олегом, я захлопнула дверь номера и припала к ней спиной, как к последней преграде между мной и этим днём. Дежурный свет отбрасывал на стены болезненно-желтые тени. Я сбросила обувь, и ботинки с глухим сту-

ком упали на паркет. Прямо в коридоре, не в силах сделать ни шага дальше, я стянула с себя разодранные на коленях джинсы, грязную толстовку. Мысленно попрощавшись с последним привезенным комплектом одежды, я босиком пошла в ванную.

Но стоило открыть дверь, как тут же уткнулась в бликующее ростовое зеркало.

— Какая, мать твою, красотища, — прошипела я, и голос сорвался на хрип. — Удивительно, что с таким лицом меня вообще впустили в это золотое стойло.

Такой я себя, кажется, с детства не помню! Я выглядела, как пережёванный солдат после неудачного боя.

Колени фиолетовые от антисептика, ладони в зеленке, на скуле синяк, цвет которого только-только набирал силу. А подбородок... Он и вовсе напоминал товарный штрихкод. Корнеев, пытаясь защитить, протащил меня мордой по асфальту и попытался утопить в сугробе, накрыв всей своей тушей!

Если в таком виде меня увидят родители, то начнётся ад. Хотя, если честно, у меня есть ощущение, что я уже давно там нахожусь.

Вместо ванны пришлось довольствоваться душем. Закутавшись в огромный халат, я отправилась изучать довольно просторный номер.

Окна выходили на клинику, я бегло осмотрела полыхаю-

щую вывеску, прошла по фасаду, терзая себя мыслью, что, по-хорошему, я должна быть не тут, а там, под дверью процедурной, где зашивали его разодранную плоть. А ведь он порвал себя сам, идя на поводу взорвавшейся ярости... Но я эту вспышку не отвергла.

Гребаный Гордеев! Чтоб тебе даже в наркозе икалось! И пони... Пусть тебе снятся противные розовые пони!

Усмехнулась собственным мыслям. Запоздало услышав трель телефонного звонка, сделала усилие и притащила сумки, нашла свой мобильник. Только бы не родители... Но звонивший оказался куда более неожиданным.

Герольд?

Сердце забилося, я даже опустилась на кровать, стиснув бутылёк зеленки так, что кожа запульсировала.

— Алло, — спокойно произнесла я и судорожно начала искать пульт от телевизора, чтобы иметь хоть какое-то звуковое сопровождение.

— Ива, привет... Я думал, что ты не возьмешь трубку, — как-то пугающе мягко произнёс Герольд.

— А с чего мне не брать трубку? — я рассмеялась, пытаюсь замаскировать звенящую злость в голосе.

— Ну... После того вечера.

— Герольд, да брось! — я хохотнула и начала листать меню бара. — Это просто бизнес. И ты, и я это понимаем. Ты нашёл себе подходящего союзника, так что ноль осуждения... Газ и нефть — подружки вовек. Всё верно? Ты же не

думал, что я буду лить слёзы? Ты, Герольд, не герой моего романа...

Хоть внутри все и покрылось льдом, но вот голос я держала уверенно, бойко, даже удалось показать легкость.

— Я рад, что ты к этому так относишься...

Герольд явно был растерян, не ожидал такого поворота. А мне осталось только гадать, что именно он хотел услышать? Слёзы? Обвинения? Истерику? Не дождётся, погань...

— Утром отец сообщил, что у нас произошёл сбой, и вам отгрузили бракованный товар, — с напряжением в голосе выдал он. — Это просто неслыханная халатность! Ива, я со всем разберусь. Ты уж там успокой моего братца. А то он трубку не берет... Очевидно, рвёт и мечет?

Герольд затрепыхался, но так неискренне, показушно, что ли? А ещё я поймала себя на том, что даже в мыслях не могу назвать его Гордеевым. После устроенной на балу показательной порки он стал для меня просто придурком со странным именем... И ещё более странно то, что через несколько дней я заберу его фамилию!

— Да нет, с чего ему рвать и метать? — я выдавила из себя смешок. — Герольд, я немного не поняла цели твоего звонка. Это деловой звонок или так, потрепаться по-родственному?

Я нарочно поднимала градус общения, потому что переговоры меня научили одному священному правилу — нельзя врага держать на одной эмоциональной ноте, нельзя давать

ему пребывать в зоне комфорта. Вот и мой собеседник не ожидал подобного вопроса и уже поплыл.

— Ива, я просто хотел предостеречь тебя...

— От чего? От ошибки брака не по любви? — я рассмеялась и упала на кровать, рассматривая ободранные колени. — Герольд, мы рождены от этих браков, мы выросли на этих торжествах. Так чем один союз и слияние активов отличается от другого? Не нагнетай понапрасну. Сам знаешь, когда тебя кидает один поставщик, ты не закрываешь дело, а ищешь другого. Вот и всё... Проще к проблемам нужно относиться.

Я нарочно заложила второй смысл, чтобы и ему было о чем подумать на досуге. Думается мне, что малышка Огнева тоже не очень рада выбранному кандидату.

— Ива, Герман никогда не станет «вороном». Его участь — сидеть за моей спиной и соглашаться со всем, что ему скажут. Он — младший!

Да-да... Именно поэтому он тебя послушал, именно поэтому он тебя унизил при всех «воронах», а ты это проглотил... Именно поэтому рядом с ним мне кажется, что он куда более достоин считаться наследником вашего отца.

— И что же ты предлагаешь?

— Я уверен, что у вас ничего не было...

— Стоп... Герольд, а вот тут стоп! Свою сексуальную жизнь я не обсуждаю даже с подругами после трёх бутылок просекко.

— Ива, прости... Я просто предлагаю тебе помощь в улаживании этого... недоразумения, — Герольд заговорил, как мартовский кот, обхаживающий самку перед случкой. — Я предлагаю тебе посредничество. Уверен, все с пониманием отнесутся к твоей эмоциональной выходке... Ты — женщина огненная, мы все тебя прекрасно знаем.

— Ближе к делу, — проглотила его неуместный комплимент.

— Я предлагаю тебе рассмотреть кандидатуру Баринова...

— Альбрэда? — хихикнула я, нарочно вспомнив его детскую кличку. Серёга бы за такое нос сломал, а этот ферзь гордился... Альбрэд.

— Альберта, — холодно поправил меня Герольд.

— Герольд, спасибо тебе за тревогу и заботу о моей судьбинushке. Но ты не думаешь, что как-то запоздало ты этим озаботился? Лично я была бы тебе благодарна, расскажи ты о смене своего решения до бала, до того, как я напялила эту идиотскую алую ленту, — голос зазвенел, и я уже еле сдерживалась.

— Ива, ты сама говорила, это просто бизнес. Считай, что я хочу отплатить тебе за неудобство этим выгодным предложением.

— Герольд, — зашептала я. — Неужели ты думаешь, я всерьёз отнесусь к твоим словам? Разве по нашим правилам претендент не должен сам договариваться о союзе? Или ты

считаешь, его робость станет плюсом? А может, вы уже про-
бовали, но мой отец отверг этот союз?

— Мы с тобой ни о чем не договариваемся. Просто пища
для размышлений, Ива... Сорока принесла, что ваши бабуш-
ки весьма активно взялись за организацию свадьбы? И я тебе
настоятельно советую задуматься над тем, что я сказал. Ива,
ты можешь стать женой старшего, вместо того, чтобы отсве-
чивать во втором ряду! Неужели ты не достойна большего?

Герольд зашёл с козырей! Лупанул по амбициям, говнюк!
И внутри дрогнуло что-то тёмное, согласное...

Естественно, каждая женщина считает, что она всегда и
во всем достойна большего, лучшего! Но что... Что делать,
если от этих слов внутри закрутилось что-то бунтующее, со-
противляющееся... Это чувство, как необъезженная кобыла,
начало фыркать и рыть копытами почву.

Да, возможно, я иду против самой сути «воронов» ... Ведь
как ни крути, но Герольд прав. Одно дело — сидеть за столом
и иметь право голоса, а другое дело — занимать роль деся-
той скрипки симфонического. Делу моей семьи это точно не
пойдёт на пользу, во всяком случае, на короткой дистанции.

Но что делать с этой упрямой кобылицей, что лупит по
сердцу, требуя положить трубку? Порой настоящего вожака
выдает не его место, а полный ярости и жажды взгляд... Вот
у Германа глаза горели, а у Герольда давно потухли, потому
что место его было predetermined рождением, а не заслу-
гами.

— Ива, если бы не слово отца... Всё было бы иначе, — вдруг зашептал он, и в его голосе появились фальшивые, театральные нотки сожаления. Что за мыльную оперу он тут развёл?

«Ничего личного — просто бизнес!» — вот эта линия поведения мне нравилась куда больше. Она честнее, за подобного рода волевое решение можно уважать. Но вот этот отчаянный шепот, полный жара и сожаления — увольте. Пусть своей мышке Огневой лапшу на уши вешает.

— Кабы бабушка была дедушкой, — не выдержала я и расхохоталась. — Ладно, я даю слово подумать о твоих словах. Уже поздно...

Мы оба сделали вид, что мои слова были о времени, а не о том, что он запоздал с извинениями и попыткой разорвать свадьбу младшего брата.

— Так и всё же, где Герман? — вдруг встрепенулся живо-заботливый старший братец. — А сами вы где? Я сегодня заезжал к вам домой, чтобы лично вручить приглашение на свадьбу, так меня бабушка дальше порога не пустила. Со всем из ума выжила...

— Мы гостим у Бесадзе, — брякнула я, не сумев быстро найти правильного ответа. — Всего доброго, будущий родственничек.

Я поспешила отбить вызов и ещё долго пялилась на телефон, до сих пор не веря, что все услышанное — правда. Сначала они устроили диверсию на комбинате, а теперь пытаются

ся дать иллюзию выбора?

Но, к сожалению, кто был прав, покажет лишь время...

Вспомнив, что кроме завтрака я ничего не успела пере-
хватить, потянулась к телефону и заказала себе ужин. И к
моменту, когда я заканчивала обрабатывать колени, в дверь
постучали.

— Входите! — я подула на зелёные кляксы и едва успела
запахнуть халат, как услышала слишком тяжелые для персо-
нала шаги.

Эти удары сопровождались скрипом тележки, я даже уло-
вила аромат пасты с морепродуктами... Но вот резкость ша-
гов меня смутила.

Тревога подтолкнула меня вперёд, я выскочила из спаль-
ни, буквально впечатываясь в невесть откуда взявшуюся
крепкую мужскую грудь...

Мне хватило миллисекунды!

Температура тела, ритм дыхания. Запах... Всё не то!

И внутри заскулила сирена паники!

Это был не он...

Глава 10

— Корнеев? — из горла вырвался визг, и я, не думая, зарядила обеими руками ему в грудь. — Какого чёрта! Я перепугалась!

Корнеев то ли не ожидал моей бурной реакции, то ли и сам запоздало осознал, что вошёл в комнату, хотя это категорически запрещено, независимо от обстоятельств.

— Ива Давидовна, я не хотел вас пугать! — голос Славы задрожал нотками паники, он было рванул ко мне, но я отшатнулась, плотно затягивая пояс халата.

— Корней! Да что с тобой происходит? — я схватила его за руку и повела к дверям, буквально выталкивая из номера. — Утром задавал странные вопросы, днём меня чуть в сугробе не утопил, вечером решил до инфаркта довести? Я же перепугалась!

— Парни ещё не все прибыли из больницы, мы на ужин ходим партиями... — поспешил уточнить Слава. — Ива Давидовна! Мне так жаль! Простите меня, я даже не знаю, что на меня нашло!

— А я знаю, Корнеев! Знаю! — зашипела я и было схватилась за дверную ручку, но решила не устраивать в коридоре сцену. — Ты не доверяешь команде, с которой работаешь. Ты смотришь на меня, как на зверька, угодившего в капкан. Не сводишь глаз, следишь за каждым шагом даже в доме, где

мне ничего не угрожает. Но в номер-то ты какого лешего вошёл?

— Я просто не пустил персонал, сам решил принести ужин и извиниться, — Слава опустил голову, полностью принимая всю силу моего негодования.

— Ну что, ты правил не знаешь? Нужно было подать голос, оставить тележку у входа, а не щемиться к спальне! — меня от злости буквально колотило. И дело не в том, что Корнеев увидел меня в халате, а в том, что за один день он нарушил слишком много правил! Нет, его самого я не боялась... Я просто не понимала, что именно дестабилизирует моего верного Корнея!

— Вы правы! Я просто... Я не был готов, что всё изменится так резко.

— Слава, ты меня тоже прости. Наверное, это было плохой идеей просить Германа взять тебя на работу. Но тут без вариантов, понимаешь? Ты либо вливаешься в коллектив, либо возвращаешься на службу к отцу.

Слава Корнеев... Он был не обычным наёмником. Я его знаю с самого детства! Его отец долго работал водителем моего отца, пока не погиб в автокатастрофе, причем не на службе, а по пути на дачу. И тогда папа взял на обеспечение всю семью своего преданного водителя. Славка отучился в спортивной школе, ему пророчили хорошее будущее, но сразу после армии он пришёл проситься на работу в нашу семью.

Мне тогда было лет двенадцать, наверное, вот его и при-

ставили нянкой ко мне. Слава не был типичным «вышибалой». Симпатичный, сухой, поджарый, но зато быстрый и сообразительный. У нас никогда не было конфликтов, я если и сбегала из дома, то Корнеев знал, где меня искать... Вернее, он всегда дежурил за углом, готовый защитить, увезти, спасти.

Оттого сейчас мне было противно от самой себя... Обидные слова срывались с языка, возвращаясь чувством стыда.

— Я подстроюсь, — выдал Корнеев и, не поднимая головы, обошёл меня, замерев у двери. — Ещё раз прошу прощения. Я правда не хотел, чтобы всё так получилось.

— Корней, я тебя очень люблю! И мне очень хотелось, чтобы ты и дальше меня охранял. Только давай постараемся без травм? — я попыталась свести всё в шутку, но по непробиваемому и холодному выражению лица Славы поняла, что не подействовало.

— Ива Давидовна, а вы уверены? — вдруг зашептал он, так и не решаясь поднять на меня глаза. — Вы уверены, что приняли верное решение? Меня не было на трассе, но мужики рассказали... Гордеев и его друзья — они из другого мира, понимаете? Тот день для вас стал потрясением, а для них это обычный вторник. Норма, к которой вам тоже придётся привыкать. Вы хотите так жить? Готовы к этому? Гордеев не отдаст за вас жизнь... Для него вы просто ставка в большой игре, не более чем выгодный союз. Вы же ничего о нём не знаете!

— Корнеев, а вот это уже перебор, — я растерла лоб, пытаясь сконцентрироваться и не заорать...

Второй нотации за один вечер я точно не выдержу! Это что за ретроградный меркурий толкает всех прочесть мне лекцию и объяснить, кого мне выбирать?

— Давай так, я приму твои слова за заботу и стресс от новой обстановки. Я закрою глаза на твой тон и осуждение. Прощу даже утреннюю уборку придомовой территории моим лицом. Но ты, Корнеев, больше не будешь лезть в мою личную жизнь. Я открою тебе секрет, но охрана не обязана отдавать жизнь за своих работодателей... Ваша задача не в самопожертвовании, а в том, чтобы выкарабкаться и спасти нас двоих...

— Но я готов отдать за вас свою жизнь, — перебил он меня.

— Спасибо говорить не буду, потому что это полная ерунда. Твоя работа — выжить, вызвать помощь и прикрывать, но если ты собрался умирать, то с таким настроем нам точно не по пути. Слав, мы с тобой почти пятнадцать лет... Но теперь твой работодатель — Герман Георгиевич Гордеев. И ты будешь подчиняться ему и Олегу Кравцову. Других вариантов нет. И особых предпочтений от меня ждать не стоит. Слава, я приму любое твоё решение...

Корнеев открыл дверь, но выходить не торопился. Он стоял, понунив голову, и явно подбирал слова. Я слышала, как он тяжело дышит, как его мучают сомнения...

— Слава, я прошу тебя, как только вернёмся в город, возвращайся к отцу. Тебе там будет спокойнее, а я не буду страдать от мук совести.

— Нет, — вдруг резко выдавил Корней. — Вы правы, охрана не обязана отдавать свою жизнь за вас... Но я отдам её молча. И никуда я не уйду! Поверьте, я подстроюсь!

— Хорошо, Слава, — я аккуратно потрепала его по плечу, не в силах бороться с его упрямством. — Иди... Вас устроили на ночь?

— Да, спасибо, — Слава кивнул и поспешил выйти, но сделав всего один шаг, он инстинктивно отшатнулся.

И я, выглядывая из-за двери, уже прекрасно понимала, кого и что обнаружу... А увидела я Гордеева!

Он стоял, припав к дверям номера напротив, внимательно следил за разворачивающимися событиями. Плечи расслаблены, голова слегка наклонена, а носком туфли он отстукивал тревожный ритм по глянцевому дереву пола.

Но его взгляд не сулил ничего хорошего. Ни мне, ни Корнею... Я уже видела эти пустые, полные вечной мерзлоты глаза! Видела надвигающийся туман, полный скрытых желаний...

Я всего на миг посмотрела на эту ситуацию со стороны, и по позвоночнику побежали мурашки: поздний вечер, я в халате, Корнеев, выходящий из номера. Это похлеще, чем липкий намёк медсестры, от которого я вспыхнула как свечка!

— Доброй ночи, Ива Давидовна, — сухо произнёс Слава

и вышел, но перед тем, как уйти, он решительно двинул на Гордеева, останавливаясь всего в одном шаге. — Герман Георгиевич, я был неправ. Приношу свои извинения и заверения, что впредь такого не повторится.

— Не по-вто-рит-ся... — по слогам протянул Гордеев, не поднимая головы.

Все, на что он был сейчас способен — коротко кивнуть в знак того, что сказанное принято к сведению, а теперь тот свободен.

Но что-то мне подсказывало, что это ложь!

— Доброй ночи, Герман Георгиевич, — фыркнула я и со всей дури толкнула дверь, наслаждаясь сокрушительным хлопком.

Я неслась по номеру, не щадя пяток. Вколачивала их сначала в паркет гостиной, в мягкость ковролина спальни, а потом запрыгнула на кровать, придвинула тележку и, включив телевизор, приготовилась ужинать.

— Слава Богу, — шепнула я, заметив бутылку вина, пробка которой была чуть сдернута, чтобы было проще достать.

Но эта зараза не поддавалась, и тогда я впилась в неё зубами и потянула. Справившись, я наполнила бокал и воткнула вилку в ещё теплую пасту, но тут по номеру загромыхали шаги... Тяжелые, уверенные, не скрывающие своего присутствия.

И вот тут я зависла, так и не вложив вилку в рот, потому что поймала себя на мысли... Что мне совершенно не страш-

но. По телу не побежал мороз, меня не бросило в паничку, я даже не шелохнулась, игнорируя тепло, пульсирующее в самом низу живота.

Из тени тусклого дежурного освещения показалась фигура Гордеева. Он замер у дивана, перекатился с пятки на носок, словно окончательно принимая для себя какое-то очень важное решение. А после...

Он просто начал раздеваться! На подлокотник полетело его пальто, следом пиджак, а когда тишину вспороли щелчки запонок, а его пальцы заскакали по пуговицам чёрной шелковой рубашки, я с трудом пришла в себя... Этот мужчина явно мастерски наводил морок на женщин, и я не оказалась исключением.

— Гордеев, я стриптиз не заказывала. Или в этом замечательном отеле все включено? Берёшь люкс, а приятное времяпрепровождение в подарок? — цыкнула, стараясь не пялиться... Но глаза не слушались! Сначала просто проскользила по его торсу, бегло выхватывая ранее незамеченные шрамы, после задержалась на свежей повязке. Слой бинтов снова стал толстым, кое-где виднелись капельки крови.

— Расплатишься при выселении, — зарычал он и прямоком отправился в ванную, забыв спросить у меня разрешения.

— Гордеев, я чего-то не поняла... В твоём номере отключили горячую воду? — воскликнула я и вскочила на кровать, правда, колени тут же запротестовали яркой вспышкой боли,

и я зашипела. — Если мне память не изменяет, то я забронировала два номера. Если у них тут такой сервис, то тебя там должна ждать знойная стриптизёрша...

— Пожалуй, откажусь. Мне и тебя в халате достаточно, — Герман цедил, даже не пытаясь скрыть злость.

Дверь он будто нарочно не стал закрывать, поэтому я видела, как он стоит, упершись руками в каменную столешницу раковины. Голова тяжело опущена, мощная грудь рывками раздувается, полосуюя зеркало облачками пекучего пара выдыхов... Он словно пытался успокоить клокочущую внутри бурю.

Ну нет, товарищ... Так дело не пойдёт! Ничего такого я не сделала...

— У тебя есть свой номер! — упрямо шипела я.

— Там кровать сломана, — и вдруг его напряжение растворилось... Он легко вскинул голову, встречаясь со мной взглядом в отражении зеркала. Мне на миг даже показалось, что он улыбается! — А мне доктор сказал выспаться.

— Сломана? — я хрипло рассмеялась, соскочила с кровати и, заткнув стыд, обыскала карманы его пальто. А найдя трофей в виде ключ-карты, выскочила в коридор.

Пролетела мимо охраны, расположившейся на диванчике, пикнула замком и вбежала в номер Гордеева. Но стоило мне войти в спальню, как от моей прыти не стало и следа...

— И правда сломана, — прошептала я, давясь едким, почти истеричным смехом. — А как ей не быть сломанной, ес-

ли он её раскурочил? Он расчленил её, как самый жестокий маньяк!

Бегло осмотрела то, что осталось от красивой кровати... Изголовье теперь было отдельно, матрас свисал с бортов, этот мавр разломал даже пару ламелей для верности своего коварного плана.

— Жук! — прошипела и развернулась.

Заметив меня, охрана отвернулась, но я застыла за их спинами и протянула руку:

— Я так понимаю, у вас есть второй ключ от моего номера? Кравцов вас подготовил на всякий случай, да? — шикнула и потрясла ладонью. — Сюда! Быстро! Иначе я не усну...

Один из здоровяков, не поднимая головы, вложил дубль карты, и только тогда я со спокойной душой скрылась в номере, предварительно заперев её на специальный фиксатор. Третьего прихода гостей я не выдержу!

Герман встретил меня, уже расположившись на моей кровати, в одних трусах, и поедающим мой ужин. Телевизор бубнил футбольным матчем, но он даже не смотрел в экран, ловко накручивая спагетти на вилку и запивая всё это моим вином.

— Гордеев, ты на обезболивающем, тебе нельзя пить! — я отобрала бокал и плюхнулась рядом.

— Ох уж этот брак... Сплошные ограничения, условности и тотальный контроль. Да, Ива? — он дернулся и царапнул по мне взглядом, словно это он говорил не про себя, а про

меня!

Это он что... На Корнева намекает?

— Если тебе есть что спросить, то мне есть что ответить, — я отобрала вилку, и пока этот голодающий из Поволжья не уничтожил мой ужин, оттяпала приличную порцию, которая еле-еле вошла в рот.

— Вот это да... — с фальшивым восторгом протянул Гордеев, даже не пытаясь скрыть похабности своего намёка. — Это я про аппетит, если что.

— Ага... Я так и подумала, — я застонала от удовольствия, сделала глоток вина и откинулась на кровать.

Но лучше бы я этого не делала... Герман проскользил по моим открывшимся в халате ногам, по зеленым коленкам и тихо захрипел. А после... Он отдернул полы халата, почти полностью обнажая меня, и резко вскинул голову.

— Ты что... Голая?

— Ага, — я не стала вестись на его провокацию, стойко вынеся лютый взгляд, а после медленно вернула халат на место. — У тебя вопросы какие-то?

— Нет! — зашипел он, медленно, будто бы через силу отводя взгляд.

— Тогда будь добр, больше не обнажай меня без веских причин.

— Что я там не видел? Или я должен уточнить весь перечень веских причин, чтобы раздеть тебя? — прошептал Гордеев, но я-то слышала, как изменился его голос. — Отправь

все на электронную почту... Обсужу с юристом сразу после брачного контракта твоего отца.

— Может, ты всё и видел, но стояк — плохой компаньон для ужина. Пожалей пищеварение, — захихикала я и потянулась к телефону. — Доброй ночи, номер триста одиннадцать. Чай зеленый, салат цезарь и ведро фисташкового мороженого.

— Боже, какая забота!

— Остудись, жених...

Я снова припала к бокалу, а после потянулась к пульту, но реакция Германа вызвала шок... Он словно только и ждал малейшего неверного движения, и ловко перехватил мою руку!

С поразительной нежностью меня отбросило на спину, его хват был резким, но кожу не ошпарило болью. Герман пригвоздил меня к кровати, фиксируя так, чтобы без суеты и сопротивления посмотреть в глаза...

И я тоже совершила ошибку! Вдох, и легкие обожгло уже знакомым купажом ароматов леса, свежести и тонкой, манящей сладости. Голова закружилась, напряжение превратилось в ласковую ленточку, медленно скользящую по крови...

Гордеев явно пытался перехватить инициативу, но проигравших в этой партии оказалось двое. Серость в глазах полыхнула ядовитыми зелёными бликами, превращая зрачок в крошечную точку.

Ох уж эти гостиничные халаты, в которые можно завер-

нута мамонта. Да и на чем держаться-то? Грудь у меня среднестатистическая, ничего выдающегося, поэтому глаза Гордеева прилипли к открывшемуся декольте... И краски на его лице стало ещё меньше. Очевидно, кровь ушла вся куда-то вниз.

— Герман-Герман, как недалёковидно. Два шага, и два проигрыша, — подалась вперед и зашептала, едва касаясь губами его уха. — Ну как? Не жмёт?

Герман прищурился, губы дрогнули в ухмылке... Он, так и не проронив ни слова, просто отвернулся и продолжил уничтожать мою пасту, победно сжимая в руках пульт от телевизора.

Вот гад... Ничего его не берёт!

На языке крутились вопросы, но ничего так и не сорвалось. Если уж Гордеев не спрашивает про Славу, то мне напоминать про медсестёр совершенно глупо и недостойно.

Через несколько минут в дверь постучали, но мне и пошевелиться не дали. Герман сам поднялся и отправился встречать сервис. Когда он вернулся, я готова была смотреть куда угодно, но только не на его натянувшиеся боксеры.

Боже, зачем я его провоцирую? А для чего он провоцирует мои провокации? Сам виноват!

Герман расставил все на столе, чуть сдвинул его, будто бы приглашая присоединиться, а я не стала упрямыться, налетела на салат с хрустящими гренками.

— Есть что сказать? — насытившись, Гордеев устало по-

вел плечами, будто бы проверяя действие обезболивающего.

— Есть...

— Тогда говори, — лениво протянул он, откидываясь на спину.

— Зачем ты сломал кровать?

— Я? Она сама... Не вынесла приступа ревности. Ведь именно так ты подумала? — усмехнулся он и снова щелкнул пультом.

— Именно так и подумала. А ещё я подумала, что ты пожалел, что разрешил мне заказать два номера.

— Именно так я и сделал, — Герман вырвал из моих рук бокал, сделал небольшой глоток и начал ползти к изголовью, устраиваясь под одеялом. — А ещё я вспомнил, что до сих пор не знаю номера твоего телефона. Голой видел, а номера нет.

— Гордеев, ну тебе же к такому раскладу не привыкать? Скольких девушек ты видел голыми, и сколько номеров взял? Готова поспорить, что меньше десятка. К тому же... Чего ты там не видел, да? — я рассмеялась и выкатила тележку из спальни, после прикрыла раздвижные двери. Но лишь подойдя к своей половине кровати, я чуть притормозила. — Иди за вторым одеялом!

— Ещё чего? — он вскинул бровь и нежно оттянул уголок с моей стороны кровати. — Давай-давай... Ни я, ни он не кусаемся. А бабушка учила, что нормальный мужик в любом состоянии должен приползать домой, хоть на бровях, но

домой! Как видишь, я пришёл... Всё как бабуля завещала. Кстати, ещё она говорила, что спать муж и жена должны под одним одеялом!

— А ещё бабушка наверняка говорила, что правда всегда лучше, чем обман. Ты что, опять хочешь сорвать швы? Какого хрена ты раскурочил кровать? — я все же легла, смирившись с тем, что придется спать в этом грубом и огромном куске махровой ткани. — Мог просто сказать, что слишком мной очарован и больше не желаешь спать отдельно.

— Именно так всё и было, — Герман уже по привычке поднял левую руку. А я, отбросив никому не нужное смущение, поднырнула, упираясь головой ему в грудь. Сдернула крышку с мороженого и зачерпнула ложкой подтаявшую жижу.

— Вообще, я не истеричка, — зачем-то сказала я, словно обязана была оправдать себя.

— Не рассчитывай, что я скажу, что вообще я не против, чтобы мою женщину кидали в снег при любом громком звуке! — я почувствовала, как он напрягся, отчего начал с сумасшедшей скоростью листать каналы. — И не жди, что я буду спокойно реагировать на то, что ты была в одном халате!

— И что? Изнасилуешь?

— Боже, что за грязные мыслишки в твоей прелестной головушке? Сама отдашься...

— Ой, Гордеев, твои липкие шуточки оставь для тех, кто тебя там обслуживал.

— Для Барина, что ли? — усмехнулся он и подался вперед, открывая рот... И мне пришлось поделиться мороженым.

— Никогда не любила фисташковое, — шепнула и облизала ложку, собирая сладкую нежность с легким ореховым послевкусием.

— А я никогда им не делился ни с кем, — усмехнулся Герман, быстро пробежав пальцами по моим волосам. — Обмен сокровенным состоялся? Теперь давай, рассказывай, что там тебя мучит.

— С чего ты взял, что меня что-то мучит?

— Ты когда думаешь, постоянно касаешься уха, а если тебя что-то тревожит, то смыкаешь брови, и на переносице проявляется морщинка, — Гордеев оказался проворнее и перехватил мою дозу мороженого. — Давай-давай... Колись, Ива.

— Мне звонил Герольд...

— Приплыли, — от его спокойствия не осталось и следа. — И что?

— Ну, он в красках рассказал, что женщине моего ранга не подобает сидеть на вторых ролях, и любезно предоставил мне альтернативу тебе. Он даже уточнил, что пока мы с тобой не слились в едином порыве развязной страсти, то все можно отмотать, — в пересказе наш разговор с Герольдом, и правда, показался каким-то комичным.

— Ну вот, а все думают, что Герольд идиот. Нет же, он

прекрасно понимает, что после секса, Майер, ты уже никуда не денешься, — расхохотался Гордеев. — И кто же этот счастливчик?

— Гордеев, самопрезентация на словах — это удел рекламщиков, не утруждайся, — я тоже рассмеялась. — Барина он мне предлагал.

— Надеюсь, не Сергея? — Герман снова нагнулся и перехватил внеочередную порцию мороженого.

— Насчёт Серёжи я бы подумала, — я прыснула смехом и подхватила бокал, допив вино до дна. — Но нет... Альбрэд.

— Ай да Альбрэдик, ну и сукин сын. А вообще, у них подозрительно трогательная дружба. Сватают друг друга... И как? Ты его послала?

— Я обещала подумать. А вообще, мне показалось, что он больше озаботился тем, что не застал нас дома. Кстати, он лично явился, чтобы передать приглашение на свадьбу.

— Приглашение? Их ещё кто-то отправляет? Если на открытке не будет белых лебедей и колец, то я клянусь, пропущу это торжество, — не унимался Герман, откровенно веселясь от того, что ещё недавно меня жутко напрягало.

— А я схожу. Ни за что не пропущу, как малышка Огнева осознает, кому её отдал любящий батюшка!

— Ладно, вместе пойдём, тоже хочу поржать. Итак, значит, он приехал в квартиру?

— Ну, раз ему открыла бабушка, то очевидно. А что? У тебя есть другой дом? — я чуть дернула головой, невольно

скользя щекой по мягким волоскам на груди... Пальцы задрожали, подушечки вспыхнули, но сдержалась, сомкнув их в кулак.

— Дом, но поверь, он ещё более пустой, чем квартира, — Герман улыбнулся, явно уловив моё замешательство. И почему от его оскала меня не бросает в дрожь, а когда он просто... слишком мягко улыбается, позвоночник парализует?

А ведь он, и правда, непробиваем. Пришёл, понимая, что просто не будет... Но держится, потому что дал слово! Отлитый из стали комок нервов, с которым уже ничего не сделать. Либо принять, либо всю жизнь бороться.

— Всё, я спать, — захрипела неожиданно пропавшим голосом. Нервно сглотнула и заёрзала, выбираясь из клетки его уютных объятий. — Мне утром нужно по магазинам пробежаться. Я не думала, что мы задержимся, и у меня больше не осталось целой одежды, — суетливо вручила Герману мороженое, выключила прикроватную лампу и повернулась на левый бок, наивно выстраивая преграду между нами из скомканного одеяла.

Слышала, как он отбросил ведро, как выключил свет со своей стороны, как скатился с изголовья, устраиваясь на подушке. Тишину разбивали его резкие выдохи, кажущиеся далеким грохотом грома.

— Я не знаю, как правильно, — его голос прозвучал в темноте непривычно глухо, будто он говорил не мне, а в пустоту. — Я вообще не умею правильно. Для меня правильно —

это по контракту, в срок, по пунктам... Не успел – получил штраф или в морду. Вот моё понимание правильного, Ива! Поэтому не жди от меня ничего нормального...

— Герман, я сейчас немного пьяна и могу подумать страшное... — я улыбнулась и поёрзала, пытаюсь сделать так, чтобы жесткий пояс халата не давил на рёбра, которым сегодня тоже досталось при падении.

— Я, блядь, не умею вот это всё – говорить по душам, выражать свои эмоции словами! Я не знаю, как выразить... — голос Германа стал звонче лопающийся струны. — Своё негодование, Ива! Вот точно! Я, блядь, лежу и негодую...

— Почему? — я замерла, не решаясь и шелохнуться.

— Потому что я не напомаженный пижон, с которыми ты привыкла общаться! Я не мой брат, не Альбрэд... Я другой, Ива! Пока онидохнут от хаоса, я в нём спокойно живу. И в нём если и есть устав, то понятийный, полный моей справедливости, — сквозь зубы процедил Гордеев, и его пальцы сомкнулись в кулак, звонко хрустнув суставами. — Что я видел? Ты, он, запертая дверь... И по моему «правильному» я должен был действовать! Это угроза, посягательство, несанкционированное вторжение! И я... уничтожал и за меньшее! Так меня учили выживать в системе жёсткой конкуренции, где ничего не даётся просто так. Я должен действовать... Тело рвётся в бой, а внутри стопор срабатывает. Наши с тобой «правильно» никогда не совпадут.

Он замолчал, закрыл глаза, и, кажется, притихло даже моё

сердце.

— Потом ты смотришь на меня такими глазами... Словно я — чудовище и монстр! А я не умею быть другим, я такой, Ива... Поэтому все, кто пытается тебя отговорить, по-своему правы. Ты никогда не услышишь от меня: «мне неприятно», «это ранит»... Нет, Ива! Я раскурочу кровать, раскрошу стену, разобью хлебальник в мясо и вырву хребет... И поверь, поводом может быть всё что угодно. Вот моё «правильно»! Вот мой способ сказать «это моё — не трожь, мразь». Через боль, через кровь, через разруху... Я не хочу возвращаться домой и видеть тебя голую с охранником! Теперь ясно?

Смех застрял в горле... И я заперла его, похоронив навсегда. За этим с виду нелепым и несуразным эмоциональным выпадом пряталось куда больше, чем ревность, куда больше чувства собственности. Это была голая правда...

«Я не умею правильно...»

Но почему в его неправильном куда больше честности, чем ему кажется? Чёртов Гордеев!

— Тогда нам нужно стоп-слово, — шепнула я. — Негодую... Отличное слово.

— Сойдёт...

— Я тоже не хочу слышать, что тебя собираются обслуживать, — набрала полную грудь воздуха и снова дёрнулась, пытаюсь улечься удобно.

— Это другое... Я не могу отвечать за других. А ты должна отвечать за себя! Я пришёл домой, понимаешь... — вы-

дохнул он, словно в этих словах было какое-то сакральное откровение. — Домой... Пусть и обманом, но я пришёл!

— Корнеев хотел извиниться, и всё, — я психанула и начала развязывать пояс халата, из-за которого не смогу уснуть.

— Да сними ты его! Больно смотреть, как ты елозишь. Ива, даже если я взорвусь от стояка, то не трону. Сколько раз повторить? — рявкнул Герман и вдруг наклонился. Но перед тем, как коснуться моего халата, он выключил телевизор. Номер утонул в мягкой темноте, рассекаемой лишь городской иллюминацией.

— Я попросила Корнеева вернуться на службу к отцу, — я сняла халат, бросила его на кресло и рухнула на живот, поворачивая голову к Герману.

— Готов поспорить, ты получила отказ, — он смотрел в потолок, забросив левую руку на голову.

— Ну, ты же сам всё слышал. Герман, Слава охранял меня с двенадцати лет. Он ходил за мной по пятам, пока я играла в футбол, пробовала себя в художественной гимнастике, карате, балете... Ему просто сложно перестроиться.

— Балет и карате – это сильно.

— И я тоже не знаю, как себя с тобой вести, Гордеев.

Ну, как не знаю... Головой и мыслями я, может, и не понимаю, но вот тело! Я снова провалилась в сегодняшний день перед выходкой Корнеева и отчетливо помнила, что тело само потянулось к Гордееву! Оно искало защиты не по инер-

ции, а инстинктом... Помня тепло и силу его рук.

— Да води себя как хочешь, Ива. Ходи голой, истери, устраивай провокации — я в своей выдержке уверен. Но есть два условия... Всегда возвращайся домой и не открывай дверь в полуголом виде, — выдохнул он, а после добавил тихо-тихо. — Я не делюсь своим мороженым...

— Но я и не мороженое! — губы изогнулись в улыбке.

— Значит, тобой я не делюсь тоже, — Герман перевернулся на живот, с шумным, раздражённым движением сунул руку под подушку и закрыл глаза. Веки его плотно сомкнулись, словно он пытался запереть внутри что-то опасное. — Но если вдруг тебе понадобится секс...

— Заткнись, Гордеев! — расхохоталась я, но от этого невыносимого засранца все же отвернулась. — Когда припрёт, я отобью тебе пригласительную телеграмму.

— Когда тебя припрет, у меня всё отсохнет.

— Я слышала, Баринов талантливый пластический хирург, — я выдохнула смех в подушку и ощутила, как вся кровать, а с ней и всё мое тело, вздрогнули от его резкого движения.

Не было больше слов... Потому что это против природы Гордеева. Было порывистое, неоспоримое действие. Герман снова перекатился на бок, одним точным движением укутал меня в кокон одеяла, утверждая границу принадлежавшей ему территории. Затем на меня обрушилась знакомая тяжесть его ноги. И в завершение завоевательного похода Гер-

ман нырнул левой рукой под мою подушку, обхватил стальным обручем шею. Он притянул к себе так близко, что даже одеяло не смягчало толчки его сердца, бьющего мне в спину. Замкнул силовым хватом, полным его тепла, необузданной энергии и пугающе знакомого запаха.

Нет, не раунд... Это безоговорочная капитуляция! Можно иметь титул вожака, дарованный родословной. А можно быть вожаком по своей сути...

Глава 11

Мы провели в больнице почти неделю. Бесадзе чокнутым вороном вился вокруг Камиллы, буквально фильтруя воздух, которым она дышала. Восстанавливалась она медленно, но не с физической точки зрения, а с моральной. В её глазах, обычно таких дерзких, теперь поселилась тихая, отстранённая печаль.

— Я не понимаю, как она держится, — шепнула я, замерев у приоткрытой двери в палату, так и не решаясь войти и потревожить их спокойствие.

Но тут произошло нечто странное... Гордеев, шедший за мной следом, вдруг шагнул вперёд, буквально прижавшись к моей спине, а после его руки опустились мне на локти, скользнули по предплечьям, обвили живот, и он обнял. Так крепко, что из груди вырвался не вздох, а стон, полный страха и облегчения.

— Я бы точно сошла с ума, если бы видела, как мой отец нажимает на курок! А она держится...

— Он её и держит, — Герман чуть пригнулся, укладывая голову мне на плечо, и слегка дернулся, указывая на Бесадзе. — Засранка — его якорь. А он... Он для неё звезду с неба сорвёт, доставит нашему ювелиру, закажет самую охренительную огранку и в зубах своей женщине притащит. Эх... Потеряли пацана. Влюбился...

— Я бы никогда не подумала, что Бесадзе может быть романтичным, а Гордеев может воздерживаться от секса неделю, — я чуть качнула головой, перекатываясь по его плечу, чтобы посмотреть в глаза.

И опять не было серости тумана... Чистая зелень и зрачки-точки.

— Или... Захаживаешь на процедуры? — я кивнула на ту самую блонди, что будто бы случайно маячила в конце коридора, нарочно выпячивая задницу каждый раз, когда наклонялась, чтобы полить цветы в кадучках.

— Дрочу, Ива... Дрочу, как юнец. Не трожь руки, мозоли взорвутся... Идём, — Герман толкнул дверь, и мы вошли в палату, нарушив покой четы Бесадзе.

Камилла сразу заметила мою сумку, и от её улыбки не осталось и следа.

— Уезжаете? — прошептала она и посмотрела на мужа, будто он мог повлиять на наше решение. — Уже?

— Засранка, я тебя очень люблю, но мы и так отложили свадьбу, — Герман подошёл к кровати и слегка приобнял Камиллу. — А я, знаешь, как хочу жениться? Ого-го как хочу!

— А вот в это я верю! — рассмеялась Ками и протянула ко мне руки. — Иди, Ива, я тебя обниму. Ты прости... Ещё утром доктор обещал меня выписать, а сейчас пришли анализы, и меня опять оставили.

— Ты держись, Ками, — я поцеловала её в макушку, прошлась по волосам и улыбнулась. — Ну что ты на этих сва-

дьябах не видела? Хочешь, мы тебе видео будем присылать? Вот Гордеев встаёт на колени, вот он целует мою руку... Вот он улыбается, как идиот.

— Хочу! Ива, я очень хочу! Особенно про колено... Гордеев, и на колени? В жизни не поверю, — восторженно хлопала в ладоши Камилла. — Я ни разу не была на свадьбах...

И вот тут Бесадзе побледнел, у него даже челюсть дернулась.

— Тимур, только не вздумай устраивать вторую свадьбу! — сразу считала его реакцию Камилла. — Мне наша свадьба очень понравилась. Вы бы слышали, как он заткнул регистраторшу... А в подарок мне преподнёс пепел магазинов моей обидчицы.

— Ага, а потом тебя Баринов штопал. Мы всё помним, — хохотнул Герман и постучал костяшкой по лбу Камиллы, где ещё виднелась полоска шрама. — Это наша Засранка так право первой брачной ночи отвоевала. Настоящая «воронеса», как говорит моя бабушка. Ладно, Бесадзе, давайте выздоравливайте, если выпишут, милости просим. И ложечки мельхиоровые не забудьте!

— Пока! — я обняла Тимура, и мы вышли из палаты, плотно закрыв дверь.

Герман забрал мою дежурную сумку, которая была в палате, где мы по очереди спали, пока несли дежурство у Камиллы, прикрывая отлучки Беса по их важным и секретным

делам. А проходя мимо сиястой медсестры, что до сих пор гнула спину, поливая фикус, я не выдержала:

— Милая, за что же вы с ним так? Вы же его утопите! Ну, оставьте бедному растению хоть один шанс на выживание.

— Идём, — Герман потянул меня к лестнице, не сумев сдержать смешок. — А у тебя с выдержкой всё ещё хуже, чем у меня. Да?

— С чего это? Как видишь, я тебя ещё не изнасиловала. И не в упрек будет сказано, но никто не умеет так ловко орудовать пальчиками, как сама женщина, — я расхохоталась, чувствуя, как вспыхнул воздух. — Так что я вполне справляюсь.

Гордеев ускорил шаг. А я и вовсе припустилась в бег, перепрыгивая через ступени, но он этого сделать не мог... Баринов хоть и снял с него повязки, но каждое движение откликалось болью.

— Готовы? — Кравцов нервничал, явно не желая оставлять Бесадзе, но на собрании было принято решение, что Олег едет с нами.

Отъезд перенесся не только из-за Камиллы, мужчины в срочном порядке меняли машины, проверяли связь, навигацию, Ястреб прислал человека, чтобы внимательно изучить искореженный лимузин на предмет маячков или слежки, а заодно перепрошить всё охрannое ПО, начиная с раций, заканчивая мобильниками. Ну и рука Германа до сих пор беспокоила Барина, поэтому он оттягивал наш отъезд, как

мог, прекрасно понимая, что только он сможет уговорить его.

Мы загрузились в новенький, пахнущий кожей лимузин, я сразу достала плед, подушку и развалилась на диване, лишь бы поскорее уснуть и не вспоминать тот день. Но сон не шёл... Я украдкой посматривала на Германа, что почти всю дорогу то трепался по телефону, то что-то с интересом изучал в ноутбуке, периодически улыбаясь.

А он в чём-то прав... Это искусственное воздержание было немного странным, нелепым... Это как обоюдная пытка пламенем.

Но вот мотивация Гордеева мне ясна на все сто процентов. Он упорно давал мне шанс одуматься, дарил пространство для манёвра! А я? А я не хотела признаваться, что с каждым днём моя решимость только крепла, превращаясь в тихое ожидание. Но признания он от меня не дожждётся точно!

Вообще, традиции «воронов» были весьма консервативны, хоть последние несколько лет на многое закрывались глаза.

Девушки не просто так надевали алые ленты... Алый – цвет крови. И дело не только в невинности невесты, это как клятва. Традиция несёт в себе сакральный смысл, ведь пролитая невестой кровь является последней кровью. После союза война между семьями просто невозможна.

Сейчас всё меняется, мир становится другим, но вот смысл остаётся. После брака Гордеевы не могут пойти про-

тив Майеров, и наоборот. А мы – гаранты этого союза.

Опять же наши традиции лишены ритуальности и жесткости контроля. Никто не заставляет девушку сразу отдаваться мужу, никто не изучает простыни после первой ночи. Тут имеет вес лишь слово мужчины, если он консумировал брак, то требовать доказательств никто не имеет права. В основе клана лежит доверие, именно оно и удерживает «воронов» вместе.

Первый и последний раз, когда был нарушен этот шаткий баланс – смерть старшей дочери Тимирязева. И закончилось это двойной трагедией и для самого Тимирязева, и для деда Бесадзе. И, думается, повторений никто не хочет. Хотя сам Тимирязев ходит по тонкой грани, одно неверное движение, и все утонет в крови, погребая и дела наших семей.

За этими мыслями я даже не поняла, когда успела уснуть. Проснулась лишь от аккуратных касаний, почувствовала аромат леса, сладость и тепло рук. Но в себя пришла от тяжелого вздоха и нотки боли, что все же прорвалась наружу.

— Гордеев, ты ополоумел? — зашипела я, не решаясь и двинуться, пока он нёс меня на руках к лифту. — Поставь! Ты хочешь, чтобы опять швы разошлись?

— В прошлый раз они разошлись не из-за тебя, — Герман и не думал останавливаться. — А из-за твоего охранника!

— Ну, тогда не рассчитывай, что я буду тебя останавливать, — я расслабилась, буквально обвисла в его объятиях. — Настоящий «ворон» должен носить свою женщину на ру-

ках, да?

— Ива, мне кажется, любой мужчина должен носить свою женщину на руках. Иначе зачем жениться?

— Но не ту, что сама тебя выбрала?

— А вдруг так ещё приятней? — Герман чуть присел, чтобы я нажала кнопку лифта.

— Значит, ты поэтому так долго думал на «совете»? Прикидывал, готов ли ты носить одну и ту же женщину на руках? Ну всё, я впечатлена, очарована, даже немного покорена твоей силой и стойкостью, а теперь можешь поставить меня на ноги.

— Да лежи уже, гордая и независимая моя, — Гордеев так закатил глаза, что мне до безумия захотелось вlepить ему пощёчину, чтобы стереть это самодовольство с его холёной морды.

За последнюю неделю мы виделись крайне редко. Он возвращался в гостиницу за полночь, я сквозь сон слышала его тихие аккуратные шаги, плеск воды из ванной, звон хрусталя графина с коньяком. Герман долго стоял у окна, смотрел на ночной город, а после бесшумно ложился в кровать...

Сценарии наших встреч были разные: быстрый совместный обед, утро за завтраком, я могла перехватить его на перевязке или бессильно проводить взглядом, когда он раньше моего пробуждения выходил из номера.

Но было и нечто стабильное: перед тем как заснуть, он оборачивал меня в кокон одеяла и своих рук, утыкался но-

сом в макушку и тяжело вздыхал, медленно проваливаясь в сон. Только так!

Он сдержал своё слово... Где бы он ни был, чем бы ни занимался, каждый раз он возвращался домой.

И я чувствовала, что за этим «возвращаться домой» стоит нечто важное, сакральное и болезненное. То, к чему меня ещё не подпустили... Но это же пока? Хочет того Гордеев или нет, но ему придется открыться мне. Ему придется показать все свои сильные и слабые стороны. Потому что... Потому что я этого очень хочу!

— Прибыли! — раздалось ещё до того, как ожили створки лифта.

Мы с Германом переглянулись, узнавая эти голоса, но отреагировать не успели... Наши бабушки застали меня на руках у Гордеева, и даже не думали скрывать своего восторга от увиденного.

— Кларисса, ты только посмотри на этих голубков! — запищала Инесса и понеслась к нам, чтобы обнять и поцеловать.

Бабушка ничего не знала и потянулась к руке Гордеева, но он стойко вынес боль, не подав и вида. Я было дёрнулась, чтобы предостеречь, но он впился пальцами мне в бёдра, дав понять, что не стоит тревожить бабушку.

— Ивушка моя! — моя бабуля тоже потянулась с поцелуями, прижалась головой к ладони, а после отступила, открывая для нас дверь квартиры.

— Ивушка... Это же не намёк, что ты в постели дерево?
— еле слышно зашептал Герман мне на ухо. И желание влечь ему пощечину ожило, пульсируя в правой ладони.

— Это намёк, что не каждый дятел, кто долбит, — шикнула я, и Гордеев зычно расхохотался, внося меня в квартиру. Он ссадил меня в кресло у входа, и я только сейчас поняла, почему он отказывался ставить меня на ноги. Я как разулась в машине, так он и нёс меня, совершенно босую.

Приветствие было бурным, старушки наперебой делились новостями, что-то расспрашивали, кидались похабными намёками... Причем обычно за это отвечала Инесса Павловна, ну тут грех обижаться, кровь от крови... Однако сегодня и моя Кларисса была полна рвения поучаствовать в обсуждении.

— Бабуленьки, я в ванную. Простите меня, мои хорошие.
— Я улизнула от них и поспешила в спальню, попутно осматривая изменившуюся за это время квартиру.

Боже, я и забыла, какая она светлая, просторная и красивая... Тут и правда изменилось буквально всё. И к этому явно приложила руку моя мама. Мамуля не просто украшала, она наполняла её моими вещами! На стенах мои картины, в прихожей появился мой любимый комод, который я пёрла из Италии лично, мои подсвечники, вазы, ковёр, бра, торшеры... Да что говорить, вся квартира превратилась в мой персональный алтарь! Почти все поверхности были заставлены моими фотографиями...

Единственное, что не подверглось изменениям — наша спальня. Мама и бабули тактично решили больше не влезать в личное пространство. И за это я была им очень благодарна. Даже покрывало осталось сбуровленным ровно так же, как я его оставила.

Я сбросила одежду, рванула к ванне, включила горячую воду и чуть ли ни сразу занырнула в неё... Боже, как же я об этом мечтала! Принимать ванну в гостиницах я не любила, но вот дома... Это был чистый кайф!

Разлеглась, утопая в пышной пене, рассматривая тяжелые снежные тучи, что снова нависли над городом.

— Ну что, я клубов ваших не видел? — донеслось из спальни, и я затаилась и выключила воду, чтобы ничего не мешало подслушивать разговор Гордеева. — Донцов, тема плейбоя уже давно не нова, не мог придумать что-то поинтересней. Нет, Ива с дороги, а я, возможно, заскочу на полчаса.

Шаги Германа стихли в районе гардеробной, но через мгновение в отражении окна я увидела... голую мужскую фигуру!

— Гордеев! Ты что, голый? — я рассмеялась, не решаясь повернуть головы. Я лежала в ванне спиной ко входу, и все происходящее могла наблюдать лишь в отражении.

— А ты нет? — сухо ответил он и прямым ходом вошёл под душ. — Давай только без этих игр в тонкую девичью душу. Гордеева, ты уже всё видела, нового ничего не выросло.

— Главное, чтобы не отвалилось, — я рассмеялась и от-

кинула голову назад, бесстыже рассматривая своего жениха вверх ногами, к тому же он был явно не против. — Не мочи повязку!

— Не мочу, — он уложил руку на ограждение из стеклянных блоков, что попутно служили источником янтарного свечения. И в этих бликах его фигура казалась и вовсе какой-то сказочной.

Я видела каждую натруженную мышцу, тени, словно нало мне, очерчивали их фактуру, подсвечивали, как перекачиваются вдоль позвоночника мускулы, как извиваются вены на сильных руках, как... как напрягается красивая твёрдая задница.

— Нравится?

— Нравится... Итак? Ты куда-то едешь?

— Мне нужно в офис на пару часов, а на обратном пути заскочу к Донцову, у него там какое-то пафосное открытие клуба, — Герман смыл пену, следом аккуратно обмыл руку, не касаясь перевязки, а после выключил воду и начал вытирать кожу. — Если хочешь, поехали со мной.

— Я уже думала, ты не пригласишь...

— Это не то заведение, куда приглашают жён. Хотя что я могу об этом знать?

— Гордеев, меня бесит, что ты такой идеальный!

— А меня бесит, что ты пытаешь вытащить из меня монстра, хотя я очень сильно сопротивляюсь! — Герман подошёл к зеркалу и принялся тщательно чистить зубы, делая

вид, что не смотрит на меня.

Но я чувствовала его взгляд! Чувствовала...

А он прав! Да, он дал мне слово, что не тронет... Да, мы договорились, что я сама зажгу зеленый свет, когда буду к этому готова. Но что делать с желанием познакомить наши сущности? Неужели он ещё не понял, что та львица, которая иногда завывает по ночам, никогда не склонит голову и не попросит ласки... И что делать с его зверем, который неожиданно возомнил себя джентльменом?

— Ты опять думаешь? — внезапно раздалось над самым ухом.

А когда я распахнула глаза, увидела Гордеева, склонившегося над ванной. Его руки уперлись в борта, а мой затылок упёрся в махровое полотенце, обёрнутое вокруг его бедер.

— Ага. Думаю, сколько могу ещё дразнить зверя, прежде чем он сорвёт эту джентльменскую бабочку, что ему совершенно не идёт, — я широко улыбнулась, а сама соскользнула по бортику ниже, утопая в пене.

— Помнится, в прошлый раз, когда бабочка джентльмена случайно спала, ты смотрела на меня, как на исчадь ада, — Герман вдруг склонился ещё ниже. — Я не забуду твой взгляд, Ива, твой ужас, когда я держал твоего Корнеева...

— А если это был не ужас? — шепнула я, едва касаясь губами кончика его носа. — Ты, Гордеев, так хочешь казаться хорошим... Хочешь показать, что ты — не Герольд, что твой зверь теряет хватку, нюх и чуйку...

— Тогда что это было? — прохрипел Герман, и его левая рука вдруг шлёпнулась о воду, разрывая облако пены...

Все слова вмиг вылетели из головы, я затряслась, когда его ладонь накрыла мою грудь... Затвердевший сосок прокатился мимо его пальцев, ухватил каплю ласки, но через мгновение его ладони уже двинулись ниже... Он скользил по животу, периодически замедляясь или тревожно возвращаясь на несколько сантиметров назад.

Мышцы пресса окаменели, да я вся превратилась в гребаный пышущий камень!

— Что это значило, Ива Гордеева? — Герман прижался губами к уху, зубы сомкнулись на мочке, перекатывая гвоздик сережки...

Я не понимала, на чём концентрироваться... Мурашки рвались то к лицу, и я пыталась уследить за скольжением языка по кромке челюсти, то ныряли вниз, где его пальцы кружили по лобку...

— Руки на борт, — шикнул Гордеев, и я, как послушный солдатик, подчинилась.

Мои дрожащие пальцы сомкнулись на мраморе ванны, расплёскивая воду, пену, я невольно потянулась за его губами, выныривая из своего укрытия. Грудь обдало холодным воздухом, а по лицу прокатился встречный жар его рваного выдоха.

— Вы скоро? — раздалось за дверью. — Ива! Мама приехала!

— О-о-о-о... Поверьте, мы очень скоро! — спокойно ответил Герман, и его ладонь властно нырнула между ног, заставляя развести бедра... Он накрыл плоть, проскользил пальцами по складкам, ныряя в жар, сотворенный им же...

— Кажется, кто-то слишком близко к сердцу принял слова про неумелые мужские пальцы? — прошептала я, отчаянно хватаясь за последнюю ниточку, соединяющую меня с реальностью.

— Тогда и ты признайся, что только и ждешь, чтобы получить приказ и сесть мне на лицо...

— Обед уже готов! Давайте скорее! — закричала Кларисса.

— Слышишь? Ускоряемся, Ива, — захрипел Гордеев и обрушился на меня поцелуем....

Его язык точь-в-точь повторял движение пальцев! Он то резко вторгался, то мягко, почти невесомо оглаживал нежную кожу, забирая остатки способностей контролировать в этот миг хоть что-то! Казалось, даже способность дышать теперь полностью подчиняется его воле! Он мог заставить заткнуться, мог велеть затаить дыхание... И я бы подчинилась! Я уже не думала... Существовал только Герман! Его вкус, его запах, его руки, выбивающие из меня последние остатки контроля.

Я не понимала, что он делает, толща горячей воды смазывала ощущения, превращая их в водоворот стихии! Кровь кипела, я отчаянно стонала, выгибалась ему навстречу, от-

вечала на поцелуй, крала его вдохи!

Но когда он буквально двумя ласковыми движениями прошелся по точке моего ада, когда он сомкнул этот комочек между пальцами и прокатился... С оттяжкой, чуть надавливая, и... новый щелчок!

Я взорвалась... Во мне буквально не осталось ничего живого! Я вскинула руки, обвивая его шею, притягивая к себе так, словно в этот момент тонула! А Гордеев не останавливался, он усилил поцелуй, скользил по нёбу, играл с шайбочкой пирсинга, продолжая пытаться меня своей томной лаской... Он собирал спазмы, бьющие по телу конвульсии, он забирал то, что несло какую-то сокрушительную силу!

— Берёшь свои слова обратно? — шептал он, а я не могла оторваться от его глаз, что сейчас были зелеными-зелеными, как молодая весенняя трава. — Кажется, я прекрасно знаю, как усмирить твои потребности... И это только пальцы!

— Гордеев... — обессилев, простонала я... Но Герману этого было мало! Он склонился ещё ниже, ласково шествуя языком по шее, груди, пока не обласкал болезненные соски.

— Вот так ты должна произносить мою фамилию, Гордеева. Только так... Умоляюще и прося добавки! — Герман прикусил кожу груди и чуть потянул вверх, размывая боль нежным касанием языка. — Я сотру отвращение, что звучит в твоём голосе каждый раз, когда ты произносишь «Гордеев». Ты будешь гордиться моей фамилией так, как горжусь ею я! Потому что она принадлежит не моему братцу и не

слабаку-отцу, она принадлежит моему деду! Самому охрененному мужику, который меня воспитал! Он вложил мне в руки ружье, научил стрелять, научил драться до крови за то, что принадлежит мне!

— И что же тебе принадлежит? — я потянулась к краю полотенца, пробежалась по каменным мышцам его красивых ног, по коленкам, устремляясь всё выше и выше.

— Мне принадлежит дело моего деда. И уже завтра мне будешь принадлежать ты, Гордеева! А пока... — Герман перехватил мою руку, когда до цели осталось всего несколько сантиметров.

Его влажные пальцы сплелись с моими, возвращая нас на бортик ванны.

— Пока води себя смирно... Потому что обещание с меня взяла не только ты. Твоя бабушка сказала, что отрежет мне яйца, если я коснусь тебя до свадьбы... Она явно намекала на член, но про пальцы она ничего не говорила!

Я едва продиралась через пелену оглушительного оргазма, поэтому слова с замедлением доходили до моего мозга. Но вот когда дошли... Я распахнула глаза.

— Что? Кларисса произнесла слова «яйца и член»? — я расхохоталась и в награду получила новый поцелуй. Гордеев словно был помешан на моём языке, на шайбе пирсинга, его буквально тянуло к нему.

— И это не первый раз в моей жизни... Ты рассказала бабуле, что целовалась со мной на той вечеринке? — он тоже

рассмеялся, а после резко выдернул пробку, наблюдая, как стремительно падает уровень воды в ванне, обнажая меня для него полностью. — Ива, ну кто рассказывает бабушкам о похабных играх в «пьяную бутылочку»? Твоя бабуля чуть не сделала меня евнухом ещё тогда...

— Чего? Ничего я ей не рассказывала!

— Ну, тогда тебя окружают шпионы, — Герман аккуратно поднял меня, поставил на ноги как трофей, как произведение искусства, доступное лишь его глазу... А после включил воду и начал смывать пену, скользя по телу ладонью. — Спроси Корнеева, быть может, это он настучал на тебя?

— С этим я разберусь, — я протянула руки, когда Герман подставил плечо, чтобы вытащить меня из ванны. — Горде-ев, ты же понимаешь, что я не невинный цветочек, который тебе удалось сорвать? У меня были мужчины...

— А вот тебе мой совет — не смей мне называть их имена, Ива. Просто не смей... Даже если я буду тебя пытаться, обещать понимание или золотые горы, просто не произноси их имена. Достаточно того, что я уже сдох, когда представил тебя в постели со своим охранником!

Герман довольно грубо схватил меня за волосы, оттянул, и вдруг его глаза снова затянуло серостью тумана. Он шептал мне прямо в губы, его полусшепот звенел такой треску-чей яростью, что по позвоночнику прокатилось пламя ужаса, смешанного с похотью!

— Я никогда не спала с Корнеем!

— Мозгом я это понимаю, — он нежно провёл губами по щеке, будто извиняясь за грубость, а после усадил меня на пуфик, а сам продолжил собираться. — Так ты едешь со мной в клуб?

— Еду, — кивнула я, растирая мокрые волосы полотенцем.

— Тогда обедаем, чтобы не злить нашу чокнутую семью, потом я в офис, а на обратном пути заберу тебя...

— Ива! Герман! Это уже неприлично! — закричала Кларисса и от нетерпения подключила удары кулаком.

— Может, Кравцова просить дежурить перед дверью? — хихикнула я, понимая, что от моей бабушки так просто не избавиться.

— У меня есть оружие поэффективнее, — Гордеев резким движением стянул с бедер полотенце и до того, как я успела его остановить, выскочил из ванной.

Из спальни донёсся сначала оглушительный визг, а потом сдавленный, яростный хохот, заглушённый хлопком двери.

Ну, Кларисса... Ну, погоди!

Глава 12

Когда я вышла в столовую, первым делом натолкнулась на хитрый прищур своей бабуленьки, Клариссы Александровны. Вообще в квартире творилась обыденная суeta. Герман таскал какие-то коробки, будто делал это каждый день. Инесса Павловна болтала по телефону, маму и вовсе не обнаружила поблизости, чем я и воспользовалась.

Подошла вплотную к моей бабуленьке, склонилась, упираясь в мягкий подлокотник кресла, и зашептала:

— Что, милая, тебе всё понравилось? Рассмотрела ли ты? Или, возможно, попросить пробежаться на бис?

Кларисса и бровью не повела, припала губами к бокалу воды с лимоном, пытаясь скрыть усмешку, но я-то всё видела!

— Нет, спасибо, у меня же дальнoзоркость! Милая, я и голову... от булавки рассмотрю, — Кларисса сказала это ровно в тот момент, когда Герман втащил очередную коробку и бросил её у стены.

— Вот ты никогда не умеешь вовремя остановиться! — по моим щекам растекался предательский жар смущения, я косилась на Гордеева, но тот делал вид, что ничего не слышал.

— А ты в кого, по-твоему, такая? — бабушка незаметно ущипнула меня. — В мать? Твоя мама, в силу природной скромности и чуткости, сбежала бы из зала заседаний после

устроенного Герольдом, а ты пошла в атаку против слонов с пластиковой вилкой!

— Вот это мне повезло! — шикнула я.

— И мне, очевидно, повезло, — рассмеялся Герман.

— Мама! — я сначала услышала её голос, а когда хлопнула входная дверь, я понеслась в прихожую.

Моя румяная от мороза мамочка в облаке ледяного воздуха и своего любимого парфюма торопливо сбросила на руки Гордеева шубу и побежала мне навстречу.

— Ива! Девочка моя, — она обхватила моё лицо и начала быстро целовать. — Боже, Ива, от тебя пахнет Гордеевым!

— Боже, мама, а когда это ты успела обнюхать Гордеева? — я рассмеялась и потянула её в столовую. — Проходи, мама, быть может, в твоём присутствии эта вредная старушка не будет нести пошлости!

— Пошлости? Обожаю пошлости, — из-за стеклянной двери террасы появилась Инесса Павловна. Она подошла к внуку, прижалась щекой к его спине. И Герман ответил ей тем же: ладонь легла на её сухую руку, большой палец пробежал по костяшкам. Он обернулся, согрев бабушку самой очаровательной улыбкой. — Так, хватит болтать! Всё остывает. Я что, для красоты готовила?

— Так, дорогие мои, — мама принялась быстро раскладывать по тарелкам еду. — У нас почти всё готово. Герман, спасибо большое за помощь...

Я удивлённо посмотрела на Гордеева, полностью погру-

женного в переписку, но при этом он не терял нить разговора за столом.

— Это мы вам должны сказать спасибо за помощь в организации. Да, Ива? Так, всё по вашему списку я сделал, и счета на оплату тоже закрыл, — Герман отложил телефон и принялся за обед. — Ещё есть проблемы?

— Как решил? — мама вскинула бровь и дернула головой. — Я же тебе пять минут назад...

— Марина Львовна, я выполнил то, что вы попросили. А теперь, дамы, я прошу прощения, но мне пора, — Гордеев снова бросил взгляд на телефон, и я заметила уже знакомое концентрированное раздражение, предшествующее вспышке злости. Он порывисто встал из-за стола, а после совершенно машинально, даже как-то бездумно попрощался со всеми и двинул к выходу.

Женщины, не особо смутившись, тут же с головой ушли в обсуждение цветов для свадебных букетов. Но через минуту из прихожей послышались шаги. Герман снова появился в дверном проёме. Телефон был прижат к уху, но он поймал мой взгляд и властно махнул рукой, буквально приказывая мне подойти к нему.

Отложив тарелку и заткнув возмущение, я вышла из-за стола, а женщины словно и не заметили этого!

— Что-то забыл? — я прислонилась к стене, сложив на груди руки, но Гордеев взял меня за локоть и подтянул к себе, все еще заканчивая телефонный звонок.

— Нет, подготовь документы, я буду минут через двадцать. Всё, давай...

Герман отбил вызов, а после вложил свой телефон мне в руку в каком-то раздраженно-требовательном жесте.

— Знаешь, что меня бесит, Ива? — его губы почти коснулись моего уха, голос стал низким, настойчивым, ласково вибрирующим в резких выдохах. — Я до сих пор не знаю твоего номера. Абсурд какой-то...

— Спроси у моей бабушки, — я попыталась вывернуться, но его хватка была стальной. — Кажется, у неё точно есть мой номер...

— Чтобы она исполнила свою угрозу до свадьбы? Нет уж... Давай, Ива, набирай свой номер. Мне надоело узнавать, где ты и что с тобой, у Кравцова!

— Гордеев, я дама приличная, не даю телефон, пока у меня его не попросят, — спорить было бессмысленно, я настукала свой номер и вернула Герману телефон, но он успокоился, лишь когда из моей сумки зазвучала вибрация входящего.

— Всё, я ухожу, — он развернулся и вышел, но прежде чем закрыть дверь, как-то странно произнёс: — Ну, пиши...

— Что писать?

— Ива, поверь, я не знаю, что пишут девушки, — от его изящной наглости не осталось и следа, на передний план вышла растерянность. — Купить хлеба? Шоколадку? Заехать за талонами? Или просто пришли фото из душа...

Я зависла на мгновение, но затем приснула смехом, представив Гордеева, гоняющего по аптекам в поисках прокладок и тампонов.

И вскоре мой смех накрыла бархатная пелена ответного смеха.

И этот звук был особый...

Он не всегда смеялся с легкостью и спокойствием. Обычно в его смехе сквозил какой-то нерв, сарказм или издёвка. Но когда мы оставались одни, Герман позволял себе чуть больше, чем позволяет вне стен дома.

«Всегда возвращаться домой...» — быть может, именно это он и имеет в виду?

— Пока, — я дернула дверь и закрыла её прямо у него перед носом, успев запомнить его самодовольную улыбку.

В коробках, которые таскал Гордеев, оказались моё платье, фата и прочая ерунда, надёжно упакованная в специальные ящики. И стоило мне вернуться в столовую, как мои женщины с пугающей энергией потянули меня для контрольной примерки. К моему облегчению, платье село буквально идеально.

Я всегда ненавидела эти пышные, нелепые облака тюля и кринолина, в которых невозможно ни дышать, ни двигаться. Поэтому мой выбор пал на бескомпромиссную классику: приталенный силуэт, подчёркивающий линию талии и бёдер.

Тончайшее французское кружево переливалось морозным инеем, перламутр шелка подсвечивал кожу, тонкие до-

рожки камней огибали изящный корсет, а полупрозрачный лиф нескромно подпускал к запретному...

Кто бы что ни болтал о свадьбах и традициях, но каждая женщина выбирает своё идеальное платье для одного-единственного зрителя. Чтобы он задохнулся, чтобы этот образ навсегда врезался ему в память... А Гордеев должен думать! Он должен...

— Красавица, — прошептала мама, обняв меня сзади и прижавшись щекой к моему плечу. В зеркале отражались две похожие женщины... Моя любимая мамочка широко улыбалась, рассматривая весьма скромное для «воронов» платье. — Идеально, Ива... Всё, как ты любишь.

— Мам, идеально — это когда ты к свадьбе готовиться начинаешь за полгода: худеешь, мучаешь швей, слоняешься по бутикам, тщательно готовишься. А не когда бросаешь все на своих родителей и уезжаешь, — я поцеловала её, прижимаясь щекой.

— Нам было в радость. Честное слово...

— Мам, — я понизила голос до едва слышного шёпота, чтобы бабушки, копошащиеся у коробок, не услышали. — Ты тоже знала? Про тот поцелуй с Гордеевым много лет назад?

— Что? — мама вскинула брови и дернулась, но я задержала её руку.

— Тише! Потом обсудим. Я сама разберусь с Клариссой...

— Ива, а где Корнеев? — вдруг напряглась мама, вспом-

нив, что не видела его сегодня.

Корней... А его я сама не видела с того самого вечера. Герман сказал, что Славу отправили на регулярные учения на базу, куда-то в тайгу. И я бы напряглась, если бы не подслушала разговор охраны, подтверждающий учения, на которые их не взяли.

— Корнеев на учениях. Знаешь, какой у Германа начбез? Наш Михалыч – просто лапушка по сравнению с Кравцовым. У него не забалуешь, — я облегченно выдохнула, когда мама отвлеклась на новую склоку между Инессой и Кларисой. С одной стороны, мне было стыдно, что родители ничего не знают о нападении, но с другой стороны, любимых нужно беречь.

Спустя час мне удалось выдворить женщин из дома. Бабушки отправились на какой-то вечер преферанса, мама унеслась проконтролировать финальное украшение особняка, где пройдёт наша свадьба.

Оставшись одна, я включила музыку и отправилась разбирать последние чемоданы. И так заработалась, что лишь когда мой взгляд зацепился за скомканное махровое полотенце, небрежно брошенное Германом на спинку кресла, я вспомнила о клубе... Чёрт!

Мой телефон пестрел пропущенным звонками, а ярлык мессенджера полыхал пятью непрочитанными сообщениями.

Герман: «Освобожусь через час».

Герман: «Ива?»

Я рассмеялась, пролистывая ленту сообщений, пока не на-
ткнулась на последнее:

Герман: «Заеду через сорок минут!»

Чёрт возьми!

Ива: «Дресс-код?»

Ответ пришёл почти мгновенно, будто Гордеев держал те-
лефон в руке.

*Герман: «Я думал, что ты сбежала! Дресс-код – монахи-
ня».*

Ива: «Хорошо».

— Монахиня, говоришь? — я забежала в гардеробную и
начала бродить вдоль релингов, быстро перебирая платья. —
Будет тебе самая грешная монахиня!

Гордеев привык за эту неделю видеть меня или в пижаме,
или в спортивном костюме. Я же слышала про вечеринку в
стиле «плейбой», но его ответ говорил об обратном... А зна-
чит, Герман решил пойти по простому пути. Хочет, чтобы я
слилась с толпой? Чтобы была скромной, незаметной?

Меня не переиграть... Пора напомнить о себе! В такие
моменты нужно доверять интуиции... Рука сама нырнула в
дальний стеллаж.

Собралась я ровно за сорок минут. Быстрый спокойный
макияж, чуть уложила волосы. А когда уже затягивала по-
яс длинного пальто, электронный замок пикнул, впуская в
квартиру Гордеева.

— Ну вот... Врут, выходит, мужики? — Гордеев привалился плечом к дверному косяку и внимательно осмотрел меня с ног до головы своим медленным, оценивающим взглядом.

Но масштаб катастрофы ему был недоступен, поэтому пусть пока довольствуется весьма скромным пальто классического кроя. Я подхватила клатч, бросила туда телефон и в машинальном жесте растерла каплю духов по запястью.

— И в чем же они врут?

— Ты застала меня врасплох своим вопросом. И я поинтересовался у женатых друзей. И все в голос заверили меня, что женщин приходится ждать часами. А в СМС они присылают в основном риторические вопросы или ловушки, попадая в которые, ты возвращаешься домой, лавируя между минами, — Герман протянул руку и вывел меня из квартиры, запер дверь, а когда мы подошли к лифту, в ладонь мне упало что-то холодное и тяжелое.

— Выходит, что врут, — разжала руку, смотря на связку ключей. — Что это?

— Это от квартиры и от сейфа. Он в моей гардеробной...

— Спасибо, — я потянула плечами и отвернулась, ловя в отражении глянцевого створки его напряженный взгляд, медленно ползущий по моей спине.

По шее побежали мурашки, ногти впились в кожаный клатч, но я и вида не подала. Воспользовалась моментом, осматривая своего спутника, что уже завтра станет законным

мужем... И чем дольше я смотрела, тем меньше видела в нём того мальчишку, в которого была когда-то влюблена.

Глупая, наивная и совершенно детская любовь.

Ну кто не знал Геру Гордеева? Да все девчонки таскались за ним хвостиками. Мне вообще кажется, что перед Новым годом Дед Мороз получал сотни одинаковых писем! Все мои подруги загадывали Германа Гордеева, своевольного и совершенно не похожего на всю братию «воронов». Пока холёные наследники таскались по нудным раутам, эта шпана вечно вляпывалась в истории, подкидывая новые темы для обсуждений.

Он жил по принципу «кто не лучший, тот лох»! И этот принцип распространялся на всё! Школа? Он лучший! Спорт? Вот вам медаль Европы по джиу-джитсу! Армия — получу краповый берет! Если друзья, то только Бесадзе или Баринов...

— Я вспыхну, Гордеев! — шикнула я, молясь, чтобы створки лифта уже открылись и выпустили меня на свежий воздух. Потому что размышления, в чём он ещё может быть лучшим, заведут меня в тупик, из которого уже будет не выбраться.

— Может, в этом и есть мой план? — он шагнул вперед, толкнулся грудью в мою спину и повёл рукой, прижимая ладонь к животу. — Что ты затеяла, Ива? Опять думаешь, опять хмуришься...

Ответить я не успела, потому что створки все же распах-

нулись, выпуская нас в подземный паркинг, где у черного внедорожника уже стоял Кравцов.

— Олег, а тебе вообще спать дают? — я улыбнулась начальнику службы безопасности.

— Всё хорошо, Ива Давидовна, спасибо, — Олег опустил голову, как делал всегда рядом со мной или Камиллой.

— Кравцов, я начинаю ревновать, — рассмеялся Герман и помог мне сесть на заднее сиденье.

Дорога стала небольшим спасением. Поговорить нам не удалось — Кравцов с Гордеевым погрузились в обсуждение логистики, новых машин и точек усиления безопасности. Я сидела, глядя в окно на мелькающие огни, и тихо собиралась с духом.

Огромный ангар за выездом из элитного посёлка было сложно назвать клубом. Но судя по длинной веренице желающих побывать в этом златном месте, открытие, и правда, было долгожданным.

Я немного нервничала, потому что за последние три года, кажется, ни разу не была в таких местах. Водитель, игнорируя правила, объехал хвост пробки по встречке и резво подкатил к главному входу. И чем ближе мы подъезжали, тем отчетливее считывался контраст...

Монументальное, даже индустриальное здание старого завода подавляло своим масштабом и красотой ветхого строения. Оно ярко контрастировало с помпезным подъездом: шикарный навес, красная дорожка, двустворчатые двери из

черного каленого стекла и ровный ряд охраны в чёрных костюмах.

— Я уже и забыла, что Донцов лучший в своём деле, — с придыханием произнесла я, по инерции схватившись за ручку двери, но Гордеев предостерегающе кашлянул, и я отдернула пальцы.

Он вышел, быстро обежал машину, распахнул дверь и протянул руку. Вложив свою ладонь, я стиснула полы пальто и соскочила на припорошенную снегом красную дорожку. Каблук чуть проскользил, но Герман так уверенно и крепко держал меня, что я даже не испугалась.

И лишь когда справа послышались щелчки, и вечерние сумерки раскололись от залпов фотовспышек, Гордеев обнял меня, пряча за своей спиной, и провел в клуб.

— Герман! — раскатистый голос Ильи Донцова разнёсся под сводами бывшего цеха. Мой старый знакомый нёсся со всех ног, чтобы лично встретить важного гостя.

Пока мужчины обменивались крепкими рукопожатиями и дежурными приветствиями, я скинула пальто и передала уже подоспевшему персоналу.

Смахнула с волос пару попавших снежинок, но тут... в отражении зеркала заметила пристальный взгляд Донцова, что, очевидно, не сразу узнал меня.

Гордеев стоял ко мне спиной и не сразу понял, почему Илья таращился на меня...

Но стоило обернуться, Герман буквально вздрогнул всем

телом, будто получил незримый удар под дых. Кровь мгновенно прилила к его лицу, черты стали острыми, волевой подбородок поджался, скулы завибрировали... В его глазах потух весь свет! Погасла зелень, уступив первобытной тьме...

Пока эта молчаливая буря не обрушилась на всех невольных зрителей, я, наслаждаясь его реакцией, медленно, нарочито небрежно сделала полуоборот перед зеркалом, давая ему полный обзор.

Всего два удара сердца, и Гордеев уже шагал в мою сторону. И чем ближе он подходил, тем меньше оставалось воздуха между нами...

Эх, женщине, и правда, ничего не нужно, кроме крошечного черного платья, чулок и кожаных подвязок! Правда, никто не знает, насколько это платье должно быть крошечным!

Но зато я знаю, что этого достаточно, чтобы Гордеев не смел больше обо мне забывать! Достаточно, чтобы разом стереть с его лица эту джентльменскую маску!

Я знала, что весь вечер он не отойдёт ни на шаг. Каждый его взгляд будет обжигать и оставлять полосы шрамов на коже. Каждое его прикосновение будет вопить о своих правах...

За мной будет наблюдать не будущий муж и терпеливый красавчик, за мной будет следить тот самый зверь, которого он так отчаянно, так тщетно пытался запереть внутри...

Глава 13

— Ива-Ива... А я всё думал, где же тут подвох? — отчаянный, какой-то пышущий жаром злости шепот Гордеева ударил по чувствительной коже за ухом.

Он меня даже не касался, а я дёрнулась, будто разряд тока через меня пропустили, а эта собака заблудилась и начала пульсировать то в руках, то в ногах, то в животе... Я мерцала, как новогодняя ёлка, к которой меня оттеснял Гордеев, медленно наступая.

— Это мне карма за то, что Бесадзе подкалывал. Сука... Ещё и Барина с его транквилизаторами нет, — Герман вновь нагнулся и, скользя губами по мочке уха, зашептал: — Но я тебя понимаю... Что взять с мужиков? Их сила — она примитивная, сплошная физика и инстинкты охотника. А у женщин сила в магии, в умении отравить воздух, запутать мысли... Всё верно? Вот я идиот, не додумался заглянуть под пальто!

— Ты будешь полным идиотом, если не заглянешь под платье, — процедила и отвернулась к зеркалу, чтобы поправить волосы.

Но в отражении увидела нечто страшное... Гордеев нависал надо мной, как хищный коршун, водил носом, напиваясь моим запахом.

— Это приглашение, Ива Гордеева?

— Нет, Герман, это сухая констатация факта. Илья, ты что, меня не узнал? — я резко крутанулась и выбралась из рук Гордеева, устремляясь к застывшему от шока Донцову. — Илюш, а ты рот закрой, а то гланды простудишь.

— А мне их вырезали в детстве, — отшутился Донцов и... весьма неуверенно и осторожно приобнял меня, с опаской поглядывая в сторону Германа. — Боже, Майер! А ведь я не верил слухам... Весь город гудит, друзья шепчутся, а я отмахивался. Думаю, ну не может наша Ива выйти за этого мавра холёного!

— Почему же? — Герман незаметно встал у меня за спиной, но руки держал при себе. — Я хоть и мавр, но холёный... А ты, Донцов, хоть и холёный, но опездол!

— Что правда, то правда. Мне жена так же говорит, — расхохотался Илюха. — Ладно, идём скорее, я вам покажу своё детище!

Гордеев, едва касаясь, опустил ладонь мне на спину, застыв где-то между лопаток и талией. Я просто чувствовала тепло его руки, и этого мне было достаточно.

Я была поражена входной группой с её пространством, объёмом воздуха, высотой потолков, грубостью необработанного кирпича, что так гармонично сосуществовала с лоском стали, гляncем стекла, нежностью красных дорожек и новогодними композициями из еловых лап, огромных шаров, мишуры... Это было одновременно брутально и при этом весьма элегантно.

И тема вечеринки весьма оправдывала себя... Стоило нам войти в основной зал, как на нас рванула волна музыки, а в глаза ударили мощнейшие софиты. Лазерные лучи скользили по высоченному потолку, по паутине труб, по коммуникациям, а от них тянулись золотые цепи...

— Донцов, ну ты и больной придурок! — прошептала я и прильнула к ограждению, рассматривая огромные золотые клетки, свисающие над танцполом!

Нет, в них были заперты не просто девушки, не просто стриптизерши, там томно извивались настоящие жар-птицы. Кожа переливалась золотом, купальники полыхали камнями, а меж прутьев пестрели длинные павлиньи хвосты... Как только лучи касались оперения, они вспыхивали то бронзой, то огненно-красным, то становились синими, как беспокойное море!

— Нравится? — довольно протянул Донцов.

— Ага...

Но моё внимание было приковано даже не к девушкам, а к огромному колесу обозрения, вроде тех, что стоят в городских парках развлечений! Только вместо кабин в воздухе скользили мягкие ВИП-зоны, прикрытые полупрозрачной органзой. Платформы то взмывали вверх, под самый потолок, то скребли чуть ли не над головами танцующих!

Само колесо тоже было заковано в клетку, такую мощную, сверкающую хромом. Её толстые прутья служили опорой для изящных мостиков, по которым сновал персонал.

— А я согласен, — хохотнул Герман. — Ты точно больной придурок!

— Герман! Боже, девочки, это же Гордеев! — за нашими спинами раздалось радостное блеянье женских голосов, но я не стала оборачиваться, наоборот, незаметно отшатнулась, чтобы со стороны посмотреть на настоящего Гордеева в его привычной среде обитания.

И, надо признать, увиденное мне совсем не понравилось.

Группа знойных блондинок попыталась обступить Гордеева, но тот мужественно отстранился и шагнул ко мне. Правда, я всё же успела заметить, как чужие женские руки с жадностью царапнули по его шее...

А ведь эти соблазнительницы чужих мужиков мне очень даже знакомы! И глупо рассчитывать, что дамы не знали о предстоящей свадьбе. Нет, они специально подошли...

— Ива! Майер! — самая громкая из амазонок сделала вид, что не сразу меня заметила, и сейчас стояла, натянув самую фальшивую улыбку. — Сто лет тебя не видела! Мы уже свыклись, что потеряли нашу любимую оторву! Зарылась в своей фабрике, серьёзной такой стала, за ум взялась...

Таня Кошкина вышла из толпы и двинулась ко мне, вот только взгляд её то и дело стрелял в Германа, выдавая истинный мотив этих воспоминаний.

— Ива, а ты не боишься отпускать своего жениха в такие заведения? Ведь мы можем разболтать, на какой зажигалочке он решил жениться!

— Я? Нет, не боюсь, Кошкина... А ты не боишься, что за-
жигалочка может полыхнуть? Помнишь, что с твоей подру-
гой приключилось? Кстати, как её сломанный нос? Слыша-
ла, она сделала три пластики? Ай-ай-ай... Как неаккуратно.
А ты знай, что я форму не потеряла. Вы свободны, — проце-
дила я, прежде чем отвернуться к залу. — Или что-то ещё?
Мы с мужем пришли отдохнуть...

— Ты «негодуешь»? — вдруг рассмеялся Герман, ласково
пробежаясь пальцами по спине, и опустил ладонь на талию,
ставя точку в этом споре.

— Пока нет... Но и гиен на свою территорию пускать не
намерена, — я оттолкнулась и двинула за Донцовым.

Илья распрощался с дамами и, бросив в меня виноватым
взглядом, начал спускаться по кованой лестнице, ведущей
прямо в центр танцпола. Здесь музыка ощущалась букваль-
но физически, басы лупили по груди, заставляя сердце коло-
титься неисправным моторчиком.

— Ива! Майер! — закричали из толпы, и вот уже, растал-
кивая танцующих, к нам выскочил Кирилл Бельский. Он то
ли не рассмотрел Гордеева, то ли сделал вид, что не замеча-
ет. Впрочем, сегодня эта практика весьма популярна.

Кирюха не просто подошёл, он схватил меня и начал кру-
жить, вереща от радости! От резкости его движений моё
платье поползло по заднице вверх, ремешки, удерживающие
чулки, жалобно скрипнули.

— Привет, красotka! — завопил мой бывший однокурс-

ник, забыв вернуть меня на место.

Я болтала ногами в воздухе, отчаянно сдерживала край платья.

Но выдержка Гордеева лопнула раньше, чем я сумела по-приветствовать Кирилла.

— Бельский, а тебе мама не говорила, что чужое трогать нельзя?

Руки Германа надёжно стиснули мои бедра, останавливая скольжение ткани по заднице. Он вырвал меня из чужих объятий, рывком прижал к себе, а его ладони так стремительно пробежали по бокам, расправляя складочки платья, чтобы прикрыть все, что было недоступно посторонним.

— Гордеев? Чёрт подери... Это что, правда? — Кирюха побледнел, покачнулся и невольно сделал шаг назад. — Прости, чувак... Прости! Я правда думал, что это всё чушь и слухи!

— Да-да! Я сегодня уже выслушал... Как Ива Майер могла выбрать такого мавра? — процедил Герман.

— Кирюш, ты как? Сто лет тебя не видела! — я крутанулась к другу назло Гордееву, и даже успела обнять Бельского. — Всё так же холост, независим и безмерно красив?

— Майер, а ты всё так же слепа... Да? — Кирилл поцеловал меня в щеку, а после вскинул руки вверх... Не для меня, а для мавра за моей спиной. Правда, прежде чем отойти, он успел царапнуть взглядом по моим ногам. — Давай сбежим? Майер, у тебя ещё есть шанс!

— Становись в очередь, — рыкнул Гордеев и потащил меня через толпу за Донцовым, что уже взбирался на платформу под колесом обозрения.

— Ты «негодуешь»? — рассмеялась я, на ходу прощаясь с Бельским...

Боже, мне его было даже немного жаль. Кирюша за мной все шесть лет убивался, ходил по пятам, на свидания звал, на пары мои любимые пирожные приносил. Он всё-всё обо мне знал! Не завелась машина? Он быстрее Корнея реагировал. Лабораторная? Бельский уже рядом топчется и от соперников отмахивается...

— Это плохое слово, Ива. Ты выбрала совершенно неподходящее стоп-слово! Негодую — это слабо сказано! — Герман подхватил меня за бёдра, поднял, забрасывая на платформу. — Но если я скажу то, что думаю, то все они окажутся правы.

Я вскинула голову, рассматривая колесо обозрения, и чуть ли не завизжала от восторга. Вблизи оно выглядело ещё более волшебно! Металлические трубки сплетались в путаном узоре, по полупрозрачным мостикам носились полуголые официанты, а в уютных приватах расслаблялись компании. Чёрт... И я знала каждого!

— А на арене всё те же, — шепнула я Донцову, и тот рассмеялся.

— Ива, это тебе не столица, здесь каждое открытие новой локации – событие! У меня уже заканчивается фантазия,

я не понимаю, как ещё удивить наших мажоров, чтобы они прекратили таскаться в столицу на выходные. Из кожи буквально вон лезу...

— Совсем из кожи не вылез, Донцов. И задумайся, что количество не значит качество, — присвистнул Герман, глядя на ползущую сомнительную конструкцию, и протиснулся между мной и Ильёй. — У тебя достаточно клубов, ты лучше над программой думай. Как ты выразился, эти мажоры таскаются в столицу в одни и те же клубы, но чем они их привлекают? Разнообразием!

— Да-да, — кивнула я и помахала Ирке Ложкиной, что почти вывалилась из кабинки от удивления.

Да что Ирка... Чем дольше мы стояли перед колесом, тем больше становились центром внимания этого привилегированного слоя общества. Часть из них была «воронами» второй линии, часть — приближенными, оттого и пялились на нас, как на диковинных зверят.

— Донцов, ты же опытный любовник, муж уже! — смеялся Герман, протягивая мне руку, когда с нами поравнялась свободная платформа. — Сценарии секса тоже иногда нужно менять. А ты к своим клиентам относишься, как к резиновым куклам: вот тут лежать, вот тут сидеть. Вот они и стонут фальшиво... А потом, Илюха, они ищут страстного и креативного любовника, и несут свои деньги ему... У тебя не фантазия закончилась, а желание удивлять. Ты хочешь, чтобы все приносили тебе деньги и не вякали, в то время как

ты им предлагаешь однообразный секс.

Вот умеет он говорить чистую, неприкрытую пошлость, но с таким серьёзным лицом, словно стратегию на пятилетку объясняет!

— Донцов, — я заливалась смехом, падая на диванчик.
— Герман хочет сказать: «Трахайтесь, дорогие... В удовольствие и с разнообразием!».

— Гордеев, а ведь я тебе предлагал вложиться в развлекательную сферу, — стоило Донцову махнуть рукой, как на платформу впорхнула официантка в полупрозрачном боди и с ушками зайчика.

— Шампанское, — я взобралась на диван с коленями и прижалась к ограждению, наблюдая, как кабинка медленно ползёт вверх, прямо над головами танцующих.

— А ты, Герман, все как обычно? Водку и лимон? — рассмеялся Донцов, хотя по его глазам стало понятно, что он уже обдумывает идею.

— Гордеева! — махнула мне Ирка Ложкина, что была на две кабины ниже. — Это что, правда?

— Ага. Но у меня ещё есть шанс сбежать из-под венца! — рассмеялась я в ответ. — Бельский ждёт у черного выхода!

К нашему с Иркой хохоту присоединилась почти вся женская часть випов. Я уже устала махать руками, отвечать на дежурные вопросы и приветствия, поэтому спряталась и задернула занавеску. Донцова уже и след простыл, а вот Гордеев вальяжно развалился на диване и глушил стопку за стоп-

кой, напряженно следя за каждым моим движением.

— С прискорбием сообщаю, что Илья — отличный постановщик и декоратор, но ему явно не хватает в команду кого-то творческого, что ли. Ну, покатаемся мы в кабинках, а дальше? Через полчаса уже становится скучно... Здесь нужно шоу!

Но мои слова отскочили от Гордеева, как шарики... Не слышал! Скользил острым взглядом, продвигаясь по миллиметру, абсолютно не смущаясь и совершенно не думая прекращать это изучение, даже когда я приняла нормальную позу.

— Хьюстон, у нас проблема? — улыбнулась я и опустошила свой бокал. — Гордеев, скажи хоть что-то... Ты лучше болтай, потому что когда ты затыкаешься, мне становится страшно.

— Ты получила то, что хотела... Я оценил, сделал соответствующие выводы, провёл работу над ошибками и дал задание Кравцову усилить твою охрану, — Герман поставил согретую в руках рюмку и чуть съехал по дивану, нехотя отведя взгляд.

Его внешнее спокойствие разбилось на осколки, как только распахнулся ворот его рубашки, обнажая истеричную вену, качающую кипучую кровь. Он был в бешенстве... И сто раз пожалел, что притащил меня сюда!

— Ну и какие же выводы ты сделал? — я перекинула ногу, подтянула чулки, и Герман отреагировал на движение, воз-

вращая взгляд на меня.

— Знаешь, Ива, мой командир в армии имел идиотскую тягу выполнять приказы мгновенно! Однажды он приказал нам начинать копать... А сам отошёл уточнить, где именно нужно копать, — Герман усмехнулся, а после лениво поднялся, задёрнул полупрозрачный тюль перегородки и пересел рядом.

Он закинул руку на спинку дивана, придвинулся слишком близко и зашептал мне на ухо:

— Вот я сейчас копаю... А сам жду указаний, где именно и куда мне двигаться!

— И от кого ты ждёшь указаний?

— Очевидно, от тебя.

— Тогда считай, что мы копаем оба. И не стоит от меня ждать подсказок, я и сама эту лопату держу впервые. Горде-ев, я тебя знаю с детства... Но вот о тебе ничего не знаю! — я повернулась, и наши носы столкнулись... По коже прокатилось его дыхание, я машинально облизала губы, словно тело уже само готовилось к поцелую!

— А как ты узнаешь, если ты ничего не спрашиваешь? Давай, Ива, начинай, — Герман дернулся, подтянул к себе очередную стопку и накатил, даже не зажмурившись. — Видишь, для тебя стараюсь!

— Боже, какая гадость! А вот ты из тех настоящих мужиков, что если и пить, то русскую, беленькую... Да? Если бить, то насмерть. Если любить, то и сдохнуть между ног лю-

бимой, — меня передёрнуло, и я всунула ему в рот дольку лимона... Но напрасно.

Реакции Гордеева может позавидовать любой. Как только мои пальцы коснулись его губ, он мгновенно взял их в плен вместе с лимоном. И опять... От кислоты на лице не дернулось ни единый мускул! Он смотрел на меня, словно я ему кусок мармелада в рот вложила!

— В нас никто не верит, Герман. Никто! Посмотри... Сегодня я не услышала ни поздравлений, ни радости. Мы с тобой с разных планет! Я живу на комбинате, работаю по двенадцать часов, а выходные мои однообразны и скучны... И если бы не нападки на бизнес, я бы не задумалась о замужестве!

Я попыталась отнять пальцы, но язык Германа ожил, пускаясь в танец по нежным подушечкам. Он то с жесткостью очерчивал контур, то мягко, почти невесомо ласкал кожу, нарочно царапаясь об ногти.

— Все они меня знают, как зажигалку... Но что, если моя суть тебе не понравится? — я задрожала от холода... Ноги просто сковало льдом! Смотрела на его губы, разнося кислый сок по контуру. — Я никогда не приду к тебе на мягких лапках, не буду клянчить колечко, сумочку, машинку лучше, чем у Кошкиной. Я не стану проситься в клуб, не буду проверять телефон в поисках измены. Но... Если я почую чужака на своей территории, то перегрызу глотку не ей, а тебе... «Вороны» не разводятся. Но ты для меня перестанешь быть

вожаком. Станешь мужичонкой с годным членом... Ну? Как тебе моя сущность?

Герман медленно, по миллиметру выпускал мои пальцы, а после дожевывал лимон и растянул губы в широкой улыбке. Его глаза полыхнули, лицо изменилось... Черты стали резкими, опасными, он словно взял след, почуял свою добычу... Ему нравилось? Нравилось всё, что я сказала?

— Я работаю по двадцать часов в сутки... А в клуб прихожу, чтобы не забыть морды друзей. Все они уверены, что я заскакиваю так редко, потому что в другое время торчу в других развлекательных заведениях. Это не нашей паре они удивились...

Герман вскинул руку, проглотив вспышку боли, а после прижал её к моей щеке и двинул пальцами по линии скул, челюсти. Он словно привыкал, очерчивал то, что ему придётся видеть до конца жизни...

— Я — раздражающий фактор, Ива. Я — младший... И ты прекрасно знаешь, что это значит. От меня никто и ничего не ждёт... Все привыкли к тому, что Герман Гордеев — разочарование своей семьи.

— Герман, но я тоже младшая. Просто моя сестра совершенно равнодушна к медицине, а на химию у Амелии аллергия и нервное почёсывание! Её страстью является семья... Вот она — идеальная жена «ворона»! Она поглаживает эго мужа, выпрашивая подарки, поездки, цветы... Она с радостью готовит щи-борщи, рождает детей, таскается по всем

развивающим кружкам. И её не парит судьба нашего семейного дела!

— А тебе нужны цветы? — Герман удивленно вскинул бровь.

— Гордеев, не верь женщине, которая говорит, что все это ей не нужно. Нужно! И цветы, и кофе в постель, и комплимент, даже если она на девятом месяце беременности и похожа на бегемота! — я выдохнула, выпуская странное напряжение, что было внутри меня все это время.

Боже... Это всё правда. Вот он, рядом... И он будет со мной до конца жизни? Кажется, привыкать и рассматривать нужно не только Гордееву.

— Чем ты занимаешься по выходным?

— Сплю, потом иду в тренажёрный зал, обедаю в городе, закупаюсь продуктами и еду домой работать. Воскресенье я торчу на кухне, потому что тоже люблю и щи-борщи, и пироги домашние, — я почему-то рассмеялась, ведь этой глупостью никогда и ни с кем не делилась. — И я не хочу, чтобы у нас в доме жила своя Демонесса. Во всяком случае, на выходных.

— Хорошо...

— Что ты любишь? — я скинула туфли и вскарабкалась на диван, но Герману не понравилось, что теперь я слишком далеко... И тогда он перетянул меня к себе на колени, а сам переместился в самый угол.

Он знал, что нас видят, я знала это, но было так фиоле-

тово!

— Боже, как глупо! — я закрыла лицо руками, чувствуя, как заливаюсь румянцем. — Гордеев! Мы с тобой неделю жили в одном гостиничном номере! Но чтобы поговорить, нам нужно было отправиться в клуб? Я же могла всё это узнать уже давно... А ты тоже хорош! Неделю контролировал меня через Кравцова, а номер телефона спросил лишь после того, как наглым образом довёл меня до оргазма?

Гордеев сжал мои волосы, заставив откинуть голову и посмотреть ему в глаза.

— Мы натворим ещё очень много глупостей... Я бы и сегодня убежал, не спросив номер, если бы не шальное желание получить твоё горяченькое фото из душа. И когда я представил, как Кравцов показывает мне это сообщение, я понял, какой же я баран... — он прижался лбом, а я не удержалась и прошлась языком по его губам, собирая кислоту лимона.

— Бедный Кравцов. Ты его мысленно уже убил.

— И расчленил! Я знал, где ты, с кем ты... Я знал, что ты в безопасности, и, наверное, этого было достаточно. А сегодня... Сегодня я осознал, что это глупо. Зачем звонить Кравцову, если можно позвонить сразу тебе?

— Гордеев, ты считаешь, что я стану тебе писать сообщения?

— Ага... — рука Герман дрогнула, и пальцы опустились на моё колено... Слегка растягивая тонкий капрон чулок, он

двинулся вверх, потом вниз, потом снова вверх, слегка поддевая край платья.

— Думаешь, что начну присылать тебе свои ножки, грудь, задницу, лишь бы заставить вернуться домой пораньше?

— Была такая надежда...

— Ну, хорошо, — я пожала плечами.

Гордеев расхохотался, согревая меня ласковым бархатом. Его грудь вибрировала, ладони стали тяжёлыми, он прижал меня к себе с такой силой, будто мы падали...

А у меня и правда было это грёбаное ощущение полёта! Я словно закрыла глаза и сиганула с обрыва, совершенно не понимая, выживу или нет?

Как тогда... На вечеринке в заброшенном особняке. Появление Гордеева и Баринаова было там чем-то диким, ошарашивающим. Все ходили вокруг, вились похотливыми кошками, и только я, получив ход в «пьяной бутылочке», встала и подошла к нему вплотную... Я сама украла поцелуй! Я получила то, что хотели все...

— Ты же мог тогда меня не целовать?

— Ты застала меня врасплох, Ива. Меня ещё никто и никогда не выбирал вот так... Ты бы видела свои глаза. Ты шла на меня, словно в руке была не бутылка от шампанского, а клинок! Это выглядело как «поцелуй или жизнь»... И я выбрал поцелуй, — Герман чуть нагнулся и прикусил мою губу, оттягивая, чтобы пробраться к языку, к тёплой шайбочке пирсинга. — Никого не помню... А тебя помню.

— Выходит, это моя карма — раз за разом выбирать тебя?
— я смущенно отвела глаза, впилась ногтями в ладони, чтобы остановить это дурацкое ощущение падения.

— Думается мне, что эта карма зеркальная... Выбор не предполагает одиночное решение. Я не обязан был тебя целовать, мог оттолкнуть малолетку и забыть. Я не обязан был подниматься и повязывать на руку ленту... Но, выходит, я тоже сделал выбор?

Боже, как же он меня бесит! Вот почему глубокая суть, потаенная мысль всегда обернута в пух из полунамёков и шуток? И почему он так очарователен в этом?

— Ну, так что ты любишь?

— Мы до сих пор про любимое блюдо? Или уже о сексе?
— Герман накрыл мою грудь и ласково прошелся по глубокому декольте, заглядывая под ткань.

— Гордеев! Я уже сказала, лучший способ произвести впечатление — не рассказать, как хорошо ты это умеешь делать, а показать! Поэтому завязывай... Либо покажи, либо прекрати меня трогать.

Я перехватила его руку, что все глубже и глубже погружалась под платье.

— Возможно, в словах бабушки было здоровое зерно? Мы должны были узнать друг друга, но были слишком заняты побегом и попытками сохранить своё личное пространство. Я притворялась, что сплю, ты вместо того, чтобы разбудить, пытался двигаться по номеру, как привидение. Поэтому мне

нужны факты... Любимое блюдо?

Я чуть приподнялась, заглядывая этому засранцу в глаза.

— Жареная на топленом масле картошка. Бабушка в детстве её готовила, — Гордеев растер лицо, а после закинул за голову обе руки, правда, с правой оказалось справиться не так уж и легко, он чуть поморщился от боли, но отстранился, чтобы не искушаться.

— Что ты делаешь по выходным?

— Ты будешь смеяться...

— Только не говори, что у тебя нет выходных. Потому что с прискорбием сообщаю, что теперь тебе придется освободить хотя бы субботу и воскресенье.

— Я сплю до обеда, иду в зал, потом заезжаю к бабушке поесть, а после сажусь за работу... Поэтому не такие уж мы с тобой и разные, Ива, — он хитро прищурился.

— Кто покупает тебе одежду? Как часто ты летаешь в отпуск?

— Нам всем троим одежду покупает наш секретарь, милая женщина, отслеживающая модные тенденции, распродажи и прочую чепуху. Химчисткой занимается бабушка... А мой лучший отдых — охота в тайге.

— Герман? — я напряглась, просто не веря своим ушам.

— Вы что, до сих пор ездите в тайгу?

— Да, несколько раз в год выбираемся, — и тут голос Гордеева дрогнул, он мечтательно закатил глаза, словно сейчас вместо этого клуба предпочел бы оказаться в глухом лесу.

Но от его лёгкости и шутливого тона не осталось и следа, когда воцарившуюся тишину разбил самый противный голос в этом мире!

Глава 14

Перед тем как обернуться, я успела обратить внимание, что Герман никак не отреагировал на появление непрощённых гостей. И лишь взгляд его вновь затянулся уже знакомой мне дымкой.

Первым в кабинку вошёл Герольд и в свойственной ему манере чуть поддал пафоса, забыв, что за ним топчется его невеста. Огнева, и правда, на фоне Герольда выглядела как малышка. Ну а сам Герольд на фоне Германа выглядел полным засранцем. Он даже не пытался скрыть своего отношения к Лизе, она для него была как новые туфли, к которым ещё нужно привыкнуть.

— Боже! Кого я вижу? Мой младший братик! — Герольд всё же вспомнил, что не один, и пропустил свою жену. — Лиза, присаживайся.

— Я прослушал, а когда из моего рта вырвалось приглашение? Или тебя в клубы пускают лишь по моей проходке? — Герман даже не дрогнул, он как лежал с закинутыми за голову руками, так и продолжил. Но чего у него не отнять, так это уважения к женщинам. — Лиза, добрый вечер.

— Здравствуйте, — прошептала Огнева и опустилась на диван, смущённо отведя от нас взгляд.

Я быстро осмотрела нашу довольно фривольную позу, свои распластанные по дивану ноги, но ни капли стыда не ис-

пытала. Вообще-то, мы никого не звали. Даже Донцов, пригласивший Германа, и то поспешил оставить нас наедине.

— Брось, братик, — Герольд грубо сдвинул Огневу по дивану и плюхнулся рядом, а после затряс рукой, подзывая официанта.

— Добрый вечер, — я подхватила настроение Германа, потому что большего Герольд от меня не дожждётся.

— Привет, Ива, — шепнула девушка и снова опустила голову.

— Мы получили ваши приглашения, спасибо, — сухо бросил Герман и вновь повернулся ко мне, словно наши гости его совершенно не волновали. — Не стоило утруждаться и лично приезжать.

— Ну как это? Ты же мой брат! Мой младший братишка! — Герольд совершенно нелепо расхохотался и в какой-то игривой манере подкинулся над столом, явно намереваясь хлопнуть Германа по руке, причем по правой руке!

Внутри все взбунтовалось, по телу растекалась ярость, поэтому я дернулась вперед, будто бы за бокалом, тем самым принимая удар на себя. Ладонь Герольда толкнулась в моё плечо, хотя он явно смягчил столкновение, но, тем не менее, это было весьма ощутимо.

— Какого черта! — взревел Герман, в один миг приняв вертикальное положение.

— Прости, Ива, — Герольд остолбенел, словно искренне не ожидая такого поворота. — Я... Я не хотел....

— Ещё бы ты хотел! Я тебя предупреждал не касаться моей жены? Я тебя предупреждал о последствиях? — Гордеву было бросился на брата, но я висела на нём балластом, и чтобы умирить его пыл, я обвила его руками за шею и прижалась губами к коже.

Несмотря на то, что кабина была на верхней позиции, все взгляды гостей были прикованы к нам, притихли даже соседние приваты, явно ожидая «горяченького» скандала.

— Он же специально пришёл! Все смотрят... Герман, не надо! — прошептала, а после прижалась языком и заскользила от челюсти верх, перетягивая все внимание Германа на себя. — Я прошу тебя!

— Ну, всё! Я был неправ! Герман, я приношу свои извинения, — вскинул руки Герольд и откинулся на спинку, с удивлением наблюдая за моей демонстрацией своего выбора.

Пусть в задницу себе засунет свои советы! Если уж и ошибиться, то исключительно по своей тупости, а не потому, что какой-то придурок решил поиграть моей судьбой во благо своих интересов.

— Ой, Герольд, заткнись, прошу, — казалось, Герман был в шаге от того, чтобы взорваться, но перехватил мой взгляд и быстро окинул весь масштаб внимания, прикованного к нашей кабине.

— Ива, я правда не хотел. Прошу прощения!

— Всё хорошо, — я обернулась и одарила придурка са-

мой милой улыбкой. — Герман, ты обещал, что мы тут задержимся всего на час...

— Ива, мы же родственники, расслабься! Давайте посидим, выпьем. Кстати, ваши приглашения мы с Лизой тоже получили. Только мне интересно... А к чему такая спешка? Или вы решили обогнать нашу свадьбу?

Пока Герольд диктовал заказ официанту, я внимательно рассматривала братьев. Нет... При общей схожести, они были абсолютно разными! Они будто даже сутью различались. Это как две статуэтки: одна вылеплена из хлеба, вторая из камня.

И вот тот, что из камня, сейчас готов был взорваться от ярости! Я чувствовала жар его кожи, мелкую дрожь, медленное скольжение пальцев, смыкающихся в кулак.

— Да расслабьтесь уже! — рассмеялся Герольд. — Ну что ты на меня смотришь, как зверь? А-а-а-а... Ну да, ну да... Было глупо рассчитывать, что наш разговор останется в тайне. Тебе Ива рассказала о моём предложении? Герман, это просто политика. Ты сам понимаешь, что Баринов со дня на день займёт место своего отца, и мне в первую очередь выгодно, чтобы его позиция была крепкой. Ты же не станешь упрекать меня за мою дружбу с Альбертом, учитывая, что вы с Серёгой просто не разлей вода. И ты, Ива, расслабься... Твоё показательное выступление окончательно стёрло все сомнения. Сдаюсь!

— А чего мне напрягаться? Герольд, мне кажется, это ты

напряжен, — я поёрзала на коленях Германа,правила платье, перехватив возмущённый взгляд малышки Огневой.

Да на моем фоне она, и правда, казалась монахиней. Длинное в пол платье, глухой ворот, пышные рукава, закрывающие даже запястья. Из необычного были лишь распущенные волосы. Девушка переливалась драгоценностями, словно Герольд разом вывалил всё, что ей причиталось: массивные браслеты, кольца, широкий обод часов... Всё буквально кричало о щедрости её мужа.

— Так что же вам подарить на свадьбу? — Герольд всеми силами пытался придать своему голосу оттенок спокойствия.

— Не приходи на свадьбу... Это станет лучшим подарком! — и тут Герман расхохотался, причем так искренне, словно брат ему рассказал анекдот. — Слушай, братец-кролик, а что тебе нужно? Ты пришёл выгулять Лизу, это я понимаю. Баринов остался без невесты, это я тоже понимаю... Но ты же для чего-то припёрся ко мне?

Гордеев подался вперед, чуть нависая над столом, впиваясь взглядом в Герольда.

— Давай, говори! — Герман закурил, не спуская прицела глаз. — Я же всё равно узнаю!

— Ты же в курсе, что после Нового года отец планирует начать официальную передачу дела? — Герольд откашлялся, но переключился на официанта, внесшего поднос с шампанским и закусками. — Я просто хочу быть уверенным, что

ты не станешь препятствовать.

— Так этого хочешь ты... При чем тут я и твои желания? Я, Герольд, хочу купить самолёт, к примеру. Но вот выбрать никак не могу. Как тебе моё желание?

— Не прикидывайся идиотом! — Герольд сорвал маску и зарычал, подаваясь вперед во встречной готовности перейти в атаку.

Я оказалась скованной между двумя Гордеевыми, между двумя родными братьями, что воспитывались не то что разными родителями, они даже жили разные жизни! Одному все принесли, вручили титул наследника, а второму пришлось выцарапывать внимание.

От жестокости этой картины у меня перехватило дыхание. Я интуитивно прижалась к Герману, пряча лицо на его плече.

— Поклянись, что не станешь мешать! Герман, поклянись! — завывал Герольд, даже не пытаясь наполнить голос силой, он скорее умолял младшего брата не портить ему мгновение триумфа, чем угрожал.

Беда... Беда! Я с надеждой посмотрела на Огневу, пытаюсь найти в ней хоть каплю поддержки, но кроме страха и паники ничего не увидела. Ладно... Придётся самой выгребать.

— Моя любимая песня! — завизжала так громко, что напряжение хрустнуло, а Герман отпрянул, оборачиваясь ко мне. Я резво впрыгнула в туфли, схватила Германа за руку и потянула вон из кабинки, когда она почти достигла нижней

точки.

Держала его с такой силой, что пальцы заныли. Я физически утягивала его от необходимости врать. Уводила его, пока он не вышвырнул Герольда, пока малышка Огнева не стала вдовой раньше, чем женой.

Мы выпрыгнули на платформу, а Герман ещё успел бросить своему брату через плечо:

— Столик за мой счёт, Герольд! Угощаю...

Зажигалка, значит?

Я с напряжением прошлась взглядом по собравшимся... Знакомая толпа с ожиданием пялилась на нас, как на сбежавших из зоопарка зверят.

Ну что ж! Сами этого захотели...

Втянув воздух, впустив музыку в тело, душу, отправив её по крови, я развернулась, да так резко, что Гордеев не успел затормозить, за что получил тычок рукой в грудь... Он не стал сопротивляться и отлетел к одинокой хромированной опоре!

Шаг, и я прижалась к нему с такой силой, что ощутила нарастающий ритм его сердца. Оно сначала лениво толкалось, но как только я двинула вниз, ритм начал сходить с ума... Всё быстрее и быстрее! И с каждым движением я видела, как светлеет его взгляд, пропуская ласковую зелень.

Бархат цеплялся за пуговицы его рубашки, за металлическую пряжку ремня, а я всё продолжала присаживаться, скользя руками по его ногам.

Наши взгляды не разъединились ни на минуту! Мы не моргали... Это был миг какого-то запредельного дурмана, полная концентрация лишь на нас двоих. С той же томной медлительностью я начала подниматься, наслаждаясь его взглядом, бредущим по декольте...

И тогда я развернулась, прижимаясь к нему спиной, и Герман сомкнул руки вокруг моего тела, впечатал в себя, закрывая от всего мира. Его бедра мягко двинулись, раскачивая нас в такт томной мелодии. И по коже заскакали мурашки, то ли от этого мужчины, то ли от любимой песни...

— Я видел, что ты подставилась, — Герман опустил подбородок мне на плечо и зашептал на ухо. — Не смей... Никогда больше не смей этого делать!

— А ты перестань доказывать всем, что сильнее своего брата. Поверь, Гордеев, это и так все прекрасно знают... Знаешь, как его называют? — я чуть повернула голову, шепча ему прямо в губы. — Герольд! Или старшим братом Германа. Гордеев у нас лишь один. Где шум, толпа и веселье, там Гордеев! Где льётся кровь, где мутятся тёмные делишки... Там и Гордеев!

— Боже, Ива... Ты что, моё эго полируешь? — Герман вновь рассмеялся и толкнулся языком, скользя по зубам, игнорируя взгляды толпы. — А я всё думал, какого хера бабуля мне невест подбирала? Для этого?

— Ну... Ты и сам знаешь, без трения ничего не случается, — я прыснула и откинула голову, наслаждаясь этим танцем.

Посмотрела наверх, ловя лучи софитов, лазера, любопытные взгляды свесившихся из приватов.

Видела очумевшие лица Герольда и Огневой, ускользающих в кабинке всё выше и выше.

Какой хороший день... Я уже забыла и про напряжение, и про тот унижительный бал. Я была в той точке реальности, где всё происходящее уже не поддавалось правкам, но мне и не хотелось... Куталась в его руки, напивалась теплом, привыкала к запаху леса и пламенному дыханию.

Я будто вновь очутилась на той вечеринке... Чувствовала пристальные взгляды, но всё равно шла к самому крутому парню нашей тусовки. Однако сейчас... Мне нечего уже бояться. Он и тогда не отверг... А сейчас и вовсе ждёт, пока я раскрою губы и впущу его в себя!

— Я умею жарить картошку на топлёном масле, — зачем-то выдохнула я ему в лицо. Открыла тяжелые веки, сфокусировала ставший пьяным взгляд.

— А я научусь дарить цветы, — Гордеев ласково потёрся колючей щетиной, пряча хриплый смешок в моих волосах.

— Будь так добр, — я вильнула задницей, но Гордеев отстранился, а после и вовсе спустил руку, фиксируя бёдра, чтобы не хулиганила.

— Ива, не мешай мне держать своё слово, — шепнул он и дернулся, когда в его кармане зазвонил телефон. — Нам пора...

И в таком сплетении тел мы протискивались через толпу.

Я видела и Кошкину, и Бельского. Они не просто наблюдали за нашим танцем, они таращились, словно мы были голыми! Но мне было всё равно...

В холле Герман забрал моё пальто, укутал, как в одеяло, а после, подхватив на руки, понёс в машину. Усадил на заднее сиденье, и, прежде чем закрылась дверь, я успела выхватить пару фраз:

— Вертолёт уже готов... Сергей доставил её в больницу.

Когда Герман запрыгнул в машину, и водитель заскользил вон с парковки клуба, я обернулась к нему:

— Ты... Так будет всегда?

— Тебе правду? — Гордеев протянул руки и прижал меня к себе, упираясь подбородком в затылок. — Но я научусь... Обещаю, что утром буду в городе. Обещаю, что не пропущу свою свадьбу.

— Если ты её пропустишь, Гордеев, то будет не для кого учиться дарить цветы.

— Знаю, Ива... Знаю.

Вечерний город радовал тишиной проспектов, мы летели мимо полыхающих вывесок, ресторанов, высоток. Снег всё усиливался, а я думала о том, какую шубу завтра взять... Ведь только в надёжных объятиях в голову лезут всякие глупости.

Мы остановились в паркинге, и, судя по нервным движениям Кравцова, они уже опаздывали. Я хотела было вынуть руку, но Герман не позволил... Он лично проводил меня до

двери квартиры, но к порогу даже не подошёл... Привалился к косяку, спрятал руки в карманах, словно сам себя сдерживал, чтобы не послать всё к чертям и не остаться.

— Ну ладно.... Тогда я сама, — я разжала пальцы, позволив полам пальто рассыпаться, обнажая меня перед ним. Пусть запомнить и декольте, и чулки... и мои ноги! И пусть вернётся!

Шаг, и между нами осталась всего пара сантиметров. Дыхание становилось глубже, я все чаще касалась его грудью. Встала на цыпочки и едва прижалась губами к колючему подбородку.

— Гордеев, твоей выдержке можно только позавидовать... — я медленно начала отходить к дверям, ёжась от его пристального взгляда. — Уезжай... Но знай, что я сейчас пойду в душ и попробую унять то, что ты так неаккуратно распалил.

Последней шаг, и я захлопнула дверь, содрогнувшись от силы его удара кулаком в створку...

— С огнём играешь, — внезапно раздалось за спиной. Я обернулась и заметила в тусклом свечении две фигуры в длинных широких сорочках.

Кларисса и Инесса Павловна стояли в дверном проёме и внимательно изучали и меня, и моё платье, игриво подёргивая бровями.

— Бабуленьки, а что вы тут делаете? — я рассмеялась и скинула туфли. — А как же преферанс, сигарки и вермут с

лаймом?

— Ага, щас, — фыркнула Кларисса и помогла снять с меня пальто. — Да если бы твой жених не знал, что мы дома, то вы бы уже крушили квартиру!

— Бабушка, а ты когда стала так консервативна? — я прошла на кухню и залпом осушила стакан воды, а затем подошла к окну, наблюдая, как из паркинга выезжает длинный кортеж внедорожников. — И я всё равно не поняла, почему вы тут обе?

— Герман слишком приличный для негодника, — рассмеялась бабушка и подошла ко мне. — Он сам нас и вызвал, чтобы остановиться.

— Приличный паршивец, — подытожила Инесса Павловна и сделала глоток из бокала.

Глава 15

Щиколотки коснулось что-то холодное... Мурашки побежали по коже, пытаюсь вытянуть меня из сна. Но я сопротивлялась, цеплялась за какую-то сочную картинку.

— Доброе утро...

Холод бежал по ноге всё выше и выше... И когда мороз добрался до задницы, бесстыже просачиваясь под шелковые шорты моей пижамы, я распахнула глаза, утыкаясь в наглую морду Гордеева.

Он не улыбался... Он скалился, смотря на меня, как на долгожданную награду.

— И что? Долго я буду ждать? — зашептал он, медленно приближаясь. Его взгляд скользил по моему лицу, по спрятанным под подушкой рукам.

— Чего ты ждал? — мой шепот был слабым, хриплым.

— Как чего? Ива, я уже и номер твой взял, и даже свой оставил! Где фото из душа?

— Негодник ты, Герман, права моя бабушка, — я рассмеялась и удобнее устроилась на подушке, впечатывая лицо в облако пуха. — Не стой просто так... Почеси спинку.

— Ива, ты охренела? — расхохотался Гордеев и рухнул на кровать рядом.

— Ага... Ты обещал учиться. Вот и учись будить меня правильно, — промяучила я, вновь проваливаясь в сон.

Но... Вдруг носа коснулся какой-то совершенно волшебный аромат.

Я четко уловила горечь кофе, парфюм Германа, запах снега, ветра... и цветов?

Я было дернулась, но тяжелая ладонь прижала меня к кровати, пробираясь под тонкую майку.

— Лежи уже! Не видишь, я учусь по методичке для «чайников»!

— Гордеев? — я всё же приподняла голову, утыкаясь в огромную корзину белоснежных чайных роз. — Это что? Цветы?

— Я не знаю, но продавщица в цветочном убедила меня, что это они, — Герман откинул с меня одеяло, и его ледяные пальцы заскользили вдоль позвоночника, превращая холод в пекущую ленту пожара.

— Ты учишься... Мне даже страшно представить, чему придётся научиться мне? — я рассмеялась, и Гордеев поцеловал меня в плечо вместо того, чтобы ответить. — Значит, ты решил всё же явиться на свою свадьбу?

— Были сомнения, но не у меня. Твоя бабушка позвонила мне в половине пятого, — Герман перекатился на бок, укладывая голову так, чтобы видеть меня, но бег пальцев по спине не прекратил. — Кларисса очень чуткая бабушка, грудью охраняющая честь своей внучки. Мне даже страшно представить, что было бы на том балу, если бы она присутствовала.

— Я тоже об этом думала... Но мне кажется, бабуля бы меня поддержала. Ты в курсе, что тебе нельзя видеть невесту перед свадьбой? — я потянулась рукой к его лицу, медленно пробегаясь пальцами по щетине, тёмным кругам под глазами.

— Я одним глазком, пока бабушки заняты...

— Так и знала!! Ах ты кот помойный!!! — закричала бабуля, и в следующий миг Гордееву в лицо прилетело полотенце. — А ну марш отсюда! Плохая примета — видеть невесту перед свадьбой!

— Ага... Я уйду, а вы мне другую подсунете? Вот проведу инвентаризацию и сразу свалю, — смех Гордеева прокатился по стенам, да так мощно, что даже кровать дрогнула. — И в приметы я ваши не верю! Бабуля, не мне вам рассказывать, что всё дерьмо в жизни рукотворно. Помимо природных катаклизмов...

— Катаклизмы он вспомнил! Инна, тащи клизму! — грохотала моя бабушка, но я-то слышала сдерживаемый перелив смеха в её голосе.

— Иди, а то убьёт, — шепнула я, улыбаясь Гордееву, явно испытывающему терпение моей бабушки.

— Иду... А ты кофе пей. Не знаю, нужно было учиться тому или нет. Но Бесадзе говорит, что это помогает получить утренний....

— Паскудник!

— Да замолчишь ты, Клара? — сонно протянула Инесса

Павловна, вплывая в мою спальню. Она медленно осматривала собравшихся, затягивая пояс своего шёлкового халата.

— Бабушка, я только проверить зашёл, — Гордеев перекатился на спину, осматривая фурий, застывших в дверях. — Вдруг мне невесту подменили?

— А я тут на кой ляд? — строго выдала Инесса Павловна. — Иди, Герман. Иди...

— Ухожу! — Гордеев вскочил и скрылся в гардеробной, откуда вытащил объёмный портплед. — А ты, кобродчка, знай, что я тебя всё равно найду... И если тебе бабушка будет предлагать бежать нелегально, не соглашайся...

— Клоун! — шикнула Инесса и подтолкнула внука к выходу. — Ивушка, доброе утро.

— Доброе утро, Инесса Павловна, — я присела на кровати, провожая их взглядом.

На прикроватной тумбе, и правда, стояла чашка кофе, к ней я и потянулась, не сводя глаз с нежнейшего облака белоснежных цветов.

Бабушка не спешила уходить, заперла дверь и прошла ко мне, опускаясь на кровать.

— Спинку почесать? — прищурилась она. — Как в детстве...

— Да почесали уже, — я спрятала улыбку за чашкой. — Я не поняла, какого лешего ты его гоняешь, как кота помойного? Ба, ты же помнишь, что мы в его квартире, а мы уже связаны традициями «воронов»...

— Я? — бабушка нервно рассмеялась и легла на подушку, на которой ещё минуту назад лежал Герман. — Ты бы видела, как твоего деда гоняла моя бабушка. У-у-у-ух... Она его метлой огрела, когда услышала, что он крадётся в мою спальню.

— Ба, ну время другое было...

— Ива, времена разные, а мужики всегда одинаковые. Пусть копит энергию, — бабуля подмигнула, скинула со лба ломтик огурца и отправила его в рот. — Хороший Гордеев... Хороший. Я иногда ловлю себя на мысли, что, возможно, это всё даже к лучшему...

— Знаешь, ба, я себя на этой же мысли поймала, — сделала глоток и обернулась к окну, рассматривая, на удивление чистое небо. — Мы в клубе вчера были. И туда заявился Гордеев... Огнева при нём как собачка ручная. Навешал на неё золотых цацок, словно на выставку вывел, а взгляд у него пустой-пустой...

— Кстати, о цацках! — охнула бабушка и начала рыться по карманам. — Это тебе паршивец передал. Ну, как передал... Я отобрала.

— Таможня, блин, — я рассмеялась и забрала бархатный футляр, но стоило открыть, я чуть его не выронила!

На чёрной подушечке переливались серьги. Нет... Это не серьги, это произведение искусства! Золотые цепи были унизаны бриллиантовыми капельками, образуя густые мягкие грозди.

— Годится нам Гордеев. Годится... Знаешь, Ивушка, я всё ждала, когда он взорвётся от моего хамства... А он, поскудыш, терпит! А вчера, когда он сам написал Инке, я чуть от умиления не расплакалась. И ведь держится, чёрт... Я бы, увидев тебя в том платье, точно оприхо...

— Бабушка! — я закрыла уши и рассмеялась. — Не заставляй меня слушать пошлости в день свадьбы! И вообще, нашла, о чем плакать. Возможно, он просто относится ко всему происходящему, как к сделке. Об этом ты не думала? Разве он не должен дарить драгоценности? Не должен пытаться понравиться родителям?

— Ивка, ты меня за дуру-то не держи, — бабушка захрустела вторым огуречным ломтиком и поднялась. — «Должен» и Герман — слова, которые если и окажутся в одном предложении, то лишь по его воле. А пока этот паршивец никому и ничего не должен... Но делает!

— Всё, я встаю!

— Вот и молодец... Там уже и родители подъезжают, и стилисты. Тебе, кстати, мать сказала, что она договорилась, и вам не нужно будет ехать в ЗАГС? Всё сделают на месте...

— Нет, не говорила, — я ласково перебирала капли камней, наслаждаясь их свечением.

— Ну вот... Твоя мама, когда речь заходит о её принцессах, порой поражает своей настойчивостью даже меня! Всё, я пойду волосы хоть начешу, пока эта квартира не превратилась в проходной двор.

Бабушка вышла и закрыла дверь спальни, оставляя меня одну.

— Заслужил, — выдохнула я в пустоту спальни, адресуя эти слова лишь ему...

Стянув с тумбы телефон, подхватила роскошную корзину цветов и на трясущихся ногах отправилась в ванную.

Открывать плотные шторы я не стала, включила лишь золотистое свечение. Выбрав ракурс, где нежные бутоны роз частично скрывали прозрачные, искрящиеся пламенем перегородки душа, я скинула пижаму и вошла под обжигающие струи воды. Пар начал заволакивать пространство, стирая очертания реальности.

Дрожь и странное ощущение от того, что я делаю что-то запретное и совершенно неприличное, подогревали адреналин, страх и смущение. Но я не останавливалась, перебирала позы, ловила блики, искала нужный ракурс... Мне нужен был тот самый кадр, способный показать, и при этом не обнажить... Мне нужны были вопросы, но ответы на них я Гордееву давать не собиралась.

А пусть думает! Пусть учится не только цветы дарить, а с ума сходить... Пусть дрожит и бесится! А главное — пусть думает... только обо мне.

Потратив несколько минут на фото, я все же поспешила принять душ, пока квартира, и правда, не превратилась в проходной двор. Закуталась в халат и опустилась на пуфик, бегло пролистывая залп фотографий...

Мне даже смотреть в зеркало не нужно было, чтобы ощутить подступающий румянец! Это было постыдно прекрасно...

Камера поймала фокус на нежных бутонах, а пар горячей воды размывал моё обнаженное тело... Эта томная, соблазнительная дымка лишь подчёркивала то, что я хотела ему подарить – предвкушение...

Он мог видеть лишь соблазнительные изгибы, талию, линию ног, возбуждающий прогиб спины, край татуировки, бегущей от бедренной косточки к правой лопатке. Кожа переливалась капельками воды, набирая янтарные блики подсветки, создавая вокруг меня какое-то магическое свечение, и я буквально задохнулась от этого кадра!

Стараясь не анализировать, я выбрала самую удачную фотографию и отправила Гордееву! И пока он тянул и не читал сообщение, боролась с порывом удалить! Но в момент, когда я уже решилась, галочки неожиданно вспыхнули зелёным... И я не выдержала! Вырубила телефон и, визжа, как чокнутая кошка, принялась занимать свои руки хоть чем-то, лишь бы не проверить, лишь бы не знать...

— Ива? — в ванную поскреблась мама. — Можно?

— Входи, мам...

— Привет, доченька, — мама первым делом заметила корзину цветов, и её губы дрогнули в мягкой улыбке.

— Ивка!!!! — прежде чем мама успела что-то сказать, дверь распахнулась с ударом, и из-за её спины вырвался ура-

ган по имени Амелия, моя старшая сестра. — Вот ты тихушница! Это что, ты себе Гордеева оттяпала и молчишь? Говорят, это было эпично...

Сестра бросилась на меня с душными объятиями, визжа от восторга мне прямо на ухо.

— Ну, систер... Ты что, ствол к его виску приставила? Как ты его, «железного», уломала-то? Все были уверены, что этот блядун и ходок в жизни не женится!

— Ами, нашла что сказать сестре перед свадьбой. Хочешь, чтобы она сбежала? И вообще, думается мне, что он и сам не против, — мама кивнула на корзину цветов, свидетельство его «нежелезности»...

— Боже... Ива! Что ты сделала с Гордеевым? Признавайся! По нему же все девчонки сохли! Это он подарил? — сестра с немым восхищением припала к цветам, ласково водя пальцами по нежным бутонам, а внутри меня заскребла ревность... МОЁ!

— Так, идём завтракать и начинаем... Хоп-хоп! Быстро! — мама захлопала в ладоши, выталкивая нас из спальни в шумную и уже полную совершенно незнакомых мне людей квартиру. — Это только кажется, что до вечера времени много...

Хаос обрушился на меня лавиной снега. В гостиной громыхали своей техникой фотографы, в гостевой спальне раскладывались визажисты, а вот в столовой суежилась вся наша семья.

Первым с дивана поднялся отец. Он даже не попытался скрыть слёз и шагнул ко мне, сжав в объятиях так, будто я всё ещё была его маленькой девочкой.

— Ива... Ты только скажи, — прошептал он мне в макушку, и его голос дрогнул. — Просто дай знак, и всё остановится. Словно ничего и не было.

«Нет... Не будет никаких знаков», — зазвенело в голове, но вслух я этого не произнесла, оставив папу в полном неведении об урагане, разворачивающемся у меня внутри. Мне и самой было страшно признаться, что моё молчание – безоговорочное согласие... Согласие на брак, подчинение традициям, полная капитуляция, скрип затворов моих личных границ...

И как этот таран по имени Герман Гордеев всего за неделю сумел разрушить эту стену?

Больше говорить мне не дали. Меня затянуло в водоворот суеты и подготовки. Бабушки кормили меня буквально с ложечки, Ами сушила мои волосы, мама умудрялась по телефону проконтролировать последние приготовления и давать указания стилистам, подбирающим наряд для откровенной предсвадебной фотосессии.

Меня красили, чесали, одевали... А я только и думала о выключенном телефоне, оставленном в ванной комнате. И даже под слепящими вспышками фотографов, фиксирующих меня в кружевном белье на фоне холодного и бесконечно-голубого неба в панорамном окне, я все равно думала:

«Что он ответил?».

Спустя долгие часы суеты и полного бедлама мы всем табором столпились в холле. Мама вела перекличку, бабушки в унисон пытались меня успокоить, неверно воспринимая моё молчание. А появившийся при полном параде Кравцов хитро улыбался, лично сопровождая меня к машине. Олег был собран и буквально не отнимал руки с моего локтя, не подпуская даже отца. Он словно... словно головой ручался за мою транспортировку.

Особняк, где было принято решение отмечать свадьбу, был довольно далеко от города, поэтому пришлось выезжать заранее. Меня одели в удобный спортивный костюм, платье и прочие атрибуты загрузили в минивэн, и наш караван тронулся в путь, к месту, где через несколько часов должно было свершиться то, что уже не остановить...

— Ой, Ива, я так нервничала перед свадьбой, а ты тихая, — не унималась Амелия. — Систер, ты чего?

Но я молчала... Не в силах произнести вслух то, что закопошилось в груди полчаса назад. Какая-то противная, ноющая тревога засела под сердцем и не давала вдохнуть полной грудью. Воздух куда-то проваливался, но спокойствие не приходило.

Я сидела, почти не слыша голосов. Пропускала мимо ушей разговоры бабушек, мамины успокаивающие реплики, эмоциональные всплески сестры. Они старались, дружно вспоминали нелепые истории своих свадеб. Они отчаян-

но пытались отвлечь меня, вызвать смех, улыбку. Но ничего не получалось. Внутри было так тихо, что визг Амелии заставил подпрыгнуть!

Сестра припала к окну минивена, когда среди сплошной черноты зимнего леса, будто мираж, прорезалась резкая, ослепительная вспышка.

— Дьявол! — завизжала моя сверхэмоциональная сестра, и её восторг был таким искренним, что на миг пробил броню моей апатии. — Да это же дворец! Ива, ты только посмотри!

И тревога чуть угасла, когда я переключила внимание. Вид и вправду был завораживающим. Среди бескрайних, пухлых сугробов и тёмных, заснеженных елей величаво возвышался особняк в классическом стиле. Широкие мраморные колонны, высокие окна, мерцающие, как самоцветы. Вечер уже плотно накрыл город, но дом сиял изнутри сотнями огней, словно гигантская, безупречно наряженная новогодняя ёлка. Вдоль вычищенной подъездной дорожки тянулись высокие светильники, у подъезда заканчивали монтаж ледяных скульптур, что тоже начали зажигаться, сверкая изнутри холодным призрачным переливом.

И лишь когда мы приблизились на достаточное расстояние, я смогла рассмотреть огромные буквы... «Е» и «Г». Моя буква была бирюзовой, в цвет камня нашей семьи, а буква Германа искрилась сотней изумрудов... И на фоне снежного покрова это выглядело безумно красиво!

Сотрудники разметали снег, не рискуя пока раскатывать

ковровую дорожку, из грузовиков таскали упакованные в бумажные купола цветочные композиции. Видя эту суету, наш водитель без лишних слов свернул к скромному служебному входу с другой стороны здания.

— Так! Амелия, ты иди с Ивой, и начинайте собираться. Через десять минут начнут стягиваться гости, — мама достала ежедневник, буквально отслеживая каждый шаг по своим записям. — Бабушки, гости на вас, я на кухню и в зал... Мне очень интересно, какого черта цветы только сейчас привезли? Давид, а ты... Что это за тарантайка?

Мама, так и не дав задание отцу, понеслась к черному грузовику, стоявшему недалеко от служебного входа.

— Ваша мама нервничает больше, чем полагается, — рассмеялся папа и помчался выручать водителя, припарковавшегося в неположенном месте.

Тем временем к нашей машине уже подбежал распорядитель свадьбы.

— Ива Давидовна, Амелия Давидовна, прошу за мной. Всё готово.

Он повёл нас с сестрой через лабиринт служебных коридоров на второй этаж, в отведённую для меня комнату. За нами торжественной процессией потянулись стилисты с чемоданами и охрана, несущая ворох коробок с тем самым платьем, туфлями и остальными атрибутами ритуала.

Помещение было просторным. У входа выставили даже ширму, чтобы никто не помешал долгому переодеванию.

Амелия постоянно плакала, и визажистам приходилось поправлять её макияж. А я заморожённо кружила вокруг пла-
тьи...

Все слова застыли в горле острыми ледышками. Я молчала, не понимая, что происходит. Возможно, это волнение?

Я подошла к окну ровно в тот момент, когда мимо череды гостей вклинился кортеж Гордеева. Из подъезда выскочил переодевшийся в смокинг Кравцов, он распахнул дверь и начал отчет...

И тут я увидела его! Герман выскочил из джипа и слегка встряхнул ноги, затекшие от долгой дороги. И в этом жесте было столько магии. Он словно распускал по венам задремавшую силу. Хищным жестом он осмотрелся по сторонам, его длинные волосы взмыли в воздухе, собирая крупинки снега... Он не замечал ветра, встречал его грудью, вальяжно поправляя манжеты рубашки.

И в следующий миг из джипа выскочил Бесадзе! А за ним и Баринов... Парни буквально синхронно на ходу повязывали бабочки, надевали пиджаки. Они обступили Кравцова и что-то внимательно слушали, а после устремились в здание... И их походки не выражали ни суеты, ни волнения. Они шли на очередное задание, а не на свадьбу.

Тогда чего же мне так хреново?

— Всё готово! — тяжёлый, полный напряжения вздох мамы ворвался в комнату, а следом вплыла и она... сосредоточенная, собранная и спокойная. — Через двадцать минут

нужно начинать одеваться. Амелия, беги вниз, там бабушки уже не справляются с гостями. Давид!

— Да иду я, иду! — папа набросил на плечи пиджак и, проходя мимо меня, быстро поцеловал.

Я обняла себя руками, пытаюсь успокоить сердце, но оно не слушалось! Тук-тук... Тук-тук... Прошлась влажными ладонями по штанам, но в отражении зеркала вдруг заметила что-то странное... Вскинула дрожащие пальцы, и из груди вырвался звенящий отчаяньем стон.

— Мама! А где моё кольцо? — охнула я, растирая безымянный палец, что без перстня с изумрудом казался буквально голым.

— Кольцо? — мама нахмурилась и начала перебирать груды косметики на столе. — Ой... Оно у Амелии, вместе с ожерельем! Я сейчас... Ива, давай, раздевайся... Я вернусь, и начнём!

Мама подскочила, поцеловала меня в самый кончик носа, чтобы не смазать макияж.

— Сейчас я принесу твоё кольцо! Сейчас...

Суетливые шаги ещё долго звучали по длинному коридору, дубовый паркет скрипел и стонал от яростного ритма её каблучков. А я застыла... Растирала голый палец и шептала что-то бессвязное.

Всё не так... Всё не так!

Сердце заходило, горло пересохло, пальцы заledenели! Я покачивалась, пытаюсь успокоиться. И чем дольше я оста-

валась одна, тем крепче были щупальца тревоги! И сейчас больше всего хотелось услышать тяжелые шаги и его бархатный смешливый голос.

У кто-кто, а Герман бы нашел над чем посмеяться даже в этой ситуации. Назвал бы меня кобродкой, отпустил бы одну из своих шуточек о том, что я просто решила от него сбегать. Возможно, так оно и было...

Ну что же я творю? Амелия права, я же буквально припёрла его к стенке с этим браком. И ни разу не спросила — надо ли это ему? У Германа свои правила, свой порядок, выстраданный кровью и потом. И тут в эту размеренность ворвалась я, располосовав её алой лентой...

— Нет, я точно брежу! — я прижалась пылающим лбом к ледяному стеклу. Выдохнула, и мир за окном поплыл, скрывшись за молочным облачком моего же дыхания.

Пальцы, будто сами собой скользили по тающей испарине, выводя буквы: «И и Г». Ива и Герман... Глупый и наивный ребячий жест. И до кучи я пририсовала ещё и забавную рожицу.

Но моё хулиганство исчезло, как только дымка рассеялась. Но вот нервный смех никак не хотел стихать... Он перерастал во что-то иное. Я уже чувствовала, как подступает нелепая и несвоевременная истерика.

И вдруг... тишину нарушила чёткая дробь тяжёлых шагов в коридоре. Не суетливых, как у мамы, а размеренных, уверенных. Они заставили мой смех оборваться...

Вцепилась в каменный подоконник и закрыла глаза, пытаюсь уловить в этом звуке что-то знакомое. Внутри растеклось спокойствие от одной мысли, что Гордеев пробрался через кордон моих родителей. Он пришёл успокоить меня... Или ответить на сообщение?

Губы сами собой растянулись в слабой, дрожащей улыбке. Я не решалась обернуться, боясь спугнуть эхо его шагов. Смотрела на подъездную дорожку, на которой буквально не осталось свободного места от паутины машин.

Но вдруг... Носа коснулся совершенно чужой запах. Резкий, удушливый парфюм ворвался в легкие, и за мгновение до того, как я открыла рот, чтобы закричать, картинка расплылась...

И мир внезапно смазлся, поплыл, как мой детский рисунок...

Последние картинки, врезавшиеся в сознание: тени гостей, движущихся к особняку, полчища официантов в белых перчатках с искрящимся на золотых подносах шампанским... Приветственные залпы фейерверка... весёлый и беззаботный смех... и тяжелое серое небо, засыпающее всё крупными снежинками.

— Ива Давидовна, так надо. Вы потом спасибо скажете, — сквозь туман прорезался смутно знакомый голос, но я не могла собрать силы и вспомнить... кому же он принадлежит.

И тут всё стёрлось... растворилось, впуская густую беспросветную

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.